

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

ДЕСАНТНИКИ

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Артем Драбкин

Десантники

«Яуза»

2020

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Драбкин А. В.

Десантники / А. В. Драбкин — «Яуза», 2020 — (Война. Я помню. Проект Артема Драбкина)

ISBN 978-5-00155-108-9

История российских воздушно-десантных войск началась задолго до 50-х годов, когда они получили почетное прозвище «войска дяди Васи». Советские десантники проводили успешные операции в тылу врага еще во время Финской войны. Контрнаступление под Москвой, Вяземская воздушно-десантная операция, форсирование Днепра – на фронтах Великой Отечественной войны десант часто был впереди остальных. Об опасных заданиях за линией фронта, о разведывательно-диверсионных операциях из которых возвращались не многие, десантники рассказывают на страницах очередной книги исторического проекта Артема Драбкина – «Я помню» (www.iremember.ru).

УДК 82-311.6

ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-00155-108-9

© Драбкин А. В., 2020

© Яуза, 2020

Содержание

Лихтерман Матвей Цодикович	6
Гришанов Константин Сергеевич	27
Сибиряков Яков Григорьевич	41
Горшков Николай Петрович	50
Богацкий Михаил Моисеевич	60
Моисеев Владимир Николаевич	70
Шаулин Владимир Алексеевич	85
Тотанов	89
Жуков Леонид Степанович	95
Соколовский Фроим Шнеерович	106
Неживенко Петр Николаевич	113
Тимофеев Федор Васильевич	122
Евстратов Иван Яковлевич	132
Водянский Григорий Давидович	136
Шишкин Василий Иванович	144
Воронин Иван Васильевич	157
Бем Юрий Оттович	175

Артем Драбкин

Десантники

© Драбкин А.В., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Лихтерман Матвей Цодикович

Родился я в ноябре 1921 года в поселке Шумячи Смоленской области. Детство мое прошло в городе Рославль там же, на Смоленщине. Закончив десять классов, работал на заводе. Летом 1940 года прошел отборочную комиссию в военкомате и был направлен в составе группы из одиннадцати человек на поступление в Ленинградское авиационно-техническое училище, дислоцированное в Сестрорецке. Приезжаем, помню, в ЛАТУ, а у нас даже не принимают документы. Конкурс на каждое место огромный, приехало поступать больше четырех тысяч человек со всей страны. Тогда все мечтали служить в авиации. Нам говорят: «Хотите – поезжайте в Иркутск, там такое же училище, и экзамены – через две недели. Может, в Иркутске ваши документы примут». Негласный «вождь» нашей группы, мой двоюродный брат Миша Добкин, сказал: «В Сибирь мы всегда успеем». Когда поехали домой, Мишка все сокрушался о том, что не успели посмотреть Ленинград. Ничего, через год Мишка попал под Ленинград в бригаду морской пехоты. После войны я спросил его: «Ну, успел Ленинград поглядеть?» Ответ: «Целых четыре раза, и все – из окна госпиталя...» Четыре раза Мишку ранило на войне.

Вернулся я на завод, а уже в марте 1941 года меня призвали на действительную службу в РККА. Почти всех рославльских призывников отправили служить в Литву, а я очутился в части, расположенной в Средней Азии, в восьми километрах от Самарканда. Это был Краснознаменный кавалерийский полк, преобразованный в мотострелковую дивизию. Тогда всех лошадей отправили в кавкорпуса на Украину. Я еще застал старослужащих кадровиков из бывших кавалеристов. Определили меня в артполк, на должность наводчика сорокапятимиллиметрового орудия.

Насколько кадровая служба была тяжелой? Вообще, как относились в вашей части к новобранцам?

Нормальной была служба. Встретили новобранцев очень хорошо. На батарее служило двое «стариков» из могилевских евреев, был помкомвзвода – белорус Якименко.

А смоленские и белорусские всегда считались почти земляками. Вообще, всех новичков у нас принимали с доброй душой. Я сразу подружился с грузином Думбадзе. Он меня учил петь песни на грузинском языке. Все новобранцы были сыты, обуты, одеты. Что нам было еще тогда надо? Сама служба была нелегкой. Жара, Азия, пока привыкнешь... Помню, как каждое утро нас приводили к речке Даргом, стекавшей с гор. Через реку были натянуты тросы. Так мы были обязаны, держась за эти тросы, находиться в ледяной воде пятнадцать минут. Закаляли нас, одним словом. Пить нам давали мало: флягу – на день. Зато все время кормили соленой рыбой. Пилоток не было, ходили в панамах защитного цвета. Пить воду из арыков нам запрещалось, говорили: мол, сразу и холеру, и дизентерию подхватите. Первые два месяца службы мы учили матчасть пушки и проходили учебный полевой курс новобранца. Стрельбу боевыми снарядами мы проходили только один раз, уже в начале июня.

Вы ощущали приближение войны?

Нам, служившим в Азии, все время говорили, что будет война с Турцией. А друзья мои, служившие в Литве, еще в мае сорок первого присылали письма из Литвы, и все, как один, писали: «Матвей! Скоро – война с немцами! Не поминай лихом, прощай, если что...» Все они погибли в Прибалтике в сорок первом году.

День начала войны помните?

На 22 июня 1941 года была назначена наша присяга. Мы ждали шефов. Вдруг поступает приказ: «Все – на плац, на митинг!» Вышел командир нашей части, немец, полковник Гейцах, отмеченный двумя орденами Красного Знамени за борьбу с басмачеством. Помню его слова: «Красноармейцы, сыны мои! Мы – краснознаменная часть, и я буду требовать от командования округом немедленной нашей отправки на фронт! Разобьем фашистскую гадину! Ура!!!!» Неделю мы получали автотехнику, машины ГАЗ, мобилизованные с гражданских предприятий. Орудия наши были на автомобильной тяге.

29 июня нас погрузили в эшелоны и отправили на фронт. Выдали нам НЗ на три дня: вобла, по четыре сухаря, банка говядины на троих и пачка чая. На станциях вдоль железнодорожного полотна стояли старушки и плакали, голосили нам вслед: «Дети, куда вы едете?! Вы же такие молоденькие? Вас же всех поубивают!»... 10 июля 1941 года разгрузились в Брянске и сразу – в бой под Ельню.

Про летние бои сорок первого года расскажете? Многие ветераны не хотят о них вспоминать.

Все, что творилось под Ельней в июле 1941 года, можно охарактеризовать одним коротким словом – мясорубка... Перед первым боем нам объявили: «Немцы высадили парашютный десант, их мало, покажем немцам «кузькину мать»! А на нас пошли танки!... Все время нас гоняли по лесам взад-вперед. Тянем орудия на лямках, занимаем позиции. Немцев не видим, куда-то стреляем, а через час получаем новый, еще более бестолковый приказ. Бой кончается, кто живой – того сразу перебрасывают на новое место. В конце июля мы уже стреляли только с открытых позиций. В июле у нас была страшная жара, пить хотелось смертельно, а рядом с нами не оказалось ни ручейка, ни речки. За три недели боев мы ни разу не видели полевой кухни. Что сам найдешь, тем и питаешься. Потери наши были просто невыносимыми. Трупы никто не хоронил. Тела убитых складывали в «стоги», клали по пять – семь тел, одно на другое. «Стоги» шли рядами, через каждые двадцать – тридцать метров, и мы даже не пытались считать эти «горы» – так их было много, чуть ли не до края горизонта... Поскольку трупы разлагались, вонь стояла дикая. И каждый день немцы нас все бомбят и бомбят! Буквально не было спасения от немецких самолетов. Мы рыли «ровики», щели, а толк от них все равно был небольшой. Зенитчиков своих мы проклинали. Мазилы! Хоть бы одного немца-бомбера

завалили. Так нет! Наши ТБ-3, идущие на бомбежку, немецкие зенитчики сбивали с третьего снаряда. Это я лично видел несколько раз.

Политрук батареи придет ночью и говорит: «Приказ генерала Жукова! Ни шагу назад!» А мы даже не знаем, где вообще находимся, что происходит слева и справа. Ведь телефонная связь была перебита. Какая тут к черту корректировка огня?!

Через три недели от двух батарей осталось одно орудие и девять человек, из нашего взвода – только Якименко и я. Представляете, какие мы несли потери в стрелковых ротах, если из артиллеристов в строю оставалось девять из семидесяти человек... Занимаем огневую позицию. Разрывные пули только по щитку орудия шелкают... Снарядов у нас было всего четыре ящика. Слышу крик: «Танки!» Стрельба из «сорокопятки» ведется с колен. Я приподнялся взглянуть на поле боя. Вдруг я чувствую удар в грудь с правой стороны. На меня летят осколки от танкового снаряда. А я, оказывается, даже разрыва не услышал... Ребята перевязали. До санбата я умудрился дойти сам. Меня прооперировали и отправили в госпиталь в Тульскую область, на станцию Черепец. Госпиталь разместили в бывшем санатории.

Там же произошел один случай, который я не могу забыть до сих пор. Палаты были большие и рассчитывались на сорок раненых. На стене висела «тарелка» репродуктора. По этому радио я услышал рассказ Левитана о немецких зверствах на оккупированной территории. Речь шла о том, что немцы привязывают евреев к танкам, потом те разъезжаются в разные стороны и тела несчастных разрываются на куски. Вдруг в палате раздается смех многих людей и возгласы с разных сторон: «Молодцы немцы, как жидов кончают!» У меня от этого внутри все окаменело. До той минуты я был пламенным патриотом, фанатиком, а тут... Лежал и думал, как я буду воевать рядом с такими людьми!??? Да люди ли они?..

Через две недели меня погрузили в санитарный поезд и привезли в госпиталь в Аткарск. Лежал я там еще два месяца. Выписав из госпиталя, мне дали отпуск на полтора месяца на долечивание и «литерные» документы на проезд по железной дороге в любое направление. А куда было ехать? Я понятия не имел о том, где находится моя семья. Пришел на станцию... И Бог помог мне. Окликает меня какой-то железнодорожник: «Солдат, ты случайно в Рославле на заводе не работал?» Оказался мой земляк, эвакуированный с вагоно-ремонтным заводом в Аткарск. Тогда он мне и говорит: «Многие рославльские в Тамбов эвакуировались. Поезжай туда, поищи своих». До Тамбова я добирался долго и мучительно. Пришел в Тамбове в эвакупункт, посмотрел книги записи эвакуированных, но не встретил ни одной знакомой фамилии. Мне дают совет: поезжай в Кирсанов, там вроде какая-то артель из Рославля находится.

И точно, в Кирсанове я нашел артель «Борьба». У них находилось письмо от моего младшего брата, который разыскивал нашего дядю. В нем же указывался обратный адрес – село Верхотуры, Воскресенский район, Башкирия. Однако добирался я до своих несколько долгих месяцев. Зима, на улице стоят лютые морозы, а я еду на «товарняках» да угольных платформах в одной «шинельке»... Как я не замерз насмерть в эти дни, до сих пор удивляюсь!

Когда я доехал до Челябинска, мне вдруг стало плохо: ходить не могу, ноги опухли, дышать трудно, в груди – боль, как будто раскаленное железо внутри. Меня снова привезли в госпиталь. И оказалось, что у меня открылась рана. Мне откачали гной и воду из легкого. Затем отпустили из госпиталя. Так я доехал до Орска. Но там – та же история. Снова врачи кромсают мне раненое легкое, опять – гной, дренаж. Температура «зашкаливает» за сорок. Врачи уже ждали, когда я помру. В то время антибиотиков еще не было. Но я выкарабкался... Медицинская комиссия признала меня негодным к воинской службе сроком на один год с обязательным переосвидетельствованием раз в три месяца. Я доехал до Ишимбаева. До села в котором жили родители, оставалось сорок километров, и опять – та же история. Вышел я из больницы 8 марта. Приехал в Верхотуры. Спрашиваю у местных: «Где тут Лихтерманы живут?» А мне в ответ рассказывают о том, что моя семья жутко голодает. Придя домой, начал я слесарить, чтобы семью прокормить.

Затем моего младшего брата Иосифа призвали в армию и направили в Стерлитамакское пехотное военное училище. Вскоре училище отправили на фронт в полном составе под Сталинград. Там брата тяжело ранило, и он вернулся домой только в 1943 году с ампутированными ступнями ног... В июле сорок второго года меня вызвали в Уфу на гарнизонную медкомиссию. Никто из врачей меня даже не осматривал. Посмотрели госпитальные справки и сказали: «Сожалею, но мы отменяем прежнее решение о вашей «комиссовке». Вы признаетесь годным к службе без ограничений». И несут какую-то чушь о том, что, мол, понимаешь, армия нуждается в солдатах, что на фронте тяжелое положение... Будто я сам этого не знаю! И сразу дают в руки направление в военкомат. Спорить я с ними не стал, только заметил вслух: «Я думал, меня на врачебную комиссию позвали, а, как выясняется, тут политруки сидят, а не доктора». Они в ответ только молчат... Прихожу на комиссию в военкомат. Там меня спрашивают: «Кем хочешь воевать? Ты – раненый фронтовик, кадровый солдат, с образованием, даем тебе право выбрать...» Отвечаю: «Я – наводчик сорокапятимиллиметрового орудия. А вообще, мне – все равно, куда пошлете». Мне действительно было все равно. После Ельни я стал фаталистом, знал, что никто не уйдет от своей судьбы. Тогда они у меня интересуются: «В пулеметно-стрелковое училище пойдешь? Мы тут команды формируем в Тюмень и в Арзамас. На артиллерийском нет разрядки». «Давай в пулеметное», – говорю им... Тогда они дают мне повестку с таким содержанием: прибыть с вещами через две недели... После этого я простился с родителями. Я был уверен, что живым домой не вернусь.

Через две недели я приехал в Уфу. Из сотни ожидавших отправки будущих курсантов отобрали человек тридцать. Нас посадили на пароход. Проплыли мы девяносто километров по реке Белой и оказались в Бирске, старинном купеческом городе. Там располагалось ЛУВНОС – Ленинградское училище воздушного наблюдения, оповещения и связи...

Первый раз слышу о подобном училище. Расскажите о нем подробнее.

Я тоже не имел ни малейшего представления о подобном училище, хоть оно и не считалось засекреченным, как, например, училище разведки в Ленинграде до войны. Училище готовило командиров ВНОС для войск ПВО страны. Оно предназначалось не для зенитчиков, стоящих рядом с передовой, а для частей, прикрывающих воздушное пространство над крупными промышленными объектами и городами в армиях ПВО. Шанс попасть из этого училища на передовую был весьма невысок. И атмосфера там была соответствующей... Учился немало генеральских «деток», которых папы сунули в это училище для того, чтобы переждать военное лихолетье. Особняком держалась большая группа бывших студентов Московского нефтяного института имени Губкина... Особой дружбы между курсантами не было. Училище было небольшим – в нем училось всего около тысячи курсантов. Но официально мы были поделены на четыре батальона. Большая часть преподавателей состояла из бывших инженеров Ленинградского электролампового завода. Они постоянно подчеркивали исключительность нашей будущей специальности. И когда уже все военные училища из Поволжья были брошены в пехоту под Сталинград, мы продолжали учиться. Нас поберегли. Подготовили нас в профессиональном плане великолепно. Я научился работать на всех видах радиостанций, но, что самое необычное, – нас обучали работать на первых отечественных радарх РУС-2- «радиоуправляемый самолет» (слово радар тогда еще не употребляли) и на канадских ленд-лизских радарх CON-2.

За несколько недель до выпуска из училища, нас семнадцать человек, вызвали по списку в штаб. Там нам сообщили, что мы выпускаемся из училища в звании сержантов и наша группа отправляется в распоряжение ГУС КА – Главного управления связи Красной армии. Так что в офицерских погонах тогда походить мне не пришлось. Однако я по этому поводу не переживал. Кто попал в эту команду, спрашиваете? Тех, у кого фамилия на «ман» заканчивалась, оказалось три человека, остальные, как я понял, были ребята с «подмоченными» анкетами.

Возможно, что я ошибаюсь по этому поводу... Прибыли мы в Москву, в ГУС. Нас выстроили в одну шеренгу. Вышел к нам какой-то полковник. Ему докладывает адъютант: «Радисты для десанта прибыли!» Так, мы впервые узнали, что наша воинская дорога ведет нас в десантные войска. Впрочем, с этих слов мы сразу не поняли, о каком десанте речь – о воздушно-десантной бригаде или о диверсантах... Полковник рявкнул что-то бодрое. Вроде это были какие-то дежурные слова: Родина, доверие, партия, не посрадим, не пощадим, «бу-бу-бу» и т. д. и т. п. После этого он нам объявляет: «Вы направляетесь на формирование 3-й воздушно-десантной бригады в город Фрязино». Выходим мы из здания и все сразу на небо смотрим: наше будущее «поле боя», как мы оттуда падать будем?

Как в вашей группе отреагировали на распределение в ВДВ?

По-разному. Кто-то обрадовался, кто-то заматерился: мол, не хочу идти в парашютисты-диверсанты. Но никаких истерик по этому поводу ни у кого не было. Надо – так надо.

Ваша 3-я ВДБр вместе с частью 5-й ВДБр приняла участие в знаменитом и трагическом Днепровском воздушном десанте. Я попрошу Вас максимально подробно рассказать о подготовке десантников бригады и о самом десанте. Ведь фактически нет информации непосредственно от участников десанта. Небольшие заметки десантников Неживенко, Жукова, Муктаева, Улько, Мигдалевича, очерки о Героях Советского Союза, комбатах: майоре Блувштейне, капитане Петросяне, капитане Воронине, статья о комбриге 5-й ВДБр Сидорчуке, и одна страница в книге воспоминаний недавно ушедшего из жизни участника десанта всемирно знаменитого кинорежиссера Григория Наумовича Чухрая. Даже в фундаментальном труде «ВДВ в годы ВМВ» все острые углы, связанные с судьбой десанта изящно сглажены.

Я взял воспоминания летчика из полка, проводившего высадку десанта, но там один лейтмотив – «мы не виноваты»... Воздушных десантов в годы ВМВ было высажено нашими войсками не так уж и много, но даже неудача Вяземского десанта меркнет на фоне трагедии днепровских десантников.

Сразу хочу заметить по поводу подготовки десантников. Я попал служить начальником радиостанции в отдельный противотанковый дивизион бригады и наша подготовка отличалась от подготовки в простых десантных батальонах. Поэтому я не могу сказать, что информация которой я обладаю в этом вопросе, является полной. В отдельном артдивизионе служило сто восемьдесят человек, на вооружении были пушки 45-мм «Прощай Родина». По сути дела, мы являлись «независимым государством».

Ладно, давайте начнем.

Мы прибыли на формирование в феврале 1943 года. Мне трудно сказать, проводился ли какой-то особый отбор в бригаду. К нам прибыли сотни курсантов из Томского пехотного училища и Ишимского пулеметного училища. Рота ПТР, например, в большинстве своем состояла из кадровых дальневосточников. Все ребята в ней были богатыри, под два метра ростом. Они таскали тяжеленное ружье ПТР как пушинку. Прибыли к нам и направленные сразу из военкоматов комсомольцы-добровольцы, еще не принимавшие присяги. Почти все десантники находились в возрасте восемнадцати – двадцати двух лет. У нас было всего несколько тридцатилетних солдат.

Самое странное, что среди нас встречалось очень мало людей с фронтовым опытом или тех, кто был направлен в десант после лечения в госпиталях. Инструктора ПДС – не в счет. Не было среди нас и участников Вяземского десанта. Оказались считанные единицы людей, воевавших в пехоте в дивизиях ВДВ на Дону и в бригадах под Киевом. Так что передать нам опыт прошлых десантов с предельной честностью, по сути дела, оказалось некому.

Национальный состав бригады представлял в широком диапазоне весь Советский Союз: русские, украинцы, казахи, армяне, татары, грузины и так далее. У нас даже имелся свой грузинский самодетельный хор. Было непропорционально много евреев. Попали к нам и ребята, призванные из Средней Азии, которые хорошо владели русским языком.

Уже через две недели после прибытия в бригаду начались прыжки с парашютной вышки в Мытищах. Параллельно мы изучали подвесную систему парашюта. Прошло еще две недели, и уже в районе Медвежьих Озер начались прыжки с аэростата. В корзину аэростата сажали инструктора, и трех десантников тросами поднимали на высоту 1200 метров... и, как говорят, – «пошел!». Так прошел еще один месяц, и у нас начались прыжки с ТБ-3 с разных высот.

Народу много разбилось на учениях?

Кладбище мы за собой оставили большое. Было три крупных трагедии во время подготовки десанта. В ТБ-3 «набивали» для прыжков до 50 человек. Когда первый раз отработывали ночное десантирование на лес. Многие угробились и многие покалечились. Один раз, кажется, в 3-м батальоне, по ошибке сбросили часть ребят в воду широкого озера. Все они потонули.

Еще у нас случилась неудачная выброска при шквальном ветре в соседней бригаде. Об этой неудаче я не могу рассказывать, так как не помню точных деталей этого происшествия, и зря не хочу что-то сообщать. Как потом шептались – летчиков за этот сброс просто расстреляли по приговору трибунала. Но так ли это было на самом деле и что там конкретно произошло, я не вспомню уже сейчас...

Да и на простых тренировочных прыжках часто бились. Стропы у ребят путались... Все тренировочные прыжки совершались с основным и запасным парашютом. Но хочу заметить, что парашютно-десантная подготовка в бригаде была поставлена хорошо и грамотно. Инструктора во главе с Белоцерковским оказались суперпрофессионалами. Чтобы избавить нас от страха прыжка, они постоянно демонстрировали нам какие-то сложные, чуть ли не акробатические прыжки. Парашюты-то ведь у нас были не только с принудительным раскрытием. Дошло до того, что в самолет рядом с будущими десантниками садились врачи с бригадного санбата и прыгали вниз, держа в руках букетик цветов и тем самым показывая нам пример. Вы же знаете мужскую психологию: «как это баба прыгнула, а я не смогу?!»

Как поступали с «отказчиками»? Какая прыжковая «норма» существовала?

Всех «отказчиков» на формировке без долгих разбирательств отправляли в штрафные роты.

Понимаете, не все бойцы хотели быть десантниками. Находились и такие, некоторые предпочитали скорее смерть на земле в пехотном бою, чем красоваться мертвым со значком парашютиста на гимнастерке.

Я помню первый прыжок с аэростата. Лебедки подняли «корзину». Первым должен был прыгать здоровенный мужик, лет тридцати пяти. Инструктор дает команду: «Пошел!». Мужик оцепенел от страха, руками за край «корзины» вцепился, лицо – белое как стена. Инструктор орет: «Не прыгнешь, в штрафную пойдешь!» Солдат окаменел. И вдруг щупленький инструктор каким-то резким движением выкидывает солдата через дверцу «корзины».

Мы сразу поняли, что с нами шутить не будут.

Прыгнули, приземлились. Смотрим: идет этот мужик, целый и счастливый, и заявляет: «Здорово получилось!» В моем подразделении служило несколько ребят, которые попали к нам после фронта. Один из них оказался даже орденоносец. Они так и не смогли преодолеть страх прыжка. Десант – он не для всех.

Кто служил в батальонах, сделали по пятнадцать – двадцать прыжков, мы же, истребители танков – по десять прыжков.

Но встречались и такие, которые сделали всего по одному или два прыжка... Были такие...

Скажу одно: перед прыжком в тыл врага «отказчиков» в бригаде не было. Все пошли на смерть.

Какая была стрелковая подготовка десантников?

Стрелковая подготовка была на уровне. Противотанковый дивизион имел на вооружении карабины, в батальонах было автоматическое оружие. Стреляли мы много, патронов не жалели. Причем стрелять на научили метко. Но я не помню такого, чтобы кто-то из нас ходил со снайперской винтовкой.

Ориентирование в ночном лесу проходили?

Было и такое. Нам объяснили, как читать карту. Например, нас, радистов, развозили по парам по лесам. Мы должны были выйти на связь друг с другом, а потом достичь заранее определенной точки встречи. Подобные учения были как ночные, так и дневные. Мы их всегда ждали. Особого контроля за временем выполнения этого учебного задания не проводились. Так мы, помню, повадились ходить в деревушки для того, чтобы у крестьян самогоночки попить и так далее.

Насколько сильной была дисциплина в Вашем дивизионе? Как солдаты относились к командному составу?

Сказать, что дисциплина была «драконовской», я не могу, но и вольницы особой не наблюдалось. Командир нашего дивизиона оказался сущим зверем. Подходит кто-нибудь к нему с докладом и уже заранее знает, что сейчас командир наорет на него, обматерит его до пятого колена, пообещает расстрелять и т. д. И не важно, с чем к нему солдат обратился. Он на нас орал просто «на автомате». Его ненавидели.

Под стать ему был еще один мизантроп – старшина дивизиона. Этот успел разок побывать в тылу врага. Он производил впечатление психически больного человека. Носил на ремне финку с красивой наборной ручкой. Как напьется, так начинает «выступать»: «Я немцев голыми руками душил!» Те из нас, кто уже был на передовой, ему не верили, насмотрелись уже на подобные типажи. Как-то это старшина перепил лишнего и «по пьяному делу» ударил одного из комбатов. После этого поехал старшина в штрафную роту – «немцев голыми руками душить». Вообще, у нас была одна мера наказания – «в штрафную», с нами не церемонились и не цацкались. Как-то двое наших десантников «увели» на станции Щелково мешок муки из вагона и завалились отмечать удачу к знакомым женщинам. Их быстро вычислили и присудили им три месяца в штрафной.

Из командного состава дивизиона своей человечностью и порядочностью выделялся начальник штаба капитан Маркин. Ему очень повезло или очень не повезло перед самой выброской в тыл... Сейчас объясню, о чем идет речь. Его ординарец Леша Анкундинов чистил маркинский пистолет, сидя за столом. Раздался случайный выстрел, и пуля попала сидевшему напротив Маркину в ногу. После этого начштаба отправили в госпиталь, в Днепровский десант он уже не попал.

Отношения между простыми десанниками были братскими. Но один такой «товарищ» потом меня в плену немцам выдал на погибель.

Проходили ли десантники специальную или диверсионную подготовку? Были ли занятия по рукопашному бою?

Вы, наверное, по молодости фильм «В зоне особого внимания» любили смотреть? Из нас не готовили Рембо. Мы были обычной пехотой, «пушечным мясом». Просто это «мясо» умело

прыгать с парашютом и обучалось ведению боя в условиях окружения. О каких инструкторах по рукопашному бою вы спрашиваете?

Имели ли Вы представление, что Вас ждет в тылу врага?

Весьма смутное. Показывали учебные фильмы, снятые в «пасторально-лубочном» стиле. Взвод десантников спускается в тылу врага на парашютах, из леса выходят партизаны, радостная встреча, после – готовят посадочную полосу, на которой приземляются «дугласы» с десантом. Писатель Шпанов, наверное, от зависти к сценаристу удавился бы... Кинооператора бы этого – к нам бы в сентябрьский десант. Мне трудно сказать, сознательно или нет, но никто – я подчеркиваю, – никто нам не говорил о том, что творилось в десантах сорок второго года на самом деле.

Как высаживался противотанковый дивизион на общебригадных учениях в августе 1943 года?

А кто вам сказал, что были общебригадные учения?

В генеральских мемуарах вычитал.

Ох уж эти генеральские мемуары! Все, кто их писал, – «ангелы», и все поголовно – «герои» войны. И кровь на их руках – только вражеская...

Про наш десант написано у одного генерала, что изначально было решено выбросить десант на участке в сто километров длиной. А как иначе «летунов» оправдать и обелить? Только кто из наших выживших штабных помнил другую цифру? Зона выброски – пять километров на бригаду.

Озадачили вы меня. Не помню я подобных учений. Если бы такие были, я бы эти учения помнил. Связь с бригадой держать – это моя обязанность. Не было массовых учений... Отдельные высадки батальонов отрабатывались, но не более.

По поводу артдивизиона. Сейчас пытаюсь вспомнить, как выглядели парашютные контейнеры для сброса пушек и снарядов, и – не могу. Дверь в фюзеляже ЛИ-2 шириной в семьдесят сантиметров, орудие в самолет не затащишь. Дивизион наш вроде должен был получить орудия в тылу врага из самолетов, приземляющихся уже на посадочную полосу на захваченной территории. Не могу точно вспомнить... Боевая подготовка дивизиона оказалась средней. Было только несколько боевых стрельб. Если боеприпасы для стрелкового вооружения для нас не экономили, то по поводу снарядов сразу шла в ход довоенная еще пословица: «Берегите снаряды! Цена каждого выстрела из орудия – это пара хромовых сапог!»

Когда вы узнали, что бригада направляется на фронт?

В начале сентября по бригаде поползли слухи, что мы скоро пойдем в бой. Да и так все чувствовали, что бригада готова и не будут нас в тылу «мариновать», когда на всех фронтах наступают.

Потом поступил приказ на погрузку в эшелоны, и мы поехали непосредственно на фронт. На каждой большой станции нас собирали на митинг. Выносили на середину знамя бригады, выходили замполиты и говорили: «Солдаты! Родина на вас надеется, что вы выполните поставленные задачи!» Вы же сами, наверное, знаете наш девиз: «Никто, кроме нас!» Когда мы подъехали к Украине, всем нам зачитали приказ: «Категорически запрещено общение с местным украинским населением». Но гвардейские значки и знаки парашютистов были у всех на гимнастерках, так что все кому надо, видели: к фронту едут десантники. Помню, когда ехали, по репродуктору передавали сообщение о боях за Ярцево и на подступах к Смоленску.

Перед выездом из Подмосковья мы сходили на могилы товарищей, погибших при подготовке бригады. Кто-то из наших произнес вслух: «Мы еще им позавидуем...»

Что было дальше?

Приехали на аэродром в районе Лебедина. Стояли уцелевшие, еще довоенные огромные ангары, крытые каким-то специальным стеклом. Шел сильный дождь. Так мы первым делом заносили парашюты в ангары, чтобы они не намокли. Сами разместились там же.

Через два дня, утром, нас разбили на расчеты. Нам стало предельно ясно: «Выброс десанта – сегодня!»

Григорий Чухрай вспоминал, что утром над аэродромом, где десантники готовились к выброске, появился немецкий самолет и сбросил листовки со следующим текстом: «К встрече десанта готовы! Прилетайте поскорее!»

Было такое. Нам сказали так: не поддаваться на провокации. Поймите, мы даже этим листовкам особого значения не придавали. Мы и так знали, что из этого десанта никто живым не вернется... Знали...

И были готовы умереть, как один, но выполнить свой воинский долг... Мы десантники, и этим сказано многое.

Мы не чувствовали гнетущего ощущения приближения смерти. Просто пришло наше время идти в бой... Незадолго до отправки мы выпросили у инструктора летную фуражку и пошли фотографироваться. Я послал фотографию брату, написав на обороте карточки: «Не забывай! На вечную память!» Я знал, что эта фотокарточка – моя последняя. Сейчас она у вас в руках. Оказалась, что не последняя. Бывает... Повезло...

Не забывайте еще один момент: наш десант был личной операцией Жукова, а этот человек не умел останавливаться, пока кто-то из личного состава подчиненных ему частей еще оставался целым. Откуда я знаю, что это личная операция маршала по расширению Букринского плацдарма? Из упомянутых вами всяких там «генеральских» мемуаров. Летчик АДД Скрипко об этом прямо написал.

Какова была экипировка десантников перед вылетом? Как происходило распределение по самолетам? Какую информацию Вы имели о месте выброски? Были ли сообщены простым десантникам опознавательные сигналы?

Я должен был лететь в первой группе высадки с управлением бригады. Нас отобрали девять человек из дивизиона в первую волну десанта. Мое вооружение оказалось следующим: карабин, двести патронов (разрешали брать боеприпасы по максимуму), шесть гранат, финский нож. Никаких зажигательных гранат, стропорезов, саперных лопаток на нас не выделялось. Выдали коробку, вернее сказать – пакет, с американским сухим пайком. Не было у нас, простых десантников, пистолетов или толовых шашек, сигнальных фонариков и ракетниц. Может быть, у второй волны десанта и были фонарики, но у нас – точно нет. У каждого имелся вещмешок или плащ-палатка, в которую заворачивали одежду и прочее. Вот все, что я запомнил из снаряжения. Вес нашего «добра» составлял примерно сорок килограмм. Боевой прыжок производили с парашютом ПД-42. Запасной парашют не брали. Прыгали с документами и орденами. Никто не снимал с себя гвардейских значков. Радиорасчет в десанте – это два человека. Мой напарник с рацией РБМ попал в один самолет, а я, с батареями к рации, аккумулятором и шифроблокнотом, в другой. Это была, конечно, ужасная глупость – разделить радиорасчет... Нам сообщили, что бригада будет высажена в районе Пекари-Грушева, в десяти километрах за Днепром, и после этого на земле нам поставят основную боевую задачу. Никаких страховочных вариантов, вроде место сбора в Каневском лесу, мы не получали. При приземлении мы были должны закопать парашюты и идти на место сбора, согласно обусловленным сигналам из ракетниц. Я еще подумал тогда: как же мы без саперных лопаток парашюты

закапывать будем? О возможной скорой смерти не думалось. Просто я знал, что она уже близко и ждет меня.

Условный сигнал для сбора во вражеском тылу – серия ракет определенного цвета. Но что с этим получилось, я расскажу позже. У нас не было голосового пароля или специальных опознавательных нашивок на форме. Мне, как радисту, только объяснили, что в случае угрозы пленения я обязан уничтожить шифроблокнот, а потом – себя. Мы, радисты, выучили наизусть все частоты и позывные в бригаде. Все командиры были уверены в успехе десанта! Может быть, поэтому они и не уделили должного внимания опознавательным паролем и сигналам, а мы из-за них так влипли! Утром перед высадкой нас разбили на десантные расчеты, по восемнадцать человек на «дуглас». В этих самолетах было сделано по двери с каждой стороны, и каждая девятка десантников покидал борт со своей стороны. В расчет входил один офицер. Ему в обязанность вменялось следующее: после того, как десантники прыгнут, быть замыкающим и выбросить с самолета два ПДММ (парашютно-десантный мягкий мешок), наполненные боеприпасами, и только после этого прыгнуть самому. Объявили, что прыгать будем с высоты пятьсот метров, интервал времени при прыжке – десять – пятнадцать секунд, один за другим. Видимо, боялись большого рассеивания бойцов при десантировании.

Комбрига Гончарова с нами не оказалось. Вроде бы с нами полетел в первой волне десанта начштаба Красовский. Я был прикреплен к самолету с бортовым номером девять. Когда дали приказ о посадке в самолеты, в десяти метрах от нас находился командир летного полка ГСС Гризодубова, знаменитая летчица довоенной поры. Мы сели и стали ждать наступления темноты. Летчики включили моторы и первые пять самолетов медленно стали вырубать на взлетную полосу... И все... Полетели мы навстречу войне. К нам вышел один из летчиков и произнес: «Ребята, не волнуйтесь. Мы экипаж опытный и район выброски знаем хорошо. Над целью будем через один час и десять минут. Прыгаете по третьему «зуммеру». А пока отдышайте...»

О чем Вы думали, когда летели к месту десантирования, перед тем как сделать шаг в ночную бездну, навстречу неизвестности?

Когда летели все молчали, многие сидели с закрытыми глазами. Спокойно было, только слышался гул моторов. Страх не испытывали. О чем я думал? Хотите честно? Когда на фронт в эшелоне ехали, с нами в теплушке находился командир батареи, армянин, он оказался последней сволочью. Всю дорогу к фронту он донимал меня антисемитскими речами и анекдотами. Что я мог ему сделать в эшелоне? Он – офицер, да и народу находилось вокруг порядочно. Когда я летел в самолете, я просил Бога, чтобы он дал мне возможность до того момента, как я сам погибну, убить этого командира батареи.

Как я хотел его убить! Ответил вам предельно откровенно... Такая злоба во мне кипела! А потом был первый «зумер». Все встали. Второй «зумер», третий... И мы прыгнули...

Я вижу, как вам тяжело говорить о десанте. Хотите, сделаем паузу?

Нет, раз уж начали о десанте говорить, то продолжим. Надеюсь, сердце мое выдержит.

Сбросили нас почему-то с высоты около тысячи метров. Когда мы спускались на парашютах с земли, по нам огонь не вели. Упал я в какой-то овраг. Кругом – темень, хоть глаза выколи. Слышу неподалеку лай собак. «Значит, – думаю, – населенный пункт рядом». Натолкнулся на двух десантников с других самолетов. Смотрим друг на друга, ждем сигнала ракетниц. Прошло где-то полчаса. Появились в небе три ракеты. Через минуту такие же три ракеты – слева от нас, потом – справа от нас, а минут через пять со всех сторон в небо летели ракеты того же набора цветов. Впрочем, нельзя было ничего понять – кто их выпускает и где место сбора. Говорю ребятам: «Надо подождать, уж больно все это подозрительно выглядит».

Тогда мы затаились. Никаких звуков стрельбы не слышалось. Затем в небе зазвучал гул самолетов. И тут началось!!! Сотни трассирующих трасс шли вверх. Стало светло как днем. Зенитки «ухают». Над нашими головами разыгралась страшная трагедия... Не знаю, какие найти или подобрать слова, чтобы рассказать вам о том, как все это на самом деле происходило... Мы, конечно, видели весь этот кошмар... Трассеры зажигательных пуль прошивали парашюты. А так как парашюты были все сделаны из капрона и перкали, то они вспыхивали моментально. В небе сразу появились десятки горящих факелов. Так погибали, сгорая, так и не успев принять бой на земле, наши товарищи... Мы видели все... Например, то, как падали два подбитых «дугласа», из которых еще не успели прыгнуть бойцы. Ребята сыпались из самолетов и падали камнем вниз, не имея возможности раскрыть парашют. В двухстах метров от нас врезался в землю ЛИ-2. Мы бросили к самолету, но там никого в живых не оказалось.

В эту страшную ночь к нам прибилося еще несколько чудом уцелевших десантников. Все пространство вокруг было в белых пятнах парашютов. Кругом же нас валялись трупы сгоревших и разбившихся десантников. Буквально через час на нас началась тотальная облава...

Столько вопросов хотелось бы задать организаторам Днепровского десанта, но тех давно нет в живых. Почему разброс десантников был 90–100 километров от Ржищева до Черкасс? Почему многие и многие десятки десантников были сброшены в Днепр и утонули в нем? Почему свыше ста десантников из 5-ВДБр были вообще десантированы на позиции советских войск? Кто из летчиков и штурманов ответил перед трибуналом за это? Ведь всем ведущим экипажам дали возможность пролететь пару раз «в холостую» под видом бомбардировщиков над районом высадки за неделю до 24 сентября 1943 года. Почему выброска произведена в районе, куда только что прибыли три свежие немецкие дивизии из тыла? Куда смотрела разведка фронта? Немцы описывают в своих воспоминаниях, как десантники падали с неба в раскрытые люки немецких танков.

Почему первые организованные группы десантников приступили к боевым действиям фактически через три недели со дня выброски? Что происходило с десантниками в течении этих трех недель? Почему первый сеанс радиосвязи с десантом состоялся только 7 октября 1943 года? Почему солдатам не дали запасной маршрут сбора на случай неудачной высадки? И еще очень много других вопросов. Потери десанта вообще трактуются вольно. Называют цифры от 400 выживших до 1500 человек вышедших к своим. Сколько выжило на самом деле?

Такие же вопросы хотели бы задать участники десанта. Но кому их задавать сейчас? Историкам, архивистам? Думаю, что и в официальных бумажках все подчистили еще в сорок третьем, чтобы ошибку командования «замазать». Простые десантники могут ответить лишь на малую часть ваших вопросов.

Согласно официальным данным, было сброшено в тыл врага три тысячи сто человек из Вашей 3-й ВДБр, и тысяча пятьсот двадцать пять человек из 5-й ВДБр. И три группы сброшены в начале октября на связь с десантом, но судьба этих групп осталась неизвестной. Сколько участников десанта нашли после войны?

У меня нет точных данных по 5-й ВДБр, но ей повезло чуть больше, чем нашей бригаде. Ведь пятая бригада была высажена частично, и многим из нее удалось пробиться как в Каневские и Таганские леса, так и к партизанам, а 1-ую Гв ВДБр вообще не стали десантировать. Из нашей третьей бригады после войны нашли больше двухсот человек. На 1988 год в живых из них оставалось уже гораздо меньше. Список прибывших на последнюю встречу ветеранов десанта я вам дам, но там тоже есть человек двадцать из 5-й бригады. Половина выживших из моей бригады прошла через немецкий плен. Одним словом, из 3-й ВДБр из ушедших в

десант вернулся живым примерно каждый тринадцатый. Точные данные были в музеях десанта в Черкассах и во Фрязино. Из моего противотанкового дивизиона выжило двое: Анкудинов и я, оба впоследствии оказались в плену.

Со дня Вашей высадки до момента Вашего пленения прошло чуть больше двух недель. Что происходило с вами в этот промежуток времени?

Немцы нас гоняли по степи и постепенно истребляли, устраивали облавы с собаками... Блокнот с кодами я закопал в землю уже на второй день. Сначала нас было трое, потом образовалась группа из двенадцати десантников. Первые четыре дня нам удавалось уходить от облавы, а потом наше везение кончилось. Три дня подряд мы пробивались с боем через сжимающееся кольцо преследователей, но получилось так, что нас зажали на узком участке. Вышли оврагами из нас всего четверо.

Потом мы наткнулись на группу комбата майора Жерносекова, состоявшую примерно из семидесяти человек. Через день нас немцы снова обложили со всех сторон. Казалось, уже все – хана. Кто-то из лежащих рядом со мной десантников крикнул: «Комбат застрелился!» После войны на ветеранскую встречу приехала жена Жерносекова. Я рассказал ей о этом бое. Она не хотела мне верить, говорила, что ее муж не мог застрелиться... Мы стояли с ней и плакали вместе... В том бою я уцелел. Мы снова прорвались, но в группе оставалось четырнадцать человек. Среди нас оказался один офицер – командир пулеметной роты. И опять мы прятались, опять – отстреливались, опять прорывались к Днепру, но все это, в сущности, выглядело форменным самоубийством. Еды – нет, воды – нет, питались кукурузой и картошкой с полей. К тому же, не могли разводить костров. Боеприпасы брали у убитых. Нельзя было войти ни в одно село. Везде нас ждали засады. Мы нигде не слышали звуков боя, похожего на прорыв с фронта в нашу сторону. Пойманных десантников немцы и «власовцы»-казаки вешали на телеграфных столбах вдоль дорог. На повешенных были таблички: «Привет комсомольцам от власовцев».

Как Вы попали в плен?

Нас окружили на рассвете, в то время, когда мы находились в овраге: немцы с двумя «самоходками» и человек двести всякого сброда: «власовцы»-казаки, legionеры, немецкая пехота. Они нам закричали по-русски: «Десант! Бросай оружие! Выходи сдаваться или сейчас всех порубим в мелкую сечку!» Мы смотрим – идет полное окружение нас... Патроны у нас еще были, но гранаты давно кончились. Нас оказалось чуть больше десятка.

Что делать?!? Стреляться? Идти на прорыв? Так ведь тут особо не прорвешься... Мы так устали за эти дни непрерывной погони за нами, что приняли бы смерть как избавление. Настолько все оказались измучены и истощены. Смотрим на ротного, а он смотрит на нас... Тогда он вытаскивает из автомата диск и проверяет, сколько там у него осталось патронов. Среди нас находился санинструктор моего дивизиона, туркмен Мирзоев. Высокий парень, свободно говоривший по-русски и вроде успевший до войны закончить несколько курсов института. Мы были хорошо с ним знакомы до выброски и приятельствовали. Он знал, что я по национальности – еврей. В десанте я столкнулся с Мирзоевым уже тогда, когда мы влились в группу Жерносекова. И вдруг этот Мирзоев бросает карабин, поднимает руки вверх и идет из оврага на дорогу с криком: «Сдаюсь! Не стреляйте!» Через несколько минут этот же Мирзоев уже кричит мне с дороги: «Лихтерман, выходи! Лихтерман!». «Вот, – думаю про него, – сволочь, меня предал, жизнь себе покупает!»

В это время наш лейтенант достает из гимнастерки документы и начинает закапывать их в землю. Все последовали его примеру. Я не смог в то мгновение выстрелить себе в голову... Попробуй-ка из карабина застрелись! Начали бросать на землю патроны и оружие... Через какое-то время мои товарищи по одному, стали подниматься из оврага. Я пошел после всех,

думая, что это мои последние шаги по этой земле... Хочу сразу сказать: НАША ГРУППА НЕ ВЫШЛА С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ! Запомните это!

Выдал меня санинструктор. А судьба еврея в плену всегда была ужасной... Вот видите, я сейчас нашел слова для того, чтобы об этом десанте рассказать. Но какими словами можно передать то, что творилось у меня на душе в эти мгновения?!.. Ужас, оцепенение, боль... На дороге нас избили прикладами и загнали в кузов крытого грузовика. Мирзоев стоял рядом с легионерами, что-то им на своем языке говорил и улыбался. Машина поехала. Нас довезли до окраины какого-то села, высадили из грузовика и погнали в его центр... Привели на площадь. Возле нас стоял сад. Там здоровенные немцы свеживали туши свиней, которые были подвешены на крюках к деревьям. Рядом с ними стояли молодые хохлушки и громко смеялись, показывая на нас рукой. Стоявший рядом со мной десантник прошептал: «Сейчас и с нас так шкуру сдерут».

Нас выстраивают у стены сарая, но почему-то не расстреливают... Напряжение – жуткое. Кто подобного не испытал, тому этого не понять. Ко мне подошел немец, ткнул в грудь пальцем и сказал по-немецки: «Выходи!» Меня заводят в хату. За столом сидит гауптман и что-то пишет. На меня он даже и не смотрит. Затем появляется еще один немец. В руках у него находится мой бумажник со всеми документами, а сверху всего этого – значок парашютиста и значок десантника. Плохо, видно, я их закопал. Немец сует мне все это в руки, а я ему показываю: мол, не мое, себе заberi. Гауптман рассмеялся. Вдруг неподалеку раздаются крики на немецком языке. Позвали гауптмана на этот крик. Немцы выскочили из хаты, и я остался один в комнате. Смотрю на мои документы лежащие на столе. Схватил их и бросил в окно. На что я надеялся... Мирзоев-то где-то рядом. А дальше такие произошли события, что если и был я атеистом, то после них должен был истово поверить в Бога. Слышу звук мотора подъехавшей машины. Забегает в комнату один из конвоиров, кричит мне: «Ком! Шнель!» Бьет меня винтовкой по спине и снова меня загоняют в крытый тентом грузовик, в котором уже сидела наша плененная группа. Все произошло так стремительно!

Привезли нас на станцию Мироновка. В станционных строениях и сараях были собраны пленные солдаты. Среди них не было десантников. Все они были с днепровских плацдармов и почему-то из дивизии, разбитой то ли под Кировоградом, то ли под Кременчугом.

Я понимал, что если я хочу выжить, то мне надо затеряться среди незнакомых мне солдат, другого выхода не было.

Нас, одиннадцать человек, немцы выстроили. Вышел гигантского роста немец с жандармской бляхой и на ломаном русском языке спросил: «Коммунисты есть?». Мы молчим. Немец дальше: «Юде есть?». Молчание... Нас завели в какой-то закуток из колючей проволоки. Смотрим, какой-то немец ведет подталкивая автоматом одного капитана с нашей бригады. Его все знали, высокий красавец. Я не помню точно, был ли он замполитом, но он был ответственным за самодеятельность в бригаде. Остановились в нескольких метрах от нас. Капитан просит немца-конвоира по-немецки: «Дай с товарищами проститься». Тот подвел его к нам. Капитан без слез, спокойным голосом сказал: «Прощайте, товарищи десантники, на расстрел меня ведут...» Выдал кто-то капитана, что тот еврей и коммунист. Он обнял каждого из нас. Немец толкнул его в спину, и увел офицера... Он не успел выкрикнуть адрес семьи... Через пару часов нас завели в какое-то складское помещение, где уже находились сотни пленных из стрелковых дивизий. Утром следующего дня подогнали товарняк и начали загонять нас в вагоны. Я сознательно оторвался от своей группы... Привезли нас в Уманский лагерь...

Были ли напрасными, по вашему мнению, жестокие потери понесенные десантом?

А что, кроме нашего десанта на той войне больше никого по-глупому не загубили? Вы же сами сейчас мне рассказали статистику потерь в воздушных и морских десантах... Это наш стиль – высадить десант и сразу списать его в потери. Один Эльтиген чего стоит!

Миллионы солдат положили в землю только из-за генеральской тупости... А напрасными ли были наши потери? Спросите у родных погибших десантников... Мне трудно ответить однозначно. Была война... Мы получили приказ и боевую задачу, которую не удалось полностью выполнить, только потому, что... То ли предали нас... То ли как, у нас водится, кинули на авось – а вдруг получится, а если нет – пятью тысячами человек меньше, пятью больше... Главное, чтобы им орден Суворова на грудь повесили...

Понимаете... Я этот вопрос задаю себе сам долгие годы... Напрасны ли были наши жертвы в том десанте...

Как сейчас вижу лица ребят из моего самолета, за секунду до третьего «зумега» на прыжок. Решимость была на этих лицах, готовность к бою. Ведь, даже в окружении, мы верили до последней минуты, что прорвемся к своим, что нас выручат... Мы сражались... Те, кто успел живым спуститься на землю на парашюте, – сражались! А скольких в воздухе еще расстреляли! Вы же мне только что сказали, что немцы в своих мемуарах хоть и потешаются над организацией десанта, но не отмечают ни одного случая массовой сдачи десантников в плен без боя...

После трагедии Днепровского десанта был отменен, как говорят – «предательски плохо подготовленный», десант трех бригад под Витебск, десант корпуса ВДВ в Крым под Джанкой, и даже вслед за Вашими тремя днепровскими бригадами, к фронту направлялись еще две бригады ВДВ в сторону Букрина. Эту информацию я взял не из официальной исторической «правды», а из воспоминаний рядовых десантников, служивших в разных десантных дивизиях. Вот фамилии и даты публикаций. Этим людям я верю. Получается, что своей гибелью десант спас тысячи жизней своих товарищей по армии...

Мне трудно прокомментировать ваши слова. А если бы десант в Белоруссию оказался удачным и взяли бы Минск в декабре 1943 года? Так не топтались бы там полгода, и не угробили бы еще сотни тысяч солдат. Это все предположения... Правды мы уже не узнаем.

Насчет отмены десанта в Крым я обладаю малой толикой информации. Я встречал уже здесь, в Иерусалиме, одного десантника, который был в бригаде предназначенной на высадку в Крым. С его слов, высадка была отменена по причине, что кто-то выдал день и час выброски. У немцев тоже разведка работала, но и наша успела предупредить вовремя. Но так ли это, утверждать не могу.

Я уже говорил, что есть солидная информация о действиях в немецком тылу групп под командованием Воронина, Блувштейна, Петросяна, о полковнике Сидорчуке, о капитане Сапожникове, о юном подпольщике Анатолии Ганенко, спасшем знамя бригады. Но вот один из десантников упоминает, что был в большой группе, почти из двухсот человек, под командованием майора по фамилии Лев. Связные из этой группы Лева удачно перешли линию фронта к своим, а судьба остальных... Как погибла эта группа, не знает никто.

Можно обратиться к председателю нашего совета ветеранов Петру Неживенко. Он собирал подробную информацию о личном участии каждого десантника в боях в немецком тылу. Возможно, у него есть материал по большим организованным группам десанта, полностью погибшим в немецком тылу в октябре сорок третьего. В музей десанта на Украине можно обратиться. Хотя, я бы директора того музея в конце восьмидесятых годов...

О чем речь?

Первый раз, когда я был в музее десанта, в центре экспозиции висел портрет ГСС комбата майора Блувштейна. Через несколько лет я приехал туда снова, и вижу, что убрали портрет майора. Спрашиваю директора музея: «Что, фамилия комбата тебе спать не дает? Почему портрет героя убрали?». А в ответ – тишина...

Есть ли у Вас силы рассказывать про плен?

Попробую покороче, мне очень тяжело вспоминать о концлагере, да и о десанте тоже... Привезли наш эшелон в Умань, но разгрузили только часть вагонов с пленными. Погнали в лагерь расположенный возле бывшего аэродрома. Высокие ограды из колючей проволоки в несколько рядов, вышки с прожекторами, освещение по периметру – все сделано основательно, по-немецки. Здания из красного кирпича, казармы. В загороженных «колючкой» секциях находились отдельно офицерские бараки и женский блок. Педантичной тотальной селекции по прибытии в лагерь не было. Была вялая сортировка: офицер... рядовой... Офицеров отделяли. Сидели за столами «шавки» – предатели из лагерной полиции и записывали данные поступивших пленных.

Я назвался Михаилом Гариным, пехотинцем. Внешность у меня не типичная, полицаи не заподозрили во мне еврея. Завели нас в барак. В нем было человек четыреста, лежащие на трехэтажных нарах. В нашем бараке было очень много пленных – выходцев из Средней Азии.

Утром нас подымали в четыре утра, скрупулезно пересчитывали, выносили из барака умерших за прошедшую ночь пленных. Подъезжала бочка на двух колесах. В ней плескалась баланда из отбросов. Всем давали по два черпака баланды в день, больше нас ничем не кормили. Даже эрзац-хлеб мы не получали. Разливали баланду в каски, в пилотки, в этом лагере почему-то запрещалось иметь котелки... Смертность была массовой, особенно среди среднеазиатов. Немцы не брали их на работы за пределы лагеря, а ведь это была единственная возможность не умереть от голода. Среднеазиаты выменивали шинели и сапоги на хлеб и погибали от холода и болезней. Помню, как они стояли босыми ногами на снегу... Нас гоняли на работу, строить железнодорожную ветку. Так местное население кидало нам в колонну куски хлеба, табак, пирожки с фасолью. Только благодаря этому и выжили. На работах вне лагеря нас охраняли эстонцы, с красными повязками ТОДТ. Вот уж где воистину было «шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте, стреляем без предупреждения». Это были сущие звери, как и все прибалтийские каратели. Но мы просто еще не знали, что такое казачий конвой...

Во власовскую армию шла вербовка?

Украинцев много набирали в рабочие команды для немецкой армии да в полицию. Приезжали два раза власовцы, звали в РОА, очень мало кто к ним пошел.

По лагерю носился бывший офицер РККА, немец-фольксдойч из Ленинграда, лагерный агитатор. Раздавал пленным власовскую газетку «Заря». Ее никто не читал, у кого был табак, газету пускали сразу на самокрутки, хоть и бумага плохая, не курилась. Были и суки-предатели, пошедшие в лагерную полицию. Были стукачи и провокаторы. Были специальные «жидоеды», выскивавшие среди пленных евреев. А лагерная полиция! Еще вчера такой человек спал рядом на соседних нарах и умирал с голоду, а на следующий день брал в руки дубину и избивал до смерти и конвоировал своих армейских товарищей... Но большинство пленных выбирало смерть, но не шло на службу к врагу.

Как Вам удалось скрыть, что Вы еврей?

Страх разоблачения постоянно витал над мной. У нас в лагере выявленных евреев немцы вешали на виселице. И эта виселица никогда не пустовала... Выдавали и предавали нас... Меня спасла славянская внешность и то, что я не нарвался на кокого-нибудь подлеца, вроде Мирзо-

ева из бригады. За мои почти полгода в плену нас ни разу не водили в баню. Это тоже спасло меня.

Я не мог никому рассказать о себе, даже говорить о том, что я из десантной бригады.

Единственный человек, который знал все обо мне, был мой товарищ – десантник, русский парень Саша из Уральска. Я так и не знаю его настоящей фамилии, в плену он назвался вымышленным именем. Он бежал за сутки перед моим побегом из плена. На послевоенных встречах ветеранов десанта его не было. Все время нашего пребывания в плену мы все время держались вместе и не дали друг другу погибнуть от голодной смерти. Как сложилась его судьба?..

Несколько раз я уже был на грани разоблачения. Подошел ко мне полицейский-повар и говорит: «Что-то ты больно на Кагановича похож?» Отвечаю ему: «А ты на Ленина сильно смахиваешь». Он ударил меня и пошел дальше. Один раз нас лагерные полицейские загоняют в барак дубинками и среди них, как мне показалось, скажем так – померещилось, один из нашей бригады. . . И тут мне снова повезло, мне удалось проскочить мимо него. Но было предельно ясно, что единственный путь к спасению – это побег из плена. Саша стал потихоньку «прощупывать» пленных из нашего барака. Мы с ним были убеждены, что нужно организовать групповой побег и с захваченным у конвоя оружием уйти к партизанам. Уже сплотилась группа, где-то человек восемь, из тех, кому можно было доверять. Но фронт приближался к лагерю, и нас погнали на восток.

Марш смерти»?

Да, очень похоже. . . В нашей колонне было восемьсот человек. Гнали нас в Румынию, под охраной конвоя из казаков-предателей. Охрана в белых бурках. Если кто из наших падал от усталости или начинал отставать, казаки сразу пристреливали обессилившего. . . Даже если мы кого-то несли сами на плечах, подлетал к нам такой чубатый казак и стрелял в выбившегося из сил. Нас до Винницы уже дошло две трети из колонны. Погнали нас дальше. Расположили на ночлег в каких-то развалинах. Саша сказал мне: «Надо немедленно бежать по одиночке. Если доведут до Прута, там посадят в эшелоны и отвезут в Германию, а там нам точно хана! Утром нас стали строить в колонну. Саша спрятался в развалинах, его не нашли. Так хочется надеется, что он выжил и дошел до своих! А на следующий вечер ушел в побег и я.

Как удалось сбежать?

Шел мокрый снег, видимость была плохой. Зашли в село. Казаки пытались нас всех затолкать и расположить в сарае и нескольких пустых хатах, но народу было много – и я остался снаружи. Конвой расположился по периметру, разжег костры, стали песни свои петь. Периодически кто-то стрелял из ракетницы, освещая огромный пустырь за сараем.

Рядом со мной сидел молодой солдат и внимательно смотрел на костры охраны. Встретились с ним взглядом и поняли друг друга без слов. Я кивнул ему, он мне – и мы поползли к линии оцепления. А потом побег на рывок. Мы проскочили незамеченными. Погода выручила, да и конвоиры, видимо, порядком «набрались для сугреву» и наш рывок прозевали. Мы пробежали всего километр. Стояли стога сена в поле. Сил бежать дальше у нас не было. Остались в стогу до утра. Мой напарник сказал, что его зовут Иван, сам он из города Шахты и ему двадцать лет. Фамилии его я так и не узнал. Утром пошли дальше. Добрались до какой-то деревни, постучались в молдавскую хату. В дом нас не пустили, хотя дали три печеные картошки. Молдаванин держал еще в руках краюху хлеба, но пожадничал, унес ее назад в дом.

С Иваном мы пошли полями дальше на восток, на немцев не нарывались. Но через день так оголодали, что решили днем зайти в близлежащее село. Опять испуганные лица молдаван, делавших вид что не понимают ни слова по-русски. Еды не дали. Смотрим, сидит ширый украинец и говорит нам на смеси слов из разных языков, но мы его поняли так: «Видел три русских танка в десяти километрах отсюда». И показал рукой направление. Эти километры мы прошли

на едином дыхании. Навстречу нам неслись три танка Т-34, «облепленные» танковыми десанниками. Остановились возле нас, люк головной машины открылся, из него вылез танкист и спросил: «Кто такие?» Мы закричали обезумев от радости: «Мы свои! С плена бежали!» Он ответил: «Нет времени с вами сейчас разбираться! Залезайте на броню!». Проехали несколько километров. Иван сидел сзади меня. Вдруг, откуда-то с тыла, из ближайших строений застрочил немецкий крупнокалиберный пулемет. Разрывная пуля попала Ивану в спину, он умирал на моих руках... Я содрогался от рыданий. Как же это так, все прошел человек – фронт, плен, побег, и только всего десять минут, как добрался до своих, и погиб так нелепо!.. Сколько раз после войны я видел в кошмарных снах этот момент... Этот эпизод один из самых тяжелых в моей жизни.

Вы попали на спецпроверку?

Сначала я воевал две недели танковым десанником в освободившей меня из плена танковой роте 45-й ТБр. Это был рейд танкистов на тернопольском направлении, на Залешики. Выходили они из рейда в сорока километрах от города Серет, если я не путаю. Командир танкового батальона написал на меня характеристику: «воевал, проявил, достоин» и т. д., и меня привели в штаб бригады. Сидел за столом капитан. Я не знаю, был ли он «смершевец», капитан не представился. Говорит мне: «Уж больно все у тебя гладко получается. В десанте выжил, в лагере в тебе еврея не распознали, в побеге вышел к своим, получается, в одиночку, свидетелей живых нет, а командир тебя к медали предлагает за геройство представить. Подозрительный ты тип, Лихтерман! Пусть с тобой в другом месте разбираются». Вызвал двух солдат для конвоя, и повезли меня в Черновцы, в СМЕРШ.

Что было дальше? На «конвейер»?

Сразу хочу вам сказать. Все работники СМЕРШа, с которыми лично мне довелось столкнуться, оказались нормальными людьми. Ведь среди них сволочей было более чем достаточно, а меня судьба свела с людьми, не потерявшими совесть. В Черновцах меня допрашивал пожилой майор НКВДэшник, похожий внешне на еврея. Допрос длился два часа. На меня не орали и расстрелом не угрожали. Спокойная такая беседа. Вдруг спрашивает меня: «Солдат, ты когда последний кушал?» Говорю ему: «Два дня тому назад».

Принес мне молдавского сыра с хлебом... Снова вызывают меня к нему. Он дает мне пакет с документами и сообщает, что я должен явиться через трое суток в отдел комплектования 38-й Армии и там получить назначение в фронтовую часть. Потом он сказал одну фразу с очень серьезным намеком. Не буду приводить ее дословно, но смысл намек был такой: «Забудь о плене и никому о нем не распространяйся». И пошел я по Западной Украине, боясь поверить, что все страшное уже позади. И тут мне действительно снова повезло, да так крупно, что хоть стой, хоть падай.

И везло мне постоянно и фатально до самого конца войны. Кто за меня молился, не знаю, но, видно, молились здорово!

Почти дошел до штаба 38-й Армии. Смотрю, связисты прокладывают связь. «Ребята, спрашиваю, где тут штаб?». Хваленая наша «супербдительность» как всегда только на бумаге, сразу говорят: вон в тех хатах такие-то располагаются, а на той улице такие-то, а там эти. А тебе вообще кто нужен? Иду дальше. Метров через двести вижу, как во дворе дома какой-то старший лейтенант, по виду казах, рацию ремонтирует. Матерится на своем языке, что-то у него не получается. Подошел к нему и говорю: «Старшой, давай пособилю, я в этом деле хорошо разбираюсь». Отремонтировал я рацию быстро. Лейтенант спрашивает: «Откуда в рациях разбираешься?» Отвечаю ему, что учился в училище ВНОС в Бирске. Он говорит: «Не может быть! Я тоже Бирское заканчивал! Я старший лейтенант Мшанов, командир роты связи ПВО армии». Задал несколько проверочных вопросов: «Кто командовал училищем? Кого из пре-

подавателей помнишь?» Убедившись, что перед ним не самозванец, он предложил: «Давай к нам в роту». Я ему: «У меня пакет в отдел комплектования». Лейтенант отвечает: «Не переживай, сейчас все уладим». Уже через день я стал личным радистом у начальника ПВО армии полковника Патоки. Полковник был пожилой, добрый человек, очень порядочный. На фронте его сопровождала жена. Прошел месяц, и он мне говорит: «Матвей, наш сын погиб на фронте. Война закончится скоро. Мы хотим тебя с женой усыновить»...

Я написал письмо родителям в эвакуацию, что жив и здоров. У них на меня уже давно лежало извещение: «Ваш сын пропал без вести в сентябре 1943 года...»

Я как будто предчувствовал беду и попросил родных выслать мне на фронт из дома, мою фотографию годичной давности, отправленную им из Фрязино.

Получил я это фото, а через день случилось следующее.

Кто-то из солдат начал травить байку, что он бывший десантник, и в тылу врага был, и «одним махом семерых побивахом». Несет несусветную чушь. Не выдержал тут я, ляпнул лишнее. Я ему говорю: «Ты корове соседской хвост крутил, а не в десанте был. Я знаю, что такое десант, на Днестре в третьей бригаде был, так что ты ерундой ребятам голову не забивай!» Но на всех Украинских фронтах про наш десант слышали, и, согласно солдатской молве, мы были погибшими все до единого. Сразу нашелся стукач-доброхот, уже через час я был снова в СМЕРШе. Крики, слюни из рта пускают: «Кто? Почему? Скрыл?» А я даже не знаю, что было написано в «черновицком» сопроводительном пакете. Сижу и молчу, как партизан на допросе. Потом понял, что «дело пахнет керосином», и говорю этому офицеру: «Да, я бывший десантник, все проверки прошел после плена еще в танковой бригаде». Он снова мои бумаги полистал и весомо заключил: «Мы еще с тобой только начали беседовать. От нас никто не уйдет!». Отправляет меня под конвоем в фронтовой проверочный лагерь. Это не был обычный стационарный фильтрационный лагерь для бывших военнопленных. Это был лагерь передвижной, шедший за линией фронта вместе с войсками. Больше двух третей из находившихся в лагере были гражданские лица и бывшие окруженцы. Освобожденных непосредственно из плена на проверку было мало. Тех сразу направляли в тыл, но я прибыл на проверку уже из армейской части... Хотя была там группа танкистов-окруженцев, которых в полном составе направили под Тулу, на проверку «по всем правилам». А это означало, что могли и по три года держать на проверке, одновременно гоняя на каторгу в шахте, а могли и с ходу – в штрафные роты направить. Лагерь наш охранялся символически, и уйти из него не составляло особой проблемы. Фактически люди находились там добровольно, желая получить документ, что за ними не числятся грехи перед Советской властью. Мой первый допрос длился долгие часы. Перед мной сидел старший лейтенант с добродушным крестьянским лицом и «сыпал» десятками вопросов – Кто командир бригады? Кто командовал батальонами в 3-й ВДБр? Назови фамилии солдат твоего взвода управления? Назови точную дату пленения? Точный час? Кто был с тобой в этот момент? Фамилии? Почему не застрелился? Чем занимался в плену? Кто подтвердит? Где служил до войны? Опиши казармы? Кто был начштаба? В каких госпиталях лежал? Фамилии врачей? С какого самолета высаживался? Кто был рядом? Кто подтвердит? Почему к немцам перебежал? Где документы? Как сохранил фотографию? – и многие другие вопросы, которые уже задавались по третьему кругу, и так без конца. На следующий день мы начали по новой. Я не выдержал: «Товарищ старший лейтенант. Я в плен не перебежал, а взят в бою. Хотите расстреливайте, только мне ваша волынка уже порядком надоела!». Вдруг он улыбается и говорит: «Лихтерман, не смотри ты на меня волком. Работа у меня такая, я же за каждую проверку своей головой отвечаю. Тебе я верю. Но запрос в штаб ВДВ я послать должен. Про ваш десант мы все и так знаем. И циркуляр по этому вопросу у нас есть. А пока поживи у нас, если хочешь – можешь перейти спать в роту охраны. Но пока ответ из Москвы не придет, отпустить я тебя не могу». Прошло пару недель. Никто меня больше не допрашивал, относились ко мне как к обычному солдату. Как-то прибегает ко мне этот старший

лейтенант и дает мне ремень с кобурой и погоны сержанта. «Одевай, – говорит, – со мной поедешь, меня в штаб армии вызывают». Был приказ, запрещающий работникам СМЕРШа передвигаться в одиночку. Вот он и взял меня сопровождающим. Приехали в штаб, через полчаса он выходит из здания: «Матвей, возвращайся один. Я новое назначение получил. Пистолет старшине отдашь. Удачи тебе!». И пошел я пешком в свой проверочный лагерь. Километров через десять на развилке дорог стояли комендантские взводы и останавливали всех идущих к фронту. Ну все, думаю, попал я в переплет. Без документов, с чужим пистолетом... Но я нарвался на обычную армейскую «гребенку». Понимаете, с тыла к фронту, постоянно шли сотни бойцов после госпиталей или отставшие по разным причинам и разыскивали свои части. Когда в какую-то дивизию надо было срочно дать пополнение, то сразу комендатура или заградотрядовцы останавливали всех «временно бесхозных» на прифронтовых дорогах, сбивали группу человек пятьсот-семьсот, и сразу направляли как маршевое пополнение на передовую. Стоим мы огромной толпой, топчемся с ноги на ногу. Как сказал один из бывших моряков, стоявший рядом со мной, у них это называлось «попал в Шанхай». Разговор с нами был короткий: «Приказ комфронта Конева!» Кто из нас был опытный, даже права не качал. Сколотили такую группу из примерно тысячи человек, построили и повели. Село. Большая центральная площадь. Стоят полевые кухни. Повара кричат: «Налетай славяне!» А рядом, за поставленными прямо на земле столами, сидят офицеры с писарями и смотрят документы у каждого, составляют список солдат. Две больших очереди – одна к кухням, другая на запись. Ну, нет у меня никаких документов! Ведь «пришьют» мне побег с проверки, а это, в лучшем случае – штрафная рота. Не знаю я, что делать. Приехали, одним словом. Но и тут Бог меня не забыл... Останавливается колонна машин. Выходит из головной машины майор и кому-то докладывает: «Майор Шумячкин, из отдела кадров 107-й Стрелковой Дивизии. Мне надо отобрать четыреста пятьдесят человек». Это был мой шанс. Фамилия Шумячкин была только у выходцев из села Шумячи, в котором я родился! Набрался я наглости. Подхожу к нему: «Товарищ майор, разрешите обратиться?». Кивает головой, мол, валяй. Продолжаю: «Вы случайно не смоленский, а то фамилию вашу услышал, подумал, может, вы мой земляк, шумячинский?». Майор отвечает: «Правильно подумал, родители мои оттуда!».

Говорю: «Помогите, товарищ майор. С тыла на фронт бегу. Хочу на передовую, а начальство в тылу меня не отпускает. Воевать хочу!» Мне со всеми моими «приключениями» оставался только один выход —

попасть в стрелковую роту на передовую, там лишних вопросов мало задают. Майор спрашивает: «А ты кто по специальности?» Отвечаю: «Могу стрелком воевать, могу радистом».

Ладно, говорит, жди меня здесь, землячок, через два часа поедем. Уже в темноте, он вернулся к машинам, увидел меня: «Залезай, сержант. Фронт тебя ждать не будет!»

Приезжаем в какой-то лес. Майор мне говорит: «Следуй за мной». Заводит в большой блиндаж и говорит: «Рота связи, принимай радиста!» И оказался я в роте связи штаба 107-й СД. Больше никаких проверок. Через пару дней подошел к писарю и осторожно так начинаю: «Слышь, старшина, документы мои у капитана Иванова на формировке остались». В ответ: «Ну и что. Мы тебе сейчас новую красноармейскую книжку выпишем». И все... Получаю я новый документ...

Направили меня радистом к командиру дивизии Петренко. Никакие особисты меня больше не проверяли. Так что наш извечный бардак иногда и судьбу человеческую спасает... Но в штабе долго сидеть я не мог. Не хотел лишний раз СМЕРШу глаза мозолить. Там же как просто внешне даже не понравишься – и начинают «разработку». И вскоре я выпросился на передовую. Я уже знал, что на этой войне меня больше не убьют, исчерпали немцы лимит, выделенный для моего убийства. Я верил, что вернусь домой живым.

До 1981 года я никому больше не говорил, что был в плену и был в Днепровском десанте. Об этом знали только моя семья и несколько двоюродных братьев. Но им я доверял, все фронтовики, люди, проверенные войной...

Ходить с клеймом пленного в сталинские времена означало одно – быть изгоем. Да и чекисты при первой же разнарядке «на посадку» арестовывали бывших пленных, давали срок – «десятку в зубы за плен и на Колыму». О плене молчали все, кто в нем был...

Вы сказали, что поверили в то, что Вас больше пуля не заденет. Но впереди еще были долгие месяцы войны. Неужели больше не пришлось оказаться на волосок от смерти?

Были такие бои, что небо в овчинку показалось, но, повторюсь, – я верил, что выживу. Хотя, если вспомнить. Одна атака с сандомирского плацдарма чего нам стоила!

В конце войны, вообще никто не думал о возможной смерти, но...

1 мая 1945 года, когда я уже служил в 17-й артиллерийской минометной бригаде 13-й артиллерийской дивизии прорыва РГК, наша колонна попала в немецкую засаду. Бригада была вооружена тяжелыми минометами 160-мм. Развернуть минометы для стрельбы мы не могли, минимальная дальность стрельбы из них где-то шестьсот метров, а немцы находились на расстоянии сто метров. Это уже в Чехословакии было, наступление на Оломоуц. Жуткий бой. С горки по нам стреляли пулеметы и снайперы, «выщелкивая» солдат одного за другим. Лежим, отстреливаемся, укрыться толком негде, машины горят. Рядом со мной в цепи снайпер убил троих подряд. Я только посмотрел в сторону и все понял, следующая пуля моя, спрятаться я не успевал. А снайпер промазал...

Об окончании войны мы узнали на марше. Праздновать Победу в тот день нам не дали, бригада принимала участие в боях по добиванию окруженных немцев в чешских горах. Только 15 мая 1945 года для меня закончилась война...

Вижу у Вас орден Красной Звезды, медали «За Отвагу». Какая из этих наград за Днепровский десант?

За Днепр я не был отмечен наградой. Ничего особенного я там не совершил, просто воевал, как все, выполнял свой долг. Если говорить о справедливости в этом вопросе, то надо весь личный состав бригады наградить медалями «За Отвагу». Всех без исключения: выживших, погибших при высадке и в окружении, попавших в плен, пропавших без вести... Всех!

Вы упомянули, что служили какое-то время рядом с командиром дивизии Петренко. Личность легендарная и колоритная. Я имею в виду не рассказы служивших в 107-й СД, как комдиву адъютант каждую ночь в блиндаж очередную связистку с коммутатора приводил. Речь идет о боевых качествах комдива.

Генерал Петренко был вояка неплохой и дело свое командирское знал. Мог и автомат в руки взять, и появиться в цепи залегшего под немецким огнем батальона. А то, что Петренко очень слаб был по «женской части», так это ему сам Бог велел. Мужик он был здоровенный, красавец, генерал. А у нас испокон века, что генералу не положено, так то ему дозволено.

У нас в дивизии была приданная штрафная рота. Послали ее в атаку, на немецкий укрепленный пункт в лесу, который назывался «дом лесника». Штрафники пошли в бой, а назад вернулись только офицеры этой роты. Остальное происходило на моих глазах. Выходит к ним грозный Петренко с дубиной! в руках и с перекошенным от злобы лицом, задает вопрос: «Где ваши солдаты?! Угробили роту, недоноски! Кровь солдатскую не жалеете?! Возвращайтесь в лес и найдите своих солдат! Приказ об атаке я не отменял!».

Был период, дивизия голодала. Говорили, что эшелоны с продовольствием шедшие к фронту бандеровцы пустили под откос. Слышим, как в блиндаже комдива Петренко распекает

своего повара: «Ты, что мне здесь ресторан соорудил!? Ты откуда эти разносолы набрал?! Как я бойцам в глаза смотреть буду?! Вся дивизия сухари жрет, а ты мне тут кремлевский банкет устроил! Забирай все назад, к такой-то матери!»

После всех ужасов и издевательств перенесенных в немецком тылу, как Вы лично относились к немецким пленным и гражданскому населению? Жажда мести, как говорится, была сильной?

У каждого свои понятия о мести. В апреле сорок пятого немцы прорывались через наши позиции к своим. Бой в лесу. Пошли после прочесывать лес. Взял я в плен одного верзилу, унтера. Заслуженный был немец, с крестами, еще с нашивкой «за танки». Мы в немецких регаллиях уже хорошо разбирались. Веду его к своим. Метрах в сорока пробегает еще один немец. Я жму на спусковой крючок, а у меня патроны в диске кончились! Взял в руки «лимонку» и говорю пленному: «Форвертс». Пошли с ним рядом. Привел его на батарею. Он меня спросил: «Почему ты не убил меня?» Немецким языком я владел неплохо. Что я мог ответить немцу? Что я не зверь? Ребята тоже меня спросили: «Немец-то матерый. Сразу видно, что не одну сотню наших убил. Чего же ты его не «шлепнул»?» Не мог я стрелять в безоружного.

То же самое касалось и моего отношения к гражданскому немецкому населению. Видел я пару раз, как немцы бойцы «употребляют», но даже мысли в голове не возникло принять участие в этом б.....е.

Хотя я этих бойцов не осуждал. Наш комбат Киселев и замполит, татарин, старший лейтенант, подходили к таким «сластолюбцам» и говорили: «Опомнитесь! Прекратите! Хотите, чтобы нас из за ваших художеств расстреляли? Да мы вас самих лично к стенке поставим!!!». Но никаких массовых зверств мы не устраивали.

Интервью и литературная обработка: Г. Койфман

Гришанов Константин Сергеевич

Родился я 5 октября 1923 года в селе Щеголиха, ныне это село Спешневка Кузоватовского района Ульяновской области.

Пару слов, пожалуйста, о корнях вашей семьи, довоенной жизни.

Мой дед по отцу был офицером царской армии, но он погиб еще в Первую Мировую, и бабушка осталась с тремя детьми на руках. Но она сама и до тридцати лет не дожила, умерла от туберкулеза. А отец с двумя сестрами воспитывались в детском доме. Одна там и умерла, а та, что помоложе, помню, нас нянчила.

Когда отец с мамой поженились, родили нас четверых: меня, Валу, Таисию и Анатолия, но жили мы очень бедно. Хотя отец по тем временам считался грамотным человеком, тем более имел удивительно красивый почерк и был, как сейчас говорят, служащим. Одно время даже в милиции работал. В нашем Майновском районе участвовал в проведении коллективизации и боролся с кулаками. Ему и угрожали, и что хочешь, а однажды на сходе в каком-то большом селе как-то так ударили по спине, что портупея лопнула. А он ведь и сам был крепыш и силач.

Но, видимо, платили мало, потому что он из милиции ушел, а тут как раз эта страшная голодовка разразилась. Мы еще как-то держались, но в селе были случаи, что идет по улице человек, упал и умер. Не выдерживали люди...

В общем, году в 32-м отец нас оттуда увез. Ехали примерно в направлении Рязани, но по дороге он в вагоне с кем-то разговорился, и ему подсказали: «Чего куда-то ехать, если вот на станции Пельницы есть работа!» И мы там и сошли. Там, оказывается, мост строили, и отец устроился работать на эту стройку. Поселились в старой казарме царских времен, где помимо нас в одном помещении теснилось еще две семьи. А с нами еще дед ездил – мамин отец. Он и сапожник, и портной, в общем, хорошо нам помогал, но всю зиму мы питались только картошкой. С тех пор я ее только своей спасительницей называю.

А отец отлично разобрался в коневодстве и, когда весной он прослышал, что это дело хорошо поставлено в совхозе «Маяк», что в трех километрах от Елатьмы, то решил на пере-

езд. Года два прожили там, а потом родители решили вернуться домой. Плыли уже на пароходе, и вдруг какой-то попутчик отцу посоветовал: «Ну чего ты едешь?! У нас же здесь картошка уродилась. Поживи пока, потом поедешь!» Вот так мы оказались в Яльзинском совхозе, сейчас это Спасский район что ли.

Но в этом совхозе отец связался с молодой дояркой и уехал к ней под Рязань. Мама-то наша была его постарше, и якобы, чтобы выдать замуж, ей в документах даже сократили год рождения. Думаю, так и было на самом деле.

Но мы нанюхали, где он, и как-то мать мне говорит: «Поехали к отцу!» Заходим в дом к этой молодухе, мать ему стала что-то выговаривать, я в слезы, естественно: «Папа, поехали домой!» В общем, сбили его и увезли домой. А потом он вдруг чего-то приболел, язва открылась и умер... А мы из Яльзино вернулись в совхоз «Маяк» и уже там обосновались.

Костя Гришанов, 1938 год

Совхоз занимался животноводством: дойное стадо, лошадей много и откормочное стадо – откармливали молодняк. Мама работала дояркой, и ей выделили небольшую квартирку в двухэтажном общежитии.

В 1938 году окончил семилетку. Мама была простая женщина, образования не имела, но всегда любила читать и как-то заразила меня тягой к чтению, к учебе. Поэтому я учился хорошо, можно даже сказать отлично.

Я хотел учиться дальше и после школы поступил в учительский техникум в Касимове. Там готовили учителей для начальной школы. Месяца два-три проучился, а потом мне мама говорит: «Сынок, ничего не получается! Без тебя голодовать будем...»

Пришлось учебу бросить, вернулся в совхоз и пошел работать. Вначале меня назначили учетчиком, считал, кто из доярок сколько надоил. Дойки три раза в день и вот я вместе с ними ходил и считал. Платили мало, но семье подмога. Но труд нелегкий – очень рано вставать...

Года два так проработал, а потом меня взяли в контору и посадили на счетное дело. Кассу вел, зарплату выплачивал. И одновременно меня избрали секретарем комсомольской организации. Человек под сорок у нас было комсомольцев. И еще параллельно возглавлял клубную работу. Я ведь и на баяне немного играл, и вообще какой-то активный человек был, так что вокруг себя постоянно молодежь собирал. Вот так вот жили до войны...

Многие ветераны мне рассказывали, что перед самой войной жизнь улучшалась прямо на глазах.

Я бы не сказал. Можно только отнести к небольшому подъему, но для меня заметному, что работа уже была неплохо организована. Но в материальном плане жили очень тяжело. И учтите, в нашем совхозе люди ведь даже огородов своих не имели. Не потому что не выделяли, просто там земли нет. Кругом только заливные луга, а где земля повыше, там песчаные почвы, а с них плохие урожаи. И остается только зарплата, магазин и магазинный хлеб... Причем зарплата от производительности никак не зависела. Только ставка. Поэтому и люди роптали.

Помню, как-то во время каникул я месяца два проработал в совхозной столовой. Продавал талоны на обед. И когда приходили люди, я невольно слышал недовольные разговоры. Бывало даже, что люди так высказывались: «При царе хоть хлеба было досыта, а сейчас и хлеба не всегда купишь...» Так что детство у меня получилось тяжелое. Считай, и не было его совсем... Вот с войной жизнь уже повеселее пошла.

Как вы узнали о ее начале?

Уже утром передали, часов после девяти, а в час дня, это я точно помню, все слушали выступление Молотова. У нас тогда во всех домах уже было электричество, и даже на уличных столбах висели лампы.

Первая реакция людей?

Никто не ожидал такого. Но настрой был самый боевой, и вся молодежь горела стремлением идти защищать Родину. Уровень патриотизма был высочайший.

Дня три прошло, думаю: «И что я буду еще полгода ждать своего призыва? Война идет, надо ведь Родину защищать!» И, не будь дураком, первым из совхоза пишу заявление в райком комсомола: «Прошу призвать меня в армию!» Меня там очень хорошо знали, был на хорошем счету, но все равно отказали: «Рано!» Но я не успокоился, стал уговаривать и так и эдак, а они ломались, мне ведь даже еще и восемнадцати не исполнилось.

Но сколько-то времени прошло, и мне говорят: «А наверное, возьмем – военкомат дает согласие. Десантником пойдешь?» – «Пойду!», хотя сам мечтал стать летчиком. И в начале сентября меня призвали. Мама, конечно, в слезы, тем не менее, она все понимала правильно и возражений не имела. Говорила мне: «Давай, сынок, защищай Родину! Может, получше проживем...»

Вечером накануне отъезда ко мне пятеро ребят зашли с бутылочкой, по капельке выпили. Вот и все проводы.

Многие ветераны признаются, что им мама или бабушка давали на прощание или крестик, или иконку.

Нет, мне ничего не давали. Мама неверующая была, я тем более. Мне другое дали. Когда по совхозу слух прошел, что я ухожу добровольцем, с пасеки ко мне пришел пасечник: «Костя, ты говорят, завтра в армию уходишь? Давай я тебе медку с собой дам». И дал мне килограммчик.

С каким чувством уходили в армию?

Я уже понимал, что дело серьезное, что это горе для народа. Но просто шел на войну защищать Родину и все. О плохом не думал.

Куда вас направили?

Посадили нас в Елатье на пароход, и на Рязань. А в Касимове в медицинском техникуме моя будущая жена училась на фельдшера. Я ее со второго класса полюбил на всю жизнь. И,

когда мы проплывали мимо Касимова, она вышла на берег, рукой машет, плачет, и я плакал... Сейчас, когда я по радио слышу одну песню, как мать стоит на берегу и провожает сына в армию, я всегда вспоминаю этот момент и плачу...

Привезли нас в Энгельс, там формировался 4-й воздушно-десантный корпус. Поволжских немцев всех уже вывезли, и мы расположились в их домах. И по январь 1942 года из нас там усиленно готовили десантников.

Я попал в 1-й взвод 1-й роты 1-го батальона 214-й бригады. А так как я был парень смысленный, хозяйственный, да к тому же с опытом комсомольской работы, то меня назначили помощником старшины. А это значит, имею доступ к продуктам. И командиры меня частенько просили: «Организуй нам», так что дружба была. К тому же у меня был очень красивый почерк, и изредка меня приглашали в штаб батальона, что-то помогал писать. Уважали, в общем. Потому что и работал, и получалось.

Но на такой службе я, конечно, немного избаловался, и был такой случай. Месяца за два до отправки на фронт прибыл к нам новый командир, посмотрел на меня, и понял, что парень-то не совсем готов. Может сунуться не туда и сразу погибнет. И он мне так сказал: «Тебе сынок надо посерьезней заниматься! А то бумажки какие-то носишь, старшине помогаешь». И тут я понял – скоро мы пойдем на смерть...

И вечером что-то мне нужно было спросить у командира, пошел к нему, а он на улице гонял человек пять провинившихся. Зима, мороз градусов тридцать, а они в тельняшках... Подхожу, чтобы обратиться, а он мне вдруг приказывает: «Ложись!» Я опешил, но лег. Он новую команду дает: «Вперед!» Пополз, а впереди здоровенный сугроб. Он увидел мое сомнение, еще громче кричит: «Вперед!» Ну, думаю, совсем с ума сошел... Ползу, закопался в этом снегу, только тут он смилостивился: «Отставить! В расположение взвода!» А лет через сорок после войны в Москве собирался наш 4-й корпус, и этот нацмен приехал туда с дочкой. Я его узнал, подошел, выпили, конечно.

Еще случай интересный. Подготовку нам дали очень неплохую, и, когда принимали готовность корпуса, устроили такой экзамен – пройти десять километров по колено в снегу по пересеченной местности туда-то, а обратно по дороге. И туда я вместе со всеми добежал, а вот обратно мое писарство все-таки сказалось. И не только у меня, некоторые вообще падали. Так на обратном пути меня незадолго до конца посадили на лошадь. Но оказалось, что это место просматривалось с КП, а оттуда какой-то генерал за всем наблюдал. И мне кто-то из ребят подсказал: «Слезай и беги – первым прибежишь!» Я слез, побежал, а меня сверху этот генерал пальцем подзывает: «Фамилия!» – «Гришанов!» – «Давай беги дальше!» Вот так я первым прибежал, и на построении меня назвали отличником боевой подготовки (смеется).

Какие ребята с вами служили?

Нас около десяти тысяч было, но случайных людей я там не видел. Больше скажу – это были отборные сливки! Лучшие из лучших, люди, отобранные из Комсомола, которые были готовы в любой момент отдать свои жизни за Родину. У нас был такой заряд – да мы их разорвем! И ни о чем другом не думали – жить, не жить...

С парашютом прыгали?

В Энгельсе нет, но где-то в начале января нас перевезли в Раменское, и уже там нам всем предстояло совершить первые прыжки. Но только начали прыгать, как в одной из групп погибло сразу два человека. Все прыжки сразу отменили, и мне, например, прыгнуть тогда не довелось.

Стали разбираться и выяснили. Оказывается, после осенних прыжков парашюты собрали мокрыми, и в этот мороз под тридцать градусов они сырые, конечно, заледенели и не раскрылись.

А через неделю-полторы нас отправили в Калугу, и как выгрузились, сразу команда: «Построиться!» Построились, но дальнейших приказов не поступало. Поняли – кого-то ждем. Этим кем-то оказался сам командир корпуса – генерал-майор Алексей Федорович Левашов.

Остановившись перед строем, обвел нас бодрым взглядом и торжественно произнес: «Слышите канонаду? Это наши гонят немца от стен Калуги. Скоро и нам в бой, а пока нужны добровольцы для заброски в тыл врага. Кто из вас готов к выполнению боевой задачи, прошу выйти из строя прямо сейчас». Но на фоне устрашающе гремевшего неподалеку боя, картины разрушенных зданий, разбитой техники, стоявшей прямо посреди развалин, эти слова подействовали на нас неоднозначно. Мы не струсили, ни в коем случае, но просто нам, впервые соприкоснувшись с войной так близко, в городе, который всем своим видом отражал весь ее ужас, оказалось сложно принять такое решение быстро. Многие стыдливо опустив глаза в землю, неуверенно переминались с ноги на ногу.

А рядом со мной стоял двоюродный брат моей будущей жены, и я ему говорю: «Ну что, Вить, пойдем? Какая разница, когда погибать, сегодня или завтра?!», и шагнул вперед. В батальоне было шестьсот сорок человек, а вышло нас всего человек семьдесят. Но потом стали подробно опрашивать: как самочувствие, и вплоть до мелочей: «Есть перочинный нож?» Если нет, сразу крик: «У кого есть?»

В общем, тех, кто вышел, просеивали, просеивали, в итоге осталось нас человек двадцать пять, из которых я никого раньше не знал. Витю не взяли из-за стертых сапогами ног, и он потом погиб в первом же бою...

Посадили в машину, поехали. И так неясно, что с нами, как, чего, а тут совсем уж непонятно – куда нас теперь? Уже ночью привезли в один из домов, а там такой стол накрыт, мама дорогая... Чего только нет: и колбаса, и хлеб, и стуженка, и шоколад, и другие продукты, которые даже до войны было тяжело купить. А на полу стоят ящики с водкой. «Гуляйте, пейте!»

Полночи мы «морально готовились» отправиться в тыл врага. Еще ни разу в жизни я так не наедался... Но когда мой желудок наполнился до отказа, у меня вдруг возник вопрос: «А с чего это вдруг нам оказаны такие королевские почести?» Ответ на него я получил очень скоро...

Утром нашу группу доставили в штаб корпуса и там нам прямо сказали: «Вы – смертники! Завтра будете десантироваться в Смоленской области...» Лично комкор Левашов ставил нам задачи, главной из которых было пускать под откос эшелоны, шедшие из-под Москвы на юго-запад. Среди второстепенных задач он назвал помощь, по возможности, мирному населению, уничтожение немецких штабов и сбор сведений о противнике.

Выдали каждому ППД или ППШ – считаю, плохие автоматы. Песчинка попадет и все, заминка. По три гранаты, а патронов и продуктов набрали, кто, сколько смог унести.

Одежда.

В чем были, в том и прыгнули. Только маскхалаты выдали. И еще добавили к нашей группе девушку-переводчицу, бывшую учительницу из Москвы.

Но на наше счастье, или на беду, уж не знаю, разбушевалась метель, и двое суток мы не могли вылететь. Как же мучительно долго тянулось это время... Наконец погода улучшилась, и утром к нам пришел один из штабных офицеров: «Завтра днем вас сбросят!»

Вначале нам показалось, что он оговорился или это какая-то ошибка: «Днем? Быть такого не может!» Однако командир группы младший лейтенант Мокров, крепкий, высокий человек с орденом на груди за финскую кампанию, с грустью на нас взглянул и покачал головой: «Да нет, не ошибка...»

Никогда не забуду наш первый полет и прыжок. От страха все происходящее вокруг слилось воедино: сам полет, обстрел самолета с земли, долгожданный сигнал: «Приготовиться к

прыжку!» Лишь когда над головой раскрылся купол парашюта, ко мне начало возвращаться чувство реальности.

Получилось так, что нас с двух самолетов сбросили, с полутора тысяч, наверное, но прямо на село, и главное в полдень... Спускаемся, а они внизу... С высоты я отчетливо видел, как немцы засуетились...

И в результате мы сели прямо на штыки, и половина группы сразу и погибла... В том числе и переводчица. Даже как звать ее не успел запомнить...

И я не знаю, как объяснить, но тех, что полегче, наверное, ветерком отнесло в сторону лесочка, это метров сто пятьдесят – двести всего, но они спасли нам жизнь.

Вы понимали, что десантирование проведено неправильно?

Ей-богу не думали. Думали, раз командование так делает, значит, так и нужно. Тем более такое паническое состояние: сбросили – и сразу в бой. Конечно, если сейчас оценивать, то высадка была совершенно неправильно организована. Но чтобы серьезно воспринять и оценить, у нас не те мозги были, чего там говорить. Ну что такое девятнадцать лет?! Раз командир приказал – это для нас закон! Но уверен, что каждый из нас мысленно задал себе вопрос: а что же будет дальше? Вот так от группы сразу осталось тринадцать или четырнадцать человек... Но в тех местах было много «примаков» – окруженцев, которые пристроились по семьям, и потом к нам добавилось таких пять-шесть ребят. И человек шесть активных ребят из местных, двоих мы потом даже через линию фронта с собой перевели.

Когда собрались в лесу, наметили план и «такой силой» начали действовать по нему.

Первую операцию помните?

Как-то уже и нет. Запомнились лишь некоторые операции. Помню, два железнодорожных моста взорвали и восемнадцать путей повредили. У нас ведь с собой и взрывчатка была, и имели связь с партизанами. Но действовали отдельно.

В деревне Сычевка что ли, какой-то заводило работал, и сколько-то немцев при нем было. Немного, десятка полтора. Так мы устроили налет и всех их там перебили. Смутно помню село Варварино, вроде на него нас как раз и сбросили... А в Маслове мы расстреляли старосту. Там еще две девки крутили с немцами, но их мы не тронули. А вот старосту, под видом того, чтобы дорогу нам показал, вывели в лес и Володя Кузин расстрелял его... И в другой деревне еще одного предателя самосудом расстреляли.

Не одолевали сомнения: может, их просто назначили и они ни в чем не виноваты?

Одно дело назначили, но он ведь выполнял указания немцев. Кто он после этого? Враг! Вот такой показательный случай хочу рассказать.

Село Маслово – в нем домов к сотне, наверное. И вот немцы дали задание старосте собрать весь скот, а сами должны были приехать утром и угнать. Но в каждой деревне у нас были свои информаторы, мы это дело узнали и решили устроить засаду. Засели в крайних домах, человек четырнадцать нас было.

А немцев приехало человек тридцать. Особенно нас взбесило, что, развалившись в санях, они весело пели под губную гармошку. Словно у себя дома... И только поравнялись с нашими домами, как мы открыли шквальный огонь. Но самое интересное случилось потом. Как только стрельба стихла, что тут началось...

Люди бросились кто с чем, кто с косой, кто с топором, лопатой, молотком, подбегали и добивали немцев... Некоторые, может, и легко совсем были ранены, а к ним подбегают, бьют, добивают... Мы просто стояли и радовались, как народ наш ненавидит оккупантов. Представ-

ляешь, около сотни людей собралось и каждый, буквально каждый хотел чем-то стукнуть, ударить, добить. За считанные секунды их растерзали... После такого, конечно, хочется воевать.

А закончилось тем, что всех убитых немцев собрали, что можно было с них снять, сняли. Погрузили в сани, вывезли и где-то за деревней закопали.

А вам самому убивать приходилось?

Ну, за те три месяца десятка полтора-два на моем личном счету точно набралось. Не меньше.

Не жалко их было?

Нет. Даже какую-то радость, азарт испытывал. Я ведь дважды участвовал в снятии часовых у штабов. Я был худощавый и легкий на ноги, и дважды мне довелось прыгать с крыши на часовых. Прямо на голову набрасывался, как кошка, он сразу паникует, тут ребята подбегают, кляп ему в рот и утаскивали. Меня поэтому и «кошкой» прозвали. «Константин – кошка».

Как вели себя пленные немцы?

Это же самое начало 1942 года, они еще были уверенные в своей силе, поэтому и не особенно рассказывали.

И как с ними поступали?

Известное дело как – «в расход». А куда их девать? Но я не расстреливал.

Ножом приходилось убивать?

Нет, слава богу, это меня миновало. По характеру я такой добрый, что, наверное, не смог бы этого сделать.

Хорошо известно, что за акции партизан немцы жестоко отыгрывались на мирных жителях.

Что-то я не припомню такого. Во всяком случае, мы действовали без оглядки на ответные удары.

В вашей группе большие были потери?

Давайте посчитаем. При высадке сразу погибло человек двенадцать. Осталось тринадцать-четырнадцать, а из них через линию фронта вышло только пятеро. Помню, раза три ребята погибали на минировании железной дороги. Вот был у нас случай на мосту. Пошли подорвать его, так одного ранило, а второй погиб. Даже не смогли вытащить его.

Но и не все из этих ребят погибли. Я уже не помню точно этого, и не хочу придумывать, но кого-то ранило, и мы их оставляли у людей, кто-то еще что-то.

Многие партизаны признаются, что в некоторых случаях им приходилось добивать своих раненых.

У нас таких случаев не было ни разу. Не доходило до такого. Вот этот раненый на мосту, например, выздоровел и продолжил воевать.

Где ночевали?

Мы продержались в немецком тылу до конца апреля, и все время меняли место ночевки. Это обязательно! Но представьте, за эти три месяца мне лишь раз пришлось ночевать в доме! А так все время ночевали среди елок... И представьте себе, никто не болел. Снег был очень

большой, делали от ветра сугробы, подстилали лапник, так и спали. Но за все время ни разу толком не мылись, и вошь прямо заедала.

Как продукты добывали?

Народ встречал очень хорошо! Только намеки, сразу давали. Что-то у немцев добывали, так что определенные запасы всегда имели и не голодали. Помню, когда только высадились, лыжи оказались в другом месте, и первое время просили у населения лыжи. Народ был очень зол на немцев. Дали бы волю, в клочья разорвали...

Почему вы решили выбираться к своим?

К середине апреля из нашей группы в строю осталось всего пять человек. Тут как раз немцы разбили 1-й Гвардейский кавалерийский корпус Белова да и наш здорово пощипали. Можно сказать, разбили... Поэтому и решили выбираться. Пока шли, то тут, то там ноги, руки торчат из-под снега... Страшно было все это видеть...

Но линию фронта прошли без единого выстрела. Там у Ржева ее сплошной и не было. Но на том участке как раз перед этим захватили несколько немцев, а тут мы такие «красивые»: грязные, обросшие, с немецким оружием, у кого шапка немецкая, у кого плащ, а из документов только комсомольские билеты, зашитые в одежду. В общем, с недоверием поначалу приняли. Пленных немцев кормят, а нас нет... Отправили на проверку в Калинин: «Кто такие?» – «Звоните в Москву!»

В конце концов все выяснилось, и отношение к нам моментально переменялось. Сразу и почет, и уважение, а уж когда мы достали из вещмешков захваченные немецкие документы, то чуть ли не на руках готовы были носить.

Несколько дней дали отдохнуть, а потом попросили написать подробнейший отчет о деятельности группы в тылу врага. Насколько я помню, мы его писали шесть суток... А спустя какое-то время, где-то в июле, нас вдруг вызывают в Москву. В министерстве обороны еще раз рассказали обо всем, а следующий день стал для нас особенным.

Нас вызвали в Кремль, и сам Калинин вручал нам награды. Когда до нас дошла очередь, он сказал: «Смотрите, какие герои! На смерть пошли, и вернулись! Молодцы, ребята!» Каждому пожал руку, а Мокрова Михаил Иванович даже расцеловал.

А вы помните, как звали ваших товарищей?

Конечно. Командиром нашей группы был Михаил Мокров из Глазова что ли. Его заместителем был Николай Мисюра, который в финскую кампанию воевал разведчиком. И нас трое. Володя Кузин из Мордовии. Никишов Семен года с 22–23-го и я.

Не знаете их дальнейшей судьбы?

Мокрову всего через месяц под Сталинградом оторвало ногу по самое-самое... Так получилось, что я оказался у его носилок, и мы простились. Но я предполагаю, что он умер, уж больно серьезным было ранение.

Мисюра был из Краснодара. Его я после войны искал, в газеты писал, но так и не нашел. Про Володю Кузина я ничего не знаю. А Никишов Семен, если не путаю, был вроде наш, рязанский, из Путятинского района, но что с ним случилось, как, чего, не пойму. Сколько искал, так и не нашел его.

Еще после возвращения из немецкого тыла нас всех повысили по службе. Мокрова назначили командиром роты, Мисюру его заместителем, а нас троих назначили командирами отделений. Корпус как раз получил пополнение из ребят 1923 года рождения и мы в кратчайшее время должны были сделать из них настоящих десантников.

Вот тут уже и прыгали, как положено. Я сделал восемь прыжков, у меня и значок есть. И, конечно, передавали ребятам свой боевой опыт. Я, например, ничего не прятал, все откровенно им рассказывал.

И торопились, как вскоре выяснилось, не зря. Уже в начале августа наш 4-й Воздушно-десантный корпус перебросили в Тейково, там его быстро переформировали в 38-ю Гвардейскую дивизию и перебросили под Сталинград. Где мы точно располагались, уже не вспомню, но там творилось что-то жуткое. По сравнению с «работой» в тылу врага, там была настоящая мясорубка. Бывало, выглянешь из окопа, и твоему взгляду открывается бескрайняя степь, до самого горизонта усеянная телами...

Люди там ежедневно гибли тысячами, и я вполне мог оказаться среди них. Помню, например, такой эпизод.

У нас комиссаром был москвич по фамилии Грушевский, который в составе комиссии политотдела Корпуса принимал меня в партию. И вот как-то получилось, что там под Сталинградом мы с ним вдвоем шли по полю. Жара за тридцать градусов. Тут откуда ни возьмись мина, и ему осколок попал в орден «Красной Звезды», прямо в сердце... Потом я искал его родню, чтобы написать, как он погиб. Два-три раза писал в Москву, но так никого и не нашел. А мне осколком только каблук оторвало... Но и меня через пару дней ранило.

В ночь на 28 августа я никак не мог уснуть. Мы уже знали, что утром батальону предстоит брать высоту, и странное, доселе неведомое предчувствие беды не давало мне покоя. Утром я со своим лучшим другом – Колей Поповым даже поделился опасениями и попросил приглядывать за мной. Будто в воду глядел...

Бой обещал быть тяжелым, потому что немцы на высоте закопали свои танки, а у нас артиллерии даже видно не было. И за несколько минут до начала атаки, вдруг по цепочке передают: «Гришанову принять командование на себя!» Взводного то ли убило, то ли ранило, а я же командовал 1-м отделением. Ну чего, приказ есть приказ, но ведь командовать столькими людьми мне еще не приходилось, и, признаться, я разволновался пуще прежнего. Но виду, конечно, постарался не подать.

Когда дали команду «В атаку!», я одним из первых бросился вперед. Но атака почти сразу не задалась. Немецкие пулеметчики из этих закопанных танков, словно траву косили наши цепи... Тут меня и ранило пулей в правую ногу ниже колена. А рядом упал раненый политрук, бывший учитель. Но я-то еще шевелюсь, а его в голову. Стал ему что-то помогать, и тут еще одна пуля перебила кость чуть повыше первой раны. Я предполагаю, что один и тот же по мне стрелял.

От боли потемнело в глазах, и я стал звать своего друга: «Коля! Коля!» Попов слышит, а подобраться ко мне не может. Кричит мне матом: «Ты видишь, какой бой идет?! Потерпи немного!» А мне все хуже и хуже...

Но через какое-то время вдруг что-то произошло. Видимо, я много крови потерял, и в забытьи у меня боль в ноге прошла, шум боя стал доноситься будто бы издалека, а потом началась такая галлюцинация: надо мной летают штук двадцать белых голубей. Летают-летают, а потом чувствую, что ветерком, который они создают крыльями, меня начинает медленно отрывать от земли. На душе стало как-то невообразимо легко, и, не в силах оторвать взгляд от голубей, почувствовал, что взлетаю все выше и выше. Такое интересное состояние... Но вдруг эти прекрасные ощущения прекратились, и я увидел перед собой лицо друга.

Вместе с двумя солдатами он все-таки пробрался ко мне. Но пока они меня на плащ-палатке вытягивали оттуда, этих двух ребят ранило, и дальше меня тащил уже только Коля. В медсанбате мы напоследок обнялись, простились, как нам казалось, на время, а получилось, что навсегда... Он был курский парень, и я потом неоднократно писал в курские газеты, просил отозваться, но ответа так и не последовало...

Где-то неделю я пролежал в госпитале в Камышине. Вначале ногу пытались спасти, ведь видели, что я совсем молодой парень. А потом подошел ко мне хирург лет шестидесяти. У самого чуть не слезы на глазах: «Сынок, придется отрезать...»

Операцию начали делать в полдень, а проснулся я глубокой ночью. Кругом в палатке раненых много, и смотрю, женщина рядом сидит. Оказывается, медсестру рядом посадили. Когда очнулся совсем, попросил ее: «Покажите, что вы сделали со мной!» Она простыню отвернула, я ногу стал поднимать, а она раз и сразу поднялась – со мной опять плохо...

На третий день на пароход и в Казань. А там столько госпиталей, привозят тысячи и тысячи человек. И вся братва из-под Сталинграда...

Только отошел от операции, посмотрели, оказывается в ране опилки от кости остались. Второй раз резали, опилки вытаскивали, а это еще больше, чем при ампутации. Но потом опять гангрена пошла, значит надо еще резать. Перед третьей операцией ко мне врач подошел: «Дорогой мой, мы тебе уже боимся наркоз давать! Можем погубить...» Поэтому в последний раз делали уже под местным наркозом. И ничего, выдержал.

Человек шесть нас резали в тот день. Доходит очередь до меня. Лежу как в забытии, но прямо слышу, как пилой пилят, потом стук – упало что-то... Спрашиваю медсестру, они там все из Ленинграда были: «Что упало?» – «Это ваша культя...»

Но сделали мне ногу все-таки не до конца. Всю жизнь я с ней мучаюсь. Наверное, не подложили под кость мяса как надо, и больно в протезе ходить. Хотя я перед выпиской даже танцевать пытался, и до пятидесяти лет ходил без палочки но все это через постоянную боль.

Какое моральное состояние было после ампутации?

Представь себе, не думал, что жизнь закончилась. Потому что меня сразу подхватили в комсомольскую работу – избрали секретарем комсомольской организации отделения. Какие-то поручения давали, прежде всего, просили, чтобы я не давал играть в карты.

Там ребята очень здорово играли. Так что некогда было себя жалеть.

А невесте написали?

Константин Гришанов с супругой

Когда мы прощались, она поклялась выйти за меня замуж, каким бы я ни вернулся. Но я переживал, мало ли. И когда я из казанского госпиталя ей написал, так и так, она не отказалась от своего обещания и всячески приободряла, писала, что любит и ждет. А в моем положении получить такой ответ, это очень важно. Ведь девятнадцатилетний парень, а уже без ноги. С этой мыслью трудно смириться... Но, кстати, такая история.

Месяцев пять я жил в палате с одним белорусом – Степаном. Он был активист по профсоюзной линии, а я по комсомольской. Жили дружно, читали друг другу письма. Так он взял адрес моей жены и написал ей: «Ты ему не верь! У него и руки нет...» И получаю письмо, а там... Видно, что все в слезах, плакала, когда писала. И не пойму, в чем дело. Но тут он признался: «Это я решил проверить ждет ли она тебя...» Я, конечно, сразу написал, оправдывался, но все закончилось, хорошо. Мы с ней хорошо и долго жили. Правда, она уже десять лет как умерла, а я все живу... А на этого белоруса я серьезно обиделся. С ним, кстати, тоже интересная история.

Начало войны он, будучи офицером, встретил на самой границе, чуть ли не в Брестской крепости, и у него жена с ребенком погибли в самые первые дни войны. А он воевал, пока в одном из боев ему осколком не оторвало ногу и член... Но только верх, а так все уцелело, и поэтому врачи решили ему помочь – сделать операцию по наращиванию члена.

Вырезали мышцы из-под мышки и, как шашлык делают, сформировали член... Прошло время и врачи решили проверить результат. Меня попросили дать сигнал, когда он пойдет мыться в ванную, и они пошлют девушку, которую заранее подготовили.

Так и поступили. Наконец возвращается, и это надо было видеть, какой же он был радостный... И понять можно, ведь всего двадцать семь лет парню. Так закончилось тем, что они поженились. Причем ради него она развелась с мужем.

Какие условия были в госпитале?

Все хорошо, никаких претензий. Хоть и война, тем не менее, порядок был полный. И лечили, и кормили, и условия – все нормально. Госпиталь располагался в здании какого-то театра. И территория при нем хорошая, можно было и погулять и подышать. Поэтому мы и в город почти не ходили. А всего в госпитале лечилось больше тысячи человек, девять или десять отделений. Начальником был татарин лет за шестьдесят, так я бывало, по своей комсомольской работе к нему запросто заходил.

Курсы бухгалтеров в Казанском госпитале, 1943 год

Когда вас выписали?

В начале мая 1943 года. Переночевал в городе у этого Степана с женой, а утром на вокзал и без пересадки до Рязани. 13-го числа уже приехал домой. Я первым из нашего совхоза ушел на фронт и первым вернулся...

Решил пойти в баню, а мать повела меня с собой в женскую – еще за ребенка держала... Шел обратно, а совхоз на возвышенности, и там по пути есть такое песочное место. И у меня посреди дороги сломался протез, отвернулась стопа, а ключей с собой не оказалось. Так я до дома метров двести-триста полз по-пластунски... Вот тут-то все и увидели, что я действительно инвалид. Ведь тогда люди и не знали, что такое протез, а по моему виду и не скажешь. Я же говорю, до пятидесяти лет без палки ходил.

А я в Казани прямо во время лечения в госпитале, это дело здорово было организовано, окончил курсы бухгалтеров. И когда наш бухгалтер это узнал, то сразу сделал меня своим заместителем. А через полгода меня вдруг приглашают в райком партии и назначают заведующим райсобеса. И, кстати, такой момент.

Когда я уже работал начальником райсобеса, как-то материал на меня случайно оказался в облсобесе. Что инвалид, десантник, в то время это редкость была, и вдруг в марте 1945 года мне присылают документ: «...вам назначена персональная пенсия республиканского значения». Еще шла война, и вдруг такая пенсия. Я сам удивился, неожиданно получилось.

И вот так пошло, пошло, пошло, можно сказать, сделали из меня финансового работника. За короткий срок меня повышали с одной должности на другую:

заведующий райфинотдела, председатель районной плановой комиссии, директор заготовконторы райпотребсоюза. Мне всего-то чуть за двадцать лет, образования считай, нет, но работа у меня получалась. Меня поэтому и переводили с места на место, потому что были уверены – Гришанов быстро порядок наведет!

Как вы узнали о Победе?

В то время я возглавлял районный финансовый отдел и уже был членом исполкома районного совета. И когда в шесть утра передали сообщение по радио, меня сразу вызвали в райком. Секретарь нам объявил, все, конечно, от души порадовались... И тут же все активисты разъехались по колхозам. Я был прикреплен к колхозу из Николаевки и поехал туда. Как вернулись, в райкоме человек тридцать нас собралось, и, признаюсь, выпили немного. А наутро стали работать, как и прежде, но настроение, конечно, повысилось.

Хотелось бы узнать о вашем отношении к Сталину.

Самое положительное! Убежден, без него бы мы не победили. Как государственный деятель это была фигура исторического масштаба, и государственный аппарат при нем работал великолепно. Такой эпизод могу вам рассказать.

Когда я приехал домой, сразу вызвал невесту телеграммой. Она в то время в Чернавском госпитале работала. Расписались, и через пару дней отправил ее обратно, чтобы она решила все вопросы на работе и вернулась. Но через неделю получаю письмо: «Меня не отпускают!»

Собрался, поехал, но начальник госпиталя категорически отказал. Сходил к прокурору, к председателю райисполкома, секретарю райкома, заведомом, но никто со мной не хотел даже разговаривать, чтобы ее отпустить. Тут уж я на дыбы встал. Ах, так?! Говорю ей: «Собирайся!» – «Ты что, ведь подсудное дело, война...» Но я все равно забрал ее и привез к нам в совхоз. Сразу устроил на работу, но вопрос-то с ней не решен. И тогда я написал Сталину.

Написал, что я десантник, где воевал, что тяжело ранен, а мне вот жену не отдают... И через три недели получил из Москвы положительный ответ. Вот ведь что творилось в то

время!!! Так как же сейчас не возмущаться?! Даже говорить не хочется... И потом был еще один случай.

Когда я возглавлял райфо в Елатъме, то, если судья уезжал куда-то, он оставлял меня вместо себя. И некоторые дела даже давал разбирать. Все официально, с народными заседателями. И вот как-то он уехал в отпуск что ли и наказал: «Рассмотри три дела!»

Первое дело – два парня, хулиганье, изводили всю нашу Елатъму. Второе дело – колхозного конюха обвинили, что по его вине скот заболел. С этими делами я как-то разобрался, как потом время показало, вынес верное решение, и люди меня даже благодарили. А третье дело – какая-то женщина колоски собрала на колхозном поле. Красавица такая, до сих пор помню ее. Муж на фронте, а у нее двое детей, так она ночью на поле позади ее дома собирала колоски и кормила детей. А ведь по указу за колоски пять лет тюрьмы... Причем приговор уже был готов – посадить в тюрьму.

Но я все думал: ну как ее сажать?! Ведь у нее малые дети. Вызвал адвоката: «Сейчас же садись и пиши Сталину письмо!» Я почему-то не стеснялся писать. Продиктовал ему, такое дело, как быть? И представьте, очень скоро пришел положительный ответ, и не посадили ее. Вот и делайте выводы!

Но сейчас именно Сталина принято обвинять в наших огромных потерях. Мол, людей у нас не берегли и «завалили немцев трупами». Вот вы как считаете, могли мы победить с меньшими жертвами?

Константин Сергеевич Гришанов в наши дни

Пересол был, конечно... Вот я до сих пор не могу понять, почему нас так забрасывали? До сих пор не понимаю – смысл-то какой?! Мы же, когда приехали в свой батальон в Раменское, решили выяснить вопрос, который мучил нас все это время. Почему нашу группу сбросили прямо над селом занятым немцами? Но стоило нам только начать возмущаться, как нас

вызвал комиссар батальона и строго предупредил: «Не поднимайте шума! План о вашем десантировании разрабатывался на самом верху! И целью его было – создать у немцев иллюзию, что у Красной армии есть большие воздушно-десантные части, поэтому нужно было демонстративно сбросить несколько групп». И рассказал нам, что одновременно с нами, только чуть южнее, сбросили группу из семидесяти шести человек, но она полностью погибла... Что нам оставалось?! Мы только молча кивнули, мол, приказ поняли, но нам было жутко обидно, что смерть наших товарищей оказалась частью чьего-то плана...

Интервью и литературная обработка: Н. Чобану.

Сибиряков Яков Григорьевич

Родился 26 ноября 1926 года в местечке Пиков Калиновского района Винницкой области. Мой отец Григорий Шварцбурд, участник Первой мировой войны и Гражданской войны, был настоящим коммунистом, очень честным и принципиальным человеком.

В двадцатые годы отца направили работать на сахарный завод в село Уладовка, и вся наша семья вместе с ним переехала на новое место. Уладовка была чисто украинским селом, в нем проживали всего две еврейские семьи. Места наши считались глухими, и с «цивилизацией» село соединяла только узкоколейная железная дорога от сахарного завода до райцентра Калиновка. Ничего хорошего о своем детстве я вспомнить не могу, оно было тяжелым, безрадостным и очень голодным. Старший брат Михаил (он был с 1919 г.р.) еще до войны стал кадровым танкистом, а сестра Геня (1920 г.р.) вышла замуж за армейского политрука Ивана Ивановича Прудкого, и я почти два года прожил с ними в Хмельнике, при воинской части, где считался воспитанником.

Но в 1940 году полк Прудкого был передислоцирован на Западную Украину, в Збараж, и было запрещено брать с собой воспитанников части на «новую границу», и поэтому мне пришлось вернуться к родителям в Уладовку. Начало войны стало для нас полной неожиданностью, уже через несколько дней в Уладовку перестали привозить хлеб из районной пекарни, и мне пришлось самому добираться до Винницы, к маминной родне, где еще можно было купить хлеб.

Вскоре мама поехала в Янов к своей больной матери, и взяла меня с собой, а еще через несколько дней к нам в Янов приехала сестра Геня, с двухлетним сынишкой Аркадием.

Мы не имели точного представления, что происходит на фронте, никто не призывал людей к эвакуации, и мы оставались в неведении, пока к нам не приехал заросший, весь черный Иван Иванович Прудкой. Он сказал: «Меня отпустили на полдня, чтобы я вас вывез на восток. Немцы скоро будут здесь. Собирайтесь. Поедете к моим родителям, в Черкасскую область», и пошел искать подводу. Он вернулся с подводой, а моя мама ему сказала: «Яшу заberi. Я уже старая, мне немцы ничего не сделают. Я не могу оставить больную мать одну».

Я простился с матерью, и мы поехали до станции Калиновка. А там уже творился кошмар, станцию бомбили, беженцы брали поезда с боем, нам еле удалось втиснуться в вагон.

Пока ехали, наш поезд несколько раз бомбили, и когда налетала немецкая авиация, все люди высыпали из вагонов и ложились в поле, рядом с полотном железной дороги, а немецкие летчики, сбросив бомбы, переходили на бреющий полет и расстреливали пассажиров поезда из пулеметов. Как только немцы улетали, поезд немедленно продолжал движение, и все, кто уцелел после бомбежки, не оглядываясь, бежали к вагонам, и поэтому, в этих полях оставались лежать много раненых гражданских, а также десятки погибших людей, которых никто не хоронил. Помню один такой налет. Все бросились из вагонов в пшеничное поле, в том числе я с сестрой Геней, которая держала на руках двухлетнего сына. Рядом с нами ложился на землю военный с женой и взрослой дочерью, и мы инстинктивно потянулись к нему поближе, а он стал на нас орать: «Вон, отсюда! Отползайте!» Когда налет закончился и с паровоза раздались гудки – сигнал к движению, то все кинулись обратно к вагонам, а этот военный не смог подняться с земли – пуля попала ему в ногу. Его подхватили жена и дочь, и потащили раненого к вагону.

Я заметил у него в петлицах по три «шпалы», а на ремне у командира висела кобура, и я с недоумением думал в эти секунды: почему командир не стрелял по самолетам? Ну хоть бы для «фасона» пальнул бы пару раз...

Доехали до Черкасс, дальше добрались до Чигирина, где пережили очередную сильную бомбежку. Родители Ивана Ивановича жили в селе Шабельники, и добраться туда можно было только по реке, доплыть до пристани Бужин, а дальше идти пешком. Приехали к ним, нас хорошо приняли.

У деда, Ивана Палтоновича, был большой огород, своя корова, и он не бедствовал.

Я познакомился со своими сверстниками и целый день пропадал на реке, а что там, на фронте, творится, даже не задумывался, так как верил, что Красная армия любого врага сокрушит и сюда немцы точно не придут. Как-то утром просыпаемся, а все село забито немецкими и итальянскими солдатами. Через несколько дней немецкая власть издала приказ: «Всем неместным – зарегистрироваться в управе». Пошли туда. Я записался Яковом Сибиряковым, эту фамилию выбрал случайно, сестра подсказала, у них в части служил некий лейтенант Сибиряков.

Наступила осень, и тут однажды к деду приходит полицейский и говорит: «Невестка и хлопец должны явиться в Чигирин, в полицию». Стало ясно, что кто-то уже на нас донес, мол, «невестка жидовка, а ее муж комиссар». Иван Иванович до призыва в армию был сельским фельдшером, и сохранились его «гражданские документы». Геня внешне на еврейку совсем не была похожа, курносая, с длинной косой. Но что делать со мной? Иван Палтонович мне сказал: «Иди, пройдишь по селу, и скажи всем хлопцам, что ты нашел дядю в Черкассах и уезжаешь к нему жить».

Дед тем временем вырыл для меня яму в сарае, где-то размером метр на полтора, и прикрыл ее досками. Сестра с Иваном Палтоновичем и с маленьким Аркадием поехали в Чигирин, где эсэсовцы вместе с полицейскими посмотрели на нее, заключили, что она – не «юде», и сказали «свободна». Потом проверили сынишку, посмотрели, не обрезана ли крайняя плоть, потрогали череп, и говорят: «Она не врет, они украинцы». Полицейский тем временем посмотрели на документы Прудкого, что он сельский фельдшер, а не политрук, и все, разрешили вернуться в Шабельники.

А я спрятался в яме в сарае, и провел в этом убежище два с лишним года, до декабря 1943 года.

**Два с лишним года просидеть в яме, каждый день ожидая облавы и смерти...
Как все это смогли выдержать в свои пятнадцать лет?**

Потому и выдержал, что был совсем молодым, а иначе... сошел бы с ума.

Нередко плакал по ночам от безысходности... Хотелось выжить...

По утрам, когда бабка Химка приходила доить корову, она приносила мне что-нибудь покушать. Зимой, иногда, на ночь забирали меня в хату, а летом по ночам, пока не начались облавы, я ненадолго выбирался из сарая, посмотреть на звездное небо, а так сидел два года в яме и ждал какой-нибудь развязки.

Летом 1942 года, когда немцы подошли к Волге, а полицаи в селе проводили облавы, угоняли молодежь в Германию, дед Иван решил от меня избавиться, «прибрать» меня.

Что именно тогда произошло, мне потом сестра рассказала. Дед сказал, что прятать меня дальше опасно, что если меня найдут, то расстреляют всю семью, а дед хотел, чтобы хоть внук остался живым. Он уже вырыл в поле яму, чтобы меня закопать, но бабка его отговорила, что нельзя такой грех на душу брать... Благодаря бабе Химке я остался жить, и за это, всю свою жизнь, был ей благодарен, да будет ей земля пухом.

Кругом одни бескрайние степи, везде полицаи и немцы, мне просто было бежать некуда, о партизанах до зимы сорок третьего никто не слышал, местных партизан в округе не было.

Один раз на два часа остановился в селе какой-то отряд от Ковпака, идущий в глубокий рейд по немецким тылам. Сестра подошла к командиру отряда, рассказала все обо мне, и попросила забрать меня в партизаны. Но командир, услышав, сколько время я прячусь в яме, и что стал доходягой, ответил: «Нет. Он с нами не дойдет».

Начальником полиции в Шабельниках был бывший петлюровец, до войны работавший кучером в городе, возил прокурора на пролетке. Он что-то подозревал, и тогда ему дед Иван сказал: «Ты меня знаешь. И братьев моих помнишь. Старайся мою семью не трогать», и начальник полиции ему ответил: «У меня к тебе никаких вопросов нет». Понимаете, там все села раньше были «бандитские» и «махновские», а сам дед и его братья, Михаил и Иосиф, были людьми известными в округе, и их крутого, буйного нрава многие побаивались. Один из братьев деда был чекистом и погиб в схватке с бандами. После этого разговора полицаи к деду уже не приходили.

Никто в селе до осени сорок третьего года не имел ни малейшего представления, какое сейчас настоящее положение дел на фронте, чья сила берет, и даже само освобождение села произошло внезапно. Утром мне говорят: «Вылезай из ямы! Наши пришли!»

Что происходило с вами после освобождения села от немецкой оккупации?

Уже через два дня после прихода Красной армии пошел слух, что в райцентре заработал полевой военкомат, и я тотчас же решил уйти на фронт добровольцем.

Пошли с сестрой в Чигирин, что находился в пятнадцати километрах от нашего села.

В Чигирине еще находилась какая-то боевая стрелковая армейская часть, и среди офицеров мы увидели одного старшего лейтенанта, внешне похожего на еврея. Так оно и оказалось, мы подошли к нему, отвели его в сторону, и сестра в нескольких предложениях рассказала ему все, что со мной происходило во время оккупации. Мы задали ему только один вопрос, как поступить дальше, какую фамилию назвать в военкомате – Шварцбург или Сибиряков?

Лейтенант ответил: «После войны со всем разберетесь, а пока лучше пусть останется русским и Сибиряковым. Кругом одни хохлы из оккупации. В спину в бою выстрелят и все... Лучше не рисковать...». В военкомате спрашивают: «Кто такой? Доброволец? Отлично! Это у нас всегда – пожалуйста!» Никакой медкомиссии, проверок, никаких лишних вопросов.

А выглядел я тогда просто ужасно, наверное, скелет смотрелся лучше и здоровее, чем я.

Кругом только мобилизованные украинцы из района, и я среди них единственный – доброволец и «русский».

Нас собрали в колонну и отправили в запасной полк, за тридцать земель.

Куда привезли?

В запасной полк в Бийске. Это был не армейский ЗАП, а натуральный концлагерь.

Зима, лютая стужа, а нас одели в старое тряпье, в рваные шинели. Вместо шапок выдали буденовки и при этом запретили при любом морозе опускать «уши» у буденовки.

На ноги выдали «обувку по сезону» – разбитые ботинки и обмотки. В этом ЗАПе был такой сильный голод, что если рассказать, не всякий поверит. Мы получали пайку хлеба, кипяток вместо чая и все... В ЗАПе было несколько ездовых лошадей, так их вскоре пустили под нож, но разве этой кониной можно было прокормить такую ораву людей. Командование договаривалось с окрестным колхозом, что те помогут нам картошкой, и каждое утро мы совершали марш – броски по снегу, бежали километров десять до места, где находились колхозные бурты с мерзлым картофелем. Нам насыпали его в вещмешок, так когда шли обратно, мы, незаметно для сержантов, через дырки в вещмешке вытаскивали картошину и ели ее прямо в строю, как яблоко грызли. Люди в этом бийском запасном полку теряли последние силы и умирали от истощения.

Я не думаю, что нас морили голодом сознательно, но сам факт такого скотского отношения к людям забыть не могу. И когда кто-то начинал жаловаться, то сержанты из «постоянного состава» орали на нас: «Хохлы – суки! Скулите, падлы?! При немцах вам лучше жилось?! Закройте ваше поганое хохлацкое хайло!» Началась волна самоубийств, только в нашей роте человек пять повесились, или покончили с жизнью, вскрыв себе вены на руках. Нас там просто «довели до ручки». Что меня там спасло. Когда я уходил в армию, сестра мне отдала карманные часы своего мужа. Я эти часы продал гражданским в ЗАПе за две тысячи рублей. Каждый вечер у колючей проволоки, окружавшей запасной полк, собирались местные торговки, которые приносили оладьи из картошки с отрубями и продавали их красноармейцам по десять рублей за штуку. И я два – три раза в неделю покупал по десять оладушек, и только этим себя спас, а иначе бы загнулся. В этом «концлагере» мы пробыли два месяца, пока нас из Бийска не перебросили в Красноярск, где при запасной дивизии шла формирование новых полков.

Когда мы туда прибыли, то нас встретил старшина. Он посмотрел на нас, «законченных доходяг», и у него, видно, что человека бывалого, от удивления лицо перекошило. Он зычно произнес: «До столовой, строем... Отставить строем! Разрешаю идти кто как сможет, и можете держать друг друга за руки». В красноярской запасной дивизии была уже совсем другая жизнь, иная атмосфера. Здесь кормили почти сносно, началась нормальная боевая подготовка, и мы потихоньку ожили и снова хоть в малой степени почувствовали себя людьми, а не забитым голодным быдлом. Месяца через три стали приезжать «покупатели» и забирать к себе людей из ЗАПа. Первыми прибыли танкисты и артиллеристы и всех, кто выглядел здоровым, забрали к себе. Потом еще приезжали разные «купцы», разбирали людей, и в итоге нас осталось совсем немного. Прошла еще пара недель, и в июне 1944 года из остатков отобрали всех 1924–1926 года рождения, а таких оказалось человек сто, и отправили всю эту группу в ВДВ в город Киржач.

В какую воздушно-десантную бригаду Вы попали?

В 25-ю бригаду. По прибытии в часть первым делом нас спрашивали: «Какое образование?» И когда я ответил, что имею семь классов образования, то меня сразу, как грамотного, отправили в саперный взвод при штабе бригады.

Во взводе почти все ребята были из Сибири, имели по четыре класса образования, и я со своим семиклассным обучением считался там почти «профессором».

Сибиряки были все ростом под метр восемьдесят и выше, а я в яме так и не успел вырасти, и имел тогда рост всего метр пятьдесят восемь, был самым маленьким во взводе.

В нашем взводе оказались отличные молодые ребята, особенно мне запомнились мои близкие товарищи: Труш, Ячменев, Шипицин, Сиянко, Захаров.

В боях Сиянко погиб, Ячменев был тяжело ранен, а он был самым смелым из нас.

Через несколько дней после прибытия в бригаду нам представили нашего командира взвода.

Это был лейтенант Алексей Хворов, бывший инженер. Он оказался хорошим человеком и заслужил уважение у личного состава взвода.

А затем началась специальная и десантная подготовка. Прыгали много. До отправки на фронт мы успели сделать по тридцать прыжков, несколько раз было, что в один день мы делали по два прыжка. Первые прыжки делали с аэростата, с инструктором, с высоты пятисот метров, а потом десантировались с «дугласов». Самым неприятным делом для нас являлись ночные прыжки.

Вообще, при каждом учебном прыжке на бригаду было по два-три погибших, и этот факт заставлял нас серьезно относиться к очередному прыжку. Были отказчики, которых сразу списывали в пехоту, отправляли на фронт. Кормили нас усиленным пайком, мы получали порции масла и сахара.

Саперный взвод изучил все основные виды немецких и наших мин, основы минирования и разминирования, и к диверсионной работе во вражеском тылу мы были готовы.

Вооружили нас автоматами ППС и ППШ, а в каждый учебный прыжок, помимо основного снаряжения, мы брали с собой картонный «кирпич», обмазанный смолой, – коробка с одной тысячей патронов к автомату. Среди нас не было бывших фронтовиков, и поэтому никто нам не мог толком объяснить, что на самом деле ожидает нас в немецком тылу или на передовой.

Отрабатывали «захват населенного пункта в немецком тылу». Нас десантировали группами примерно с пятнадцати самолетов, и сразу после приземления мы атаковали «опорный пункт противника». Не помню, чтобы на учениях было одномоментное десантирование всей бригады.

Мы носили при себе финки – стропорезы, но, например, не знали рукопашного боя.

В один из дней наш взвод сидел на поляне, где мы знакомились с устройством десантного мягкого грузового мешка. Хворов в тот день отсутствовал, и я вместо него вел занятия, читал ребятам вслух текст инструкции к этому десантному мешку. Вдруг появляется большая группа старших офицеров, впереди два генерала из штаба ВДВ. Подошли к нам, взвод встал по стойке смирно, и я доложил, что отдельный саперный взвод находится на занятиях. Генералы по очереди стали задавать мне вопросы, я на все ответил четко и правильно, и тогда один из генералов сказал комбригу «Дать этому бойцу звание старшего сержанта». И меня сразу назначили на должность помощника командира взвода, но по званию я оставался ефрейтором.

Вы сказали, что в 25-й бригаде не было десантников с предыдущим боевым опытом действий в немецком тылу. Но, по крайней мере, опыт других бригад, когда-то уже десантированных к немцам в тыл, как-то обсуждался среди бойцов или на занятиях?

Не помню такого. Ходили слухи и разговоры, что летчики осенью 1943 года по своей трусости или по ошибке сбросили две бригады в Днепр, и весь десант потонул.

Поэтому летчиков ненавидели, и любой десантник считал за правое дело набить морду каждому встреченному в «тихом и темном углу» авиатору.

Поздней осенью 1944 года пошли слухи, что нас готовят в десант «на Венгрию», и, когда нас отправили эшелонами к фронту, вместе с парашютами и со всем специальным снаряжением, мы были уверены, что скоро пойдем в десант, а через несколько дней из нас сделали обычную пехоту.

На фронт мы приехали уже не десантниками 25-й ВДБр, а обычными пехотинцами.

Следующий вопрос сформулируем так: «Бои в Венгрии».

У меня в памяти события в Венгрии особо не сохранились. Прибыли под Будапешт, когда Пешт был у наших, а Буда в немецких руках, и стали готовиться к уличным боям.

Саперный взвод разместился в богатом поместье, хозяин которого сбежал с немцами, и здесь мы впервые увидели, как живут европейцы. Мы разгрузили свое саперное имущество, мины, ящики с толом, и стали обследовать это поместье. Когда обнаружили большой винный подвал, то нам стало вообще «...и жить хорошо, и жизнь хороша»...

Но вместо Будапешта нас бросили в район города Папа, потом были бои на реке Раба и стычки с немцами в районе города Шервар, в которых саперный взвод был мало задействован.

Запомнилось, как венгры стали массово сдаваться в плен, шли к нам под белым флагом в батальонных колоннах, а потом их без оружия отпускали по домам. Мы дразнили венгров: «Эй, немцы», а они в ответ кричали: «Нет! Мы мадьяры!».

Я прочитал один из Ваших наградных листов. Во время взятия Вены Вы лично спасли от взрыва один из мостов Дунайского канала. Как все произошло?

Это было, кажется, 8 апреля. Саперный взвод находился при штабе полка, и командир приказал устроить ему НП на самом высоком месте. Нашли точку в районе мужского монастыря, откуда открывался прекрасный обзор, но тут прилетела американская авиация, около ста самолетов, и стала бомбить дунайский берег прямо перед НП. Все заволочло дымом и нам приказали найти новый НП. Спустились вниз, видим мост через канал. Взводный приказал проверить, заминирован ли мост. Послал к мосту меня и Труша, но пройти к реке в полный рост мы не имели возможности, по нам с разных мест вели огонь снайпера. Пришлось где ползком, где перебежками, прижимаясь к стенам домов, по переулкам добираться до моста. Но все оказалось непросто, снайпера устроили за нами охоту, и я до сих пор не пойму, как нас не убили еще на подходе к мосту. Мы залегли в разрушенной пулеметной точке, в которую было прямое попадание, лежали среди кусков мяса, среди разорванных тел, и прямо передо мной в крови лежали карманные часы кого-то из убитых пулеметчиков. Решили сделать еще один бросок вперед, но опять – огонь по нам, и мы вдоль опорной стенки канала поползли прямо к мосту.

Там, возле моста, увидели двух бойцов с ПТР, которые лежали прямо на дороге, скрываясь за баррикадой. С нашей стороны въезд на мост закрыт баррикадой из шпал и кусков рельсов, баррикада метра два высотой, а сам мост длиной метров восемьдесят – сто. Я на мост посмотрел, не видно никаких поверхностных повреждений, значит, скорее всего, немцы мины здесь не закладывали.

На противоположной стороне появился немецкий танк, «Тигр», и пошел по мосту к нашему берегу. Я говорю пэтээровцам: «Ну что же вы не стреляете, так вашу!» – «Мы «тигр» не возьмем!», а танк в это время стал разворачиваться на мосту. «Ну врежьте по нему, вот же, он борт подставил!» – «А у нас всего один патрон!». А танк вернулся по мосту на свою сторону, съехал вправо, и, видно, танкисты нас заметили. Снаряд разорвался прямо над нами, осколки кирпичей полетели на наши головы. Мы, не дожидаясь второго снаряда, стали отползать с этого места, и через метров десять я наткнулся на люк на мостовой, знаете, такими прикрывают канализационные колодцы. Люк сдвинули, и вниз по скобам, метра три. Спустились, вроде все четверо целые, находимся в почти круглой бетонной трубе, а перед нами виден весь низ моста. Я прошел по трубе вперед, и увидел, что к мосту подвешены ящики со взрывчаткой, и от них под мостом на ту сторону идет «пучок» толстых проводов, все подготовлено к взрыву. Мы вышли из трубы, меня ребята подсадили, я добрался до проводов и основной провод перерезал финкой. Провод не был натянут крепко и с шумом упал в воду. И тут нас заметили и по нам открыли огонь из пулеметов, мы сразу назад, в трубу, и пока огонь прекратился, прошло полчаса. Когда стихло, я вернулся к Хворову и доложил, что мост спасен от взрыва. К мосту

подошли наши танки, тросами, под огневым прикрытием, растащили баррикаду, и пошли на ту сторону.

Вот, в принципе, и вся история с этим мостом через Дунайский канал в Вене.

После взятия Вены где воевал Ваш полк?

В Австрийских Альпах. Там со мной один эпизод произошел, о котором стоит рассказать, поскольку он подходит под определение «чудом выжил».

Там шел жестокий бой за горную деревню, которая называлась Гитлердорф, мы еще думали, что это родина Гитлера, если австрийцы так деревню называли. Три раза наш 1-й батальон ходил в атаку на эту деревню, и все три раза неудачно. Атаковать надо было с горы вниз, до моста через горную реку, и снова по склону, уже вверх, к деревне, и немцы сверху, просто, видя всю местность как на ладони, косили из пулеметов атакующих десантников.

Артиллерию и танки туда подтянуть не могли, горный рельеф не позволял пройти технике. Комбат затребовал к себе саперов, утверждая, что мост через реку заминирован, и комполка Кашук приказал Хворову прибыть в 1-й батальон. Взводный взял с собой пять человек.

Прибыли с лейтенантом к мосту в 1-ую роту, а ротный Хворову говорит: «Я уже больше половины бойцов здесь потерял». Стало темно.

С мостом мы разобрались, я спрашиваю Хворова: «Что дальше?» – «Пошли в штаб батальона». А штаб находился на горе, напротив этого Гитлердорфа, в каменном крепком доме.

Там, в штабе, было всего человек пять-семь, радистка, писарь, комбат с ординарцем, и еще кто-то из офицеров. Комбат нам говорит: «Ложитесь спать спокойно. У нас тут не дом, а настоящая крепость». И действительно, перед домом выложена стена из камней. Но комбат все же приказал прислать еще человек пять бойцов из одной роты, на всякий случай, чтобы хватило людей для обороны штаба, если ночью немцы нас обойдут по горам. Предчувствовал нехорошее.

Ночью слева от дома слышались шаги, слышно, что к нам группа идет, а не одиночка, мы вскочили на ноги, и тут поднялась стрельба. А в ответ на стрельбу нам орут на русском языке: «Сволочи, вы что сдурели! По своим стреляете! Мать вашу!»

Комбат приказал: «Прекратить стрельбу!» Мы стали ждать, пока группа из темноты приблизится к дому, и тут в нас с близкого расстояния полетели гранаты.

Это были власовцы вместе с немцами, и на русскую речь власовцев мы так дешево купились. Завязался бой, отстреливаемся, но нас моментально окружили с трех сторон.

Я оглянулся, а кроме меня и Хворова никого из наших уже рядом нет. Хворов кричит: «Отходим! Нас двое осталось!» – «Уходи первый! Я диск добыю и за тобой!»...

Отстрелял последний диск и побежал в темноте от дома, широкими прыжками.

А там обрыв был, который в этой темноте нельзя было заметить, он был скрыт густыми верхушками деревьев. На мое счастье я «широко» бежал и не рухнул камнем с обрыва, а как бы прыгнул с разбега в пропасть, но попал на верхушки деревьев, на макушки елей, а потом на ветви, которые пружинили и затормозили падение, а там метров десять с лишним лететь было вниз. Упал. Вроде ничего не сломано, кости целы, могу встать на ноги.

Слышу голос взводного: «Яша! Помоги!», – а это лейтенант Хворов, живой, только ноги переломаны – поранены. А несколько из наших, которые убегая от немцев, обрыва не заметили, так и упали камнем вниз, разбились насмерть на скалах, и их тела лежали возле Хворова.

Я взводного перевязал и потащил на себе до перевала, на гору перед нами, а потом еще надо было вниз с ним как-то спуститься. Донес его до своих, Хворова отправили в санбат, а мне говорят: «Яша, беги в штаб полка! Предупреди! Они же штаб разгромить могут!»

Я к штабу, рассказал, что и как, все, кто был при штабе, тихо заняли круговую оборону, но до рассвета нас никто не атаковал. На второй день собрали всех, кто может держать оружие, включая ездовых и писарей, и мы пошли в атаку, отбивать гору, где был штаб батальона.

Но боя не случилось, так как немцы с власовцами уже оттуда сами ушли.

Вы по документам награждены двумя орденами Славы 3-й степени, а на всех фотографиях только с одним орденом. Можно поинтересоваться, почему?

С войны я вернулся только с одним орденом Славы.

Прошло после войны несколько лет, и вдруг меня вызывают в военкомат. Прихожу, принял меня офицер, который заявил: «Тут тебе еще один орден Славы 3-й степени пришел. Но что-то странно, за один месяц и два ордена?... Вроде, за одно и тоже дали. Мы думаем, что это какая-то ошибка. Да и зачем он тебе? Одного хватит». Я ответил ему: «Ну, и Бог с ним», вышел и думаю: «А может, и действительно так».

Хотя знал, что меня дважды представляли к наградам, один раз на Славу, а второй раз на Боевое Красное Знамя. Но не хотелось мне тогда высовываться и разбираться с начальством, как раз в разгаре была «Борьба с космополитами», и так на каждом шагу пьяные нам орали: «Пархатые жида!». И у меня просто не было сил на всякую бумажную волокиту с наградным отделом.

По Вашей личной оценке, какие потери понес 348-й гвардейский стрелковый полк за два месяца боев в Венгрии и в Австрии?

Процентов 70 от первоначального состава было убито и ранено, выбыло из строя.

В нашем взводе из двадцати шести человек в строю на 9 мая оставалось двенадцать человек, но нам еще после объявления о капитуляции немцев пришлось несколько дней принимать участие в стычках с засевшими в горах эсэсовцами, и снова у нас были потери.

Вас ранило уже после официального окончания войны?

Да. Десятого мая. В альпийских горах при прочесывании наткнулись на группу немцев, завязался бой. Сверху нас забрасывали гранатами, и мне осколок попал в правую руку. Перебинтовали, я думал, что ничего серьезного, но пока я с этих гор спустился и пока ждали транспорт для эвакуации раненых, немало времени прошло. Когда меня привезли в госпиталь в Сегед, уже началась гангрена, и меня сразу положили на операционный стол и ампутировали правую руку. В госпиталях я пролежал до сентября 1945 года, а потом меня комиссовали из армии как инвалида войны.

Как на передовой снабжали десантников?

Например, мы за два месяца боев ни разу не видели своей полевой кухни и питались тем, что находили в брошенных домах. Благо, народ там жил зажиточно, и в погребах можно было много чего съестного найти и набрать, начиная от копченых колбас и шпика, заканчивая банками, где мед был перемешан с маслом. Сто грамм «наркомовских» мы от своих снабженцев никогда не получали, но, кто хотел выпить, мог легко «сообразить» местного вина.

Смотрите, на передовой мало кто обращал внимание, кто во что одет и обут, главное – чтобы патронов и гранат хватало и было бы что «порубать», а если кто-то из бойцов нацепил на себя мадьярский китель или немецкие сапоги, так это считалось «в пределах допустимой нормы».

Например, у нас отродясь не было касок. А в саперном взводе не было ни одного миноискателя. Но кто тогда об этом задумывался?

А Ваш брат, кадровый танкист, выжил на войне?

После войны на запрос о судьбе брата мы получили извещение «Пропаг без вести», и долгие годы я так и думал. Да и как он мог уцелеть, если служил в 1941 году танкистом на западной границе. Там все «кадровики» – танкисты поголовно погибли или попали в плен,

еще в первых приграничных боях. В конце восьмидесятых годов у моего московского товарища близкие друзья поехали по гостевой визе к родным в Израиль и там случайно столкнулись и разговорились с пожилым человеком, который сказал, что живет здесь с 1947 года, а вся его семья погибла во время войны, а сам он из Винницкой области и звали его раньше Михаил Шварцбурд. Когда они вернулись «из гостей» в СССР, то просто, по ходу рассказа о поездке, упомянули эту встречу, а мой товарищ ухватился за фамилию, ведь она довольно редкая. Сообщили мне об этом, достали телефон этого пожилого человека в Израиле, и я решился ему позвонить, думая, что, скорее всего, это просто мой однофамилец.

Я заказал разговор с заграницей, и, как только он взял трубку и мы произнесли первые слова, сразу по голосу узнали друг друга. Это был мой родной брат Михаил, который в Израиле сменил имя на Моше Бен – Ами. Его жизненная история заслуживает отдельного рассказа.

Он прошел танкистом всю войну, несколько раз был ранен, много раз горел в танках, и, когда после окончания войны пытался найти своих родных, ему на запрос ответили, что никого в живых не осталось. Брат продолжал армейскую службу, имел звание капитана, пока в начале 1947 года, его, после разных проверок, не отправили «на новое место службы», взяв всевозможные подписки о неразглашении. Прибыл он на это «новое место», а там собрана группа из двухсот молодых советских офицеров, опытных фронтовиков еврейской национальности, подготовленных для переброски в Палестину, воевать против англичан за создание коммунистического Израиля. Эту группу тайно перебросили по польским паспортам через Восточную Европу в Палестину, а вот следующие за ними, уже сформированные и подготовленные, подобные офицерские команды, так и остались в Союзе.

Видимо, товарищ Сталин эту лавочку прикрыл.

Брат прибыл в Израиль накануне Войны за независимость, и, как говорится, сразу принялся за свою работу, был здесь одним из первых танковых командиров, участвовал в нескольких войнах, дослужился до звания полковника. Брат уговорил меня уехать к нему в Израиль, мы прибыли на ПМЖ в 1990 году, когда он уже был совсем болен. Михаил умер в 1991 году, и все последние месяцы его жизни я был рядом с ним.

Вам еще не было девятнадцати лет, когда Вы вернулись из армии инвалидом. Тяжело было калекой возвращаться в мирную жизнь?

Я после комиссования поехал к сестре, в Шабельники, но жить там не захотел, и не потому, что жизнь там после войны была тяжелая и голодная, а потому, что в этом селе к евреям относились с открытой ненавистью. Поехал в Днепропетровск, поступил в металлургический техникум. Себя жалеть времени не было. Да тогда на каждом шагу можно было встретить инвалида войны, кто без руки, кто без ног пришел с фронта, но, главное, ведь мы остались живы, а миллионы и миллионы наших фронтовых товарищей или родных так и остались навсегда лежать на полях сражений или в расстрельных рвах.

После окончания техникума меня направили в Днепродзержинск, работать на вагоностроительный завод. Здесь, в Днепродзержинске, я женился и остался жить. Там родились и выросли мои дети. Я работал начальником транспортного цеха, а потом и заместителем гендиректора известного на всю страну авторемонтного завода, который занимался ремонтом «импортного автотранспорта», мы ремонтировали эксплуатируемые в СССР «Шкоды», «Татры», «Икарусы». Моя послевоенная жизнь была связана с интересной и нужной людям работой.

Интервью и литературная обработка: Г. Койфман.

Горшков Николай Петрович

Для начала, Николай Петрович, расскажите о том, как сложилась ваша довоенная жизнь. Кто были ваши родители, каков был состав вашей семьи?

Знаешь, как до революции, так и после нее мои родители занимались крестьянским хозяйством, сначала в Самарской губернии, а потом – в области. Мне, например, известно, что до 1917 года отец работал у такого помещика Сапрыкина. Так вот, мой батя был, как говорят, у него «на побегушках» и за это получал какие-то гроши. Сейчас принято говорить о том, какая, мол, капиталистическая система хорошая. Ничего подобного! Сколько я могу о ней судить, в России она никогда не приживется. Ладно уж говорить о самой партии КПРФ. Сегодня она, как говорят, обхаркана и оплевана. Но когда представители других партий выступают в поддержку коммунистической идеи, это, конечно, уже о чем-то говорит. Ведь правда? Разумеется, в России капитализма никогда не будет. К этому безобразию, которое у нас пытаются внедрить, я отношусь крайне негативно. Пусть в Эстонии, в которой мы с вами живем, это система внедряется. У нас все-таки небольшое государство, и здесь всякие вещи возможны. Но Россия так устроена, что она никогда не сможет жить в капиталистическом обществе. Вроде мы при этой системе жили нормально, до тех самых пор, пока не наступил 1917 год. Но в конце концов люди поняли, что ни к чему хорошему она не приведет. Поэтому у нас и произошла революция.

Теперь пришла самая пора рассказать о моей довоенной жизни. Мы жили, как я уже тебе сказал, в сельской местности. А что нам оставалось в этой местности делать? Только заниматься сельским хозяйством. Когда еще существовали остатки частной собственности, наша семья имела небольшой огородик, на котором мы выращивали овощи и держали кур с цыплятами. Но когда в 1929 году организовались колхозы, у нас появились такие, как бы сказать, отдельные предприятия. При этом должен тебе сказать, что саму коллективизацию я помню плохо – чуть-чуть, как во сне. Ведь я тогда был еще очень маленьким. Что хотелось бы отметить: элеватор, в котором у нас во время коллективизации хранили зерно, в свое время принадлежал какому-то местному богачу. Поэтому раньше жили, исходя из такого правила: что

крестьянин посеет и пожнет, то этот самый богат за бесценок скупит и всем этим засыпет себе элеватор.

Со временем у нас организовалось и соответствующее государственное предприятия – «Заготзерно». Но через какое-то время «пошли» колхозы и совхозы. Зерно стали после этого сдавать государству. Колхозам и совхозам был доверен определенный план по сдаче зерна. Одним словом, все шло хорошо. Но что сейчас творится в деревне? Моя сестра, которая живет там, пишет, что все поля поросли там чертополохом. Раньше же все было в деревне совсем по-другому. Весной там была, как говорят, полная лепота. Бывало, посмотришь на деревню, а там люди работают как муравьи, чего-то там копошатся. Кругом гудят трактора. Короче говоря, работа кипит, а везде – посевные площади.

Я тебе забыл сказать о том, что наш Алексеевский район Самарской области, где я родился в 1925-м году, это был так называемый степной район. В нем в те годы хлеба выращивали столько, что с города Куйбышева, нынешней Самары, к нам специально присылали по две-три автоколонны. Каждая такая автоколонна состояла из пятидесяти – шестидесяти автомашин-самосвалов. И что интересно: начиная с уборочной компании и до Нового года у нас не успевали вывозить хлеб, который уродился. Вывозили же хлеб, в частности, в такие места, как Куйбышевский элеватор или Морачевская мельница (располагалась в Морачевке), которая считалась в то время мельницей союзного значения, там чего только не делали – и макарон, и манную крупу, да почти что все. Кроме того, зерно вывозили также и в огромный Богатовский пристанционный элеватор. Там тоже все было, как говорят, завалено. Именно по этой причине в деревне оставались целые гурты зерна, которые для сохранности, чтобы зимой их не засыпало снегом, мы вынуждены были накрывать соломой. Зерно также хранили в школах и в церкви. Вот сколько много зерна имелось в одном только Алексеевском районе.

Когда у вас организовались колхозы, охотно ли люди туда вступали. Как к этому относилось население?

Знаешь, люди охотно туда шли. Больше того, жили у нас люди, я бы так сказал, довольно зажиточно. За работу им платили, конечно, по-разному. В то время везде существовала так называемая натуроплата. То есть, на отработанные трудовые крестьянам выдавалось какое-то количество хлеба. Впрочем, здесь многое зависело от решения правления колхоза. Это оно уже решало, поскольку, допустим, по одиннадцать или по сто двадцать килограмм хлеба, выдавать на один трудовой день. Весь этот оставшийся хлеб развозили по колхозным домам. Бывает, помню, к кому-нибудь приедут из колхоза домой, а он говорит: «Федор Иванович, да у меня еще тот хлеб целый лежит. Куда вы опять его привезли?» Так что колхознику ничего не стоило привезти крестьянину хлеб. Поэтому все разговоры сегодняшнего времени о том, что коллективизация – это очень плохое дело, я считаю полной ерундой. Это только такие люди, как Путин и Ельцин, могут писать и говорить что-нибудь подобное.

А я в довоенные годы, кроме того, еще и учился. Окончил перед ее началом девять классов сельской школы, пока не началась война. Мама моя умерла очень рано, еще в 1930 году. Мне было тогда всего пять лет. Так как у отца оставалось трое детей и их надо было чем-то кормить, он женился во второй раз. Эта мачеха стала мне второй матерью. У нее, кстати говоря, было двое детей: сын Костя, 1918 года рождения, и дочь Клавдия, которая к тому времени уже жила со своим мужем. Потом мой сводный брат Костя ушел в армию, воевал, но в боях под Ельней пропал без вести, и так – с концами. Сколько я не писал в архив, все оказывалось без толку. Мне в ответ присылали только одно: пропал без вести.

Чем вам запомнилось начало войны?

Знаешь, наш дом стоял прямо возле грунтовой дороги. Так вот, я хорошо помню тот момент, когда по ней вдруг стали ездить верховые на лошадях и по заданию военкомата развозить повестки. После этого везде пошел разговор: «Война началась!»

Что было после этого?

Так как началась война, нашей семье нужно было как-то кормиться. В 1941 году я еще учился в школе. А уже в 1942 году мне пришлось идти учиться на местные курсы лаборантов-зерновиков. Устроиться я смог туда по блату. Когда-то отец работал на государственном предприятии – «Заготзерно». Начальником курсов, действовавших при этом предприятии, был его знакомый – Лютиков Александр Васильевич, очень хороший человек. Вот видишь, как бывает? Я даже запомнил его фамилию. Мужчина он был знающий, хороший, как я уже сказал, и богатый. Курсы были организованы в соседнем Глушицком районе. Кстати говоря, в очень большом районе. Отец сам мне, помню, тогда сказал: «Давай-ка, Коля, езжай учиться на курсы! Получай какую-нибудь специальность...» После этого я поехал на эти курсы учиться. В то время там как раз был большой недостаток в кадрах. Курсы лаборантов-зерновиков оказались трехмесячными. Отучившись там положенный срок, я сдал соответствующие экзамены и приехал домой уже с дипломом. А затем у меня началась трудовая деятельность. Работать я стал лаборантом Алексеевского районного заготпункта «Заготзерно».

В чем заключалась ваша работа?

А работа у меня состояла в следующем. В нашу организацию принимали, как известно, хлеб. Но для того, чтобы его сохранить, нужно было брать хлеб определенной влажности, сорности и клейковины. Так вот, для этого я должен был делать анализ пшеницы и ржи, которые принимались в колхоз, а затем давать оценку их качеству. Надо сказать, в то время с принятием хлеба имелись определенные трудности. Ведь все было очень влажным. И поэтому без моего разрешения, то есть, разрешения лаборанта, заведующий складом не имел права принимать зерно. На этом месте я работал до тех самых пор, пока меня не призвали в армию.

А когда, Николай Петрович, собственно говоря, началась ваша служба в армии? Где она началась?

В армию меня взяли в феврале 1943 года. После этого я был сразу направлен на учебу в Куйбышевское военно-пехотное училище.

Почему вас направили именно в училище, а не в обычную часть?

Меня туда направили как имеющего девять классов образования. В то время в училище брали парней с полным средним образованием и девятью классами. Ведь тогда на фронте катастрофически не хватало офицерского состава. Из-за этого у нас в стране и вынуждены были комплектовать военные училища таким, стало быть, контингентом. Само наше училище дислоцировалось в городе Управленческий Самарской области. Что интересно: в народе место, где располагалось училище, называлось Красная глинка. Между прочим, я так до сих пор и не знаю, почему оно так называлось, – Красная глинка.

Вообще же на карте это место значится как Управленческий городок. Находилось оно в тридцати километрах от города Куйбышева. Срок обучения в училище составлял шесть месяцев. Должен сказать, что тогда не все училища являлись шестимесячными. Но это училище, 1-й Куйбышевское военно-пехотное училище, готовило будущих офицеров именно в течение шести месяцев. Училище было хорошим. Оно сделало не один выпуск. Нас держали там недолго. Как говорят, одну или две звездочки получай на погоны, и – вылетай.

Вас выпустили офицером?

В том-то и дело, что нет. Как сейчас помню, сдали мы в училище больше половины экзаменов. Нам оставалось сдать не очень много предметов. Сколько точно, я уже сейчас и не помню. Дело происходило летом. Тогда в Красной армии как раз только ввели погоны. И вдруг у нас объявляют общее построение (я уже сейчас точно не помню, когда именно это было). Перед всем составом нашего училища, состоявшего из двух батальонов и батальона обеспечения, выступает начальник училища и говорит: «Товарищи курсанты! Вы едете в почетнейшую воинскую часть. Не посрамите звания 1-го Куйбышевского военно-пехотного училища». Как оказалось, без всяких офицерских званий нас направили в воздушно-десантную дивизию.

Что вы можете сказать о преподавательском составе вашего училища?

В основном все наши преподаватели были обстрелянными фронтовиками. Так, например, начальник училища, участвовавший перед этим в боевых действиях, ходил на одной ноге. Вторая нога оказалась у него совершенно, как говорят, недвижимой. Сам он передвигался при помощи костыля. Впрочем, он был не один такой. Весь преподавательский состав училища состоял из фронтовиков. К примеру, должность командира нашей курсантской роты занимал такой старший лейтенант Файзуллин. Участник боев, он тоже был весь изрешечен осколками на фронте: одна рука у него не работала, а нога еле-еле двигалась.

На фронте, насколько мне известно, он получил еще и контузию. Но контузия его была, я бы сказал, такая сравнительно легкая. Вместе с Почуйкиным, родом из Мордовии, мы были два самых низкорослых курсанта в роте. Поэтому мы обычно всегда замыкали строй. В связи с этим мне, к примеру, вспоминается следующее. Файзуллин строит нашу роту на строевой марш. Мы начинаем движение. Файзуллин командует: «Рота-аа!» Его команда означает то, что мы должны вытягивать ногу и идти, как говорят, строевым маршем. Мы, самые маленькие по росту, идем сзади. Нам бывает не так уж и просто поспевать за своим строем. Затем Файзуллин ложится и смотрит на наши ноги, после чего подымается и кричит: «Пошуйкин! Не шасти!» Буквально это означало следующее: «не части». Сам Файзуллин был татарин по национальности. Короче говоря, как я уже сказал, весь преподавательский состав нашего училища – это были офицеры, которые уже прошли войну. Это только нас, молодежь, буквально со школьной скамьи призвали в армию и сразу же направили в училище. Старше нас по возрасту из курсантов никого не было. Забирая в армию, нами через военкоматы, по сути дела, укомплектовывали училища. Ведь нас на призывной комиссии не спрашивали о том, хотим мы или не хотим быть офицерами. Никого эти вопросы не интересовали.

В какую именно воздушно-десантную дивизию вы попали?

После того как мы прошли программу, вероятно, по указанию Ставки Верховного Главнокомандования (видимо, и пункт «в конце прохождения программы» оговаривался) все наше училище целиком, без всяких медицинских комиссий было направлено под Москву, на формирование 12-й гвардейской воздушно-десантной бригады. Забегая вперед, отмечу, что впоследствии дивизия была преобразована в 100-ю гвардейскую стрелковую дивизию и отправлена на фронт. Судьба ее сложилась таким образом, что пока мы служили еще в воздушно-десантной бригаде, то тренировались, занимались парашютными прыжками с оружием и без оружия. Одним словом, нас немного натаскивали и готовили к форсированию Днепра. Но пока шла подготовка, Днепр форсировали и обошлись, как говорится, без нас. После этого встал вопрос о том, как бы отодвинуть финнов подальше от Ленинграда. Собственно говоря, наше командование боялось тогда того, что немцы и финны, которые находились друг с другом в союзе, могут против нас что-либо предпринять. Тогда-то и преобразовали нашу воздушно-десантную бригаду в стрелковую дивизию. Мы тогда, помню, стояли в городе Звенигороде. Но не в самом городе, а в знаменитом Звенигородском монастыре, который существует и поныне.

Но если в самом монастыре дислоцировался запасной стрелковый полк у нас, то непосредственно мы располагались в землянках, которые мы сами для себя сделали, и жили в лесу. Хорошо помню, что когда нас преобразовали в дивизию, там же, под Москвой, нам вручили гвардейское знамя. По этому случаю к нам приехал представитель Ставки Верховного Главного командования, кажется, он был в звании полковника. Что интересно: перед этим торжественным моментом нас решили как следует «обстрелять». Собственно говоря, «обстреливание» получилось таким. К деревьям привязали толстые шашки и устроили нам канонаду. Это было сделано для того, чтобы мы почувствовали что-то памятное и гвардейское. После окончания данной процедуры нам вручили гвардейское знамя. Вот и получается, что, так и не понюхав, по сути дела, пороху, мы, необстрелянная молодежь 1924–1925 годов рождения (в основном к нам дивизию попадали ребята, которые в прошлом являлись курсантами военных училищ), стали гвардейцами.

Где проходили ваши первые бои?

А вот слушайте. Как я уже говорил, сначала нас направили на формирование 13-й воздушно-десантной бригады. Там мы пробыли сколько-то времени. Наверное, до мая или июня 1944 года. Сейчас, правда, я этого точно уже и не помню. Потом нас, как известно, преобразовали из бригады в дивизию, всех переделали в новую с иголочки форму и отправили воевать на только что образовавшийся Карельский фронт. Вы, наверное, знаете о том, что в Ленинградской области есть такой город – Лодейное поле. Так вот, начиная от этого самого Лодейного поля мы находились на переднем крае, форсировали реку Свирь. Перед этим проводилась мощнейшая артиллерийская подготовка. Командовал вновь образованным фронтом Маршал Мерецков. Стоит отметить, что форсирование реки получилось довольно интересным. В течение двух ночей разведка установила через всю реку вот такие небольшие, шириной, может быть, с этот стол [показывает], мостки на тросах. После этого пехота на определенной дистанции один солдат от другого проходила через эту реку. И хотя мы, пока шли, и стали от этого мокрыми, все же преодолевали реку не вплавь. А затем начали воевать.

Когда вы прибыли на передний край, какая там в целом складывалась обстановка?

Знаете, фронт там был не особенно широкий. В этих местах проходила сравнительно узкая полоса фронта. По сути дела, вместе с нами воевала еще одна дивизия, номера которого я уже сейчас не помню. Только если они наступали в районе моста через реку Свирь, то мы готовились к наступлению и шли правее.

Приходилось ли вам во время тех боев подниматься в атаку?

А как же? Конечно. Утром началась артиллерийская подготовка. После ее проведения на расстоянии семи километров стоял сплошной смрад и дым, и все это – от разрыва снарядов. Данные события происходили в такой, я бы сказал, тяжелой лесисто-болотистой местности. Такие вещи, естественно, соответствующим образом сказывались на ситуации. Учитывая, что разбираться с чем-то особенного времени-то и не было, идти нам приходилось по грязи. Уже после проведения артиллерийской подготовки финнов в траншеях не было. Они к тому времени отступили где-то уже за тринадцать километров. Все-таки, разведка у них тоже работала. И когда подготовку, наконец, «дали», часть из них ушла. Впрочем, трудно сказать, когда именно они ушли: во время подготовки или после ее проведения. По сути дела, с ними мы встретились после того, когда от реки Свирь отошли где-то, наверное, километров тринадцать. Тогда у нас с ними пошла перестрелка, началась война...

А насколько часто у вас с ними происходили перестрелки?

Да постоянно. Ведь ни в один населенный пункт, ни в один хутор нам просто так было не войти. Кроме того, очень губительный был у финнов минометный огонь. Почему? Потому что их сравнительно небольшая территория была ими очень хорошо изучена. Их боевые действия были ими заранее промерены.

Короче говоря, они вели прицельный огонь по тем данным, которые они еще в мирное время заготовили. Поэтому минометный огонь у них был, конечно, очень губительный. Страшное дело! Так потихоньку мы продолжали свое движение. Однако, не доходя до города Ланец, по-моему, где-то за три километра, меня ранило. Получилось это так. У лесной дороги наш батальон хотел сделать обход сбоку, чтобы финны сами ушли. Завязалась перестрелка, во время которой меня «шлепнуло». Так закончилось мое участие в войне с финнами.

Что вы можете сказать о финнах, исходя из вашего личного боев с ними?

Ну финны вояки были хорошие.

На «кукушки» напарывались?

Конечно, были там и «кукушки».

Какими были ваши потери в этих боях?

Да я ж таких вещей не мог знать! Я же не был тогда офицером. Всю войну я ползал солдатом на брюхе. Это уже после окончания войны меня вдруг вызвали в военкомат и задали такой вопрос: «Вы были в Куйбышевском венно-пехотном училище?» Я ответил: «Да». – «Когда вы его закончили?» – «Я, не закончив училище, был отправлен на фронт в 1943 году». Тогда мне сказали: «На вас в это время был оформлен материал. Вам присвоили звание. В это время вы как раз были отправлены дивизию». После этого мне присвоили офицерское звание. Это произошло уже в 1952 году. После этого я стал служить уже в качестве офицера. И дослужился я уже до звания майора.

Получается, что вас выбило из строя во время атаки?

Я бы сказал, что не во время атаки, а в то время, когда мы к ней готовились. Я хорошо помню, что стоял в это время за каким-то толстым деревом. Едва я только подался для того, чтобы перебежать какое-то расстояние, вперед, как моментально получил сквозное пулевое ранение в ногу. На мое счастье, пуля прошла навывлет и мягких тканей не задела. Она застряла в левой ноге. Когда впоследствии в госпитале меня оперировали, то эту пулю достали. Но, кстати говоря, вся это катавасия с финнами после этого закончилась что-то очень быстро. Как только мы дошли до города Ланец и закрепились, финны «выбросили» белый флаг. Тогда Мерецков со всей своей бандой, со всем своим фронтом, как говорится, был отправлен на Дальний Восток. Но я туда уже не попал. Дело в том, что, пролежав какое-то время в госпитале, я от своей части отстал и вернуться в нее для меня не предоставлялось никакой возможности. Кто меня на Дальний Восток повезет? После госпиталя, это случилось где-то в конце октября 1944 года, меня направили в так называемый батальон выздоравливающих. Но если госпиталь находился в городе Грязовец Вологодской области, то батальон выздоравливающих – в Петрозаводске.

Вот нас, несколько вылечившихся человек, как раз и направили туда. Когда мы туда прибыли, оказалось, что там – тьма народу. Короче говоря, ужас один! Не поймешь, кто, зачем и куда. Потом, правда, мы там немножко освоились. Что интересно: наша служба заключалась далеко не в том, чтобы заниматься какой-то там боевой подготовкой. Почему? Люди, которые вместе с нами служили, попадали сюда после излечения по ранению. Следовательно, они были обстрелянные, как говорят, воины. Материальная часть оружия им была хорошо знакома. Стрелять они умели, гранатами пользоваться тоже могли. Поэтому не было никакой необходимости в том, чтобы проводить с ними какие-либо занятия. Единственная задача, которую

я и мои сослуживцы выполняли – ожидали представителей из воинских частей, которые туда приезжали и набирали людей для пополнения своих частей. Люди выбывали ведь по ранению! Надо сказать, в этом батальоне выздоравливающих мы пробыли совсем недолго: дней, может быть, восемь или девять. Весь смысл нашей службы заключался в чем? Начиналось все у нас с того, что утром объявлялся подъем. Затем следовал завтрак: к нам подвозили полевые кухни и мы завтракали. Конечно, ложки и котелки у каждого имелись свои. После этого специально для нас объявлялось построение. Когда оно заканчивалось, мы шли в лес за шесть километров за дровами – для этих же, опять-таки, кухонь. Ведь они же отапливались дровами!

После этого прошло всего несколько дней, как вдруг к нам прибыл представитель с 13-й стрелковой дивизии, которая только что вернулась из Норвегии. Он был из отдельного лыжного разведывательного стрелкового батальона дивизии, который дислоцировался в районе города Рыбинска и расквартировывался по деревням. Делалось это так. К примеру, в одной хате жило пять человек, в другой – еще четыре. Ведь в то время там у нас не существовало никаких казарм. Вся наша дивизия, по сути дела, расквартировывалась по хуторам и населенным пунктам. Честно говоря, по прибытии из Норвегии от дивизии ничего и не осталось. Наша задача на новом месте состояла в том, чтобы, получая материальную часть, лыжи и все необходимое, готовиться к предстоящим боям. Все это происходило в конце ноября уже 1944 года. Конец ноября и весь, по сути дела, декабрь мы, как говорят, «ползали» на лыжах, тренировались, но пока еще в боях не участвовали. То же самое было и в январе месяце. Однако уже в начале февраля 1945 года нас бросили в бой на границу с территорией Польши. Надо сказать, что обстановка там в марте оказалась не ахти какой: вечером подморозит, а утром – уже слякоть. Впрочем, это есть и здесь, в Эстонии. А мы-то ходили в валенках! И когда и кто у нас будет, оставалось неизвестным. В такой непростой обстановке что мы делали? Днем стояли в лесу, а ночью совершали движения по определенно заданному направлению. Но, знаете, это у офицеров были карты. Они знали все точно: куда свернули, где дальше пошли. А нас, простых солдат, это вообще не интересовало. Интересовало только одно: как бы все прошло поудачнее, чтобы себя понапрасну не гробить. В остальном же для нас действовало такое правило: нас послали и мы идем. А куда ты от приказов, которые тебе дают, денешься? Никуда не денешься.

Днем мы, как правило, стояли и питались. Ведь у нас были котелки, в которых мы потихонечку варили выдававшиеся нам концентраты, например, кашу. Нормально днем это было сделать очень трудно. Как-никак, а немцы нас в это время, все-таки, бомбили. Ведь в это время была совершенно иная видимость. А уже ночью, когда авиации не так уж и боялись и на улице оказывалось все подморожено, мы, пользуясь случаем, двигались. Но все равно нам было очень плохо. Как говорят, наши валенки нас не спасали. Да и как они могли нас, собственно говоря, спасти? Они все равно не подсыхали. Больше того, из-за этого в некоторых местах наши солдаты занимались, будем говорить об этом прямо, мародерством. Особенно это стало ощущаться в то время, когда мы вышли на территорию Польши. Тогда в своей 13-й стрелковой дивизии я стал уже снайпером.

Вас обучали на месте на снайпера?

А знаете, мы были так называемыми скороспелыми снайперами. То есть, что это означало? Прямо на фронте находилась пара офицеров, которые хорошо владели снайперским делом. Один, кажется, в прошлом на самом деле служил снайпером, а другой просто хорошо знал материальную часть оружия и так же хорошо стрелял. Так вот, когда в новом качестве мы прибыли на передовую, они, попросту говоря, двенадцать дней с нами прозанимались. А уже после того, как эти занятия с нами прошли, каждому из нас выдали по снайперской винтовке и сказали: «Вот, мил человек, это твоя задача: быть снайпером». Так, собственно говоря, я и стал снайпером.

А какие винтовки были у вас как у снайперов?

Снайперские винтовки были у нас. Точно могу сказать, что не СВТ. По правде говоря, это были даже не винтовки, а карабины с оптическим прицелом.

«На охоту» часто ходили?

А нам, по существу, и не приходилось выходить «на охоту». Наша задача заключалась в чем? В период, когда проводилась наступательная операция, нам так: «Ты, мол, не суйся вперед. Почему? Потому что во время боя у тебя стоит совсем другая задача: ты должен засекаать огневые точки, там, пулеметы и прочее, и снимать их». Короче говоря, мы как снайперы занимались тем, что выводили эти огневые точки из строя.

Ваши победы вам как-то засчитывали?

Ну а кто мог в то время нам что-то засчитывать? Кому это было нужно? У нас и снайперских книжек, если хочешь знать, никогда не было. В каждом стрелковом взводе, а это – если полного состава – двадцать семь человек, имелось двадцать пять человек рядового и сержантского состава и два снайпера. О работе снайпера на фронте я вот что могу сказать. В каждом стрелковом взводе было два человека со снайперской винтовкой. Выполняли они задачи по указанию командира взвода или, если его на месте не оказывалось, командира роты. Короче говоря, если где-то какую-то огневую точку нужно было вывести из строя или что-то вроде этого, снайпер как раз и выводил ее из строя. Происходило это так. Наши, допустим, обнаруживают ротный или ручной пулемет. На переднем крае же было все видно! Тогда ты как снайпер засекал точку, говоря про себя: «Ага, фактический прицел видно, можно убрать».

Снайперы часто погибали на фронте?

Так снайпер был тот же пехотинец. Но если у остальных имелся, к примеру, гранатомет и автомат, то у нас – снайперские винтовки. Вот, пожалуй, и все наше отличие. Ни пистолета, ни автомата, ничего у нас не было, – только снайперские винтовки.

Вы сказали, что были случаи мародерства. Расскажите об этом, если можно.

Конечно, мародерство было! Но в каком смысле это можно назвать мародерством? Об этом и рассказывать-то неудобно. Поляки собираются и идут в костел, то есть, в свою католическую церковь. На службу они отправляются в хорошей одежде и в приличной обуви: хромовых сапогах. А мы-то ходим в валенках! Пока они в костел идут, мы их туда пропускаем. Все, как говорят, идет нормально. А вот когда церковная служба заканчивается, наши окружают костел. Они проходят. Тогда наши говорят им: «Ну, пан, давай меняться будем». И что получается? Ты снимаешь свои валенки и отдаешь этому поляку, а сам одеваешь его сапоги. Дело доходило до того, что отбирали у них резиновые галоши. И такое происходило сплошь и рядом. Помню, когда наш батальон в одном каком-то месте построили, всех начал осматривать командир полка нашей же 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Подходит он, стало быть, к нам и спрашивает нашего командира батальона: «Командир батальона, что это у тебя за пестрота такая?! Один – в хромовых сапогах, второй, понимаете ли, в каких-то галошах. Что это такое?» А батальон у нас, как говорится, всем строем выстроен. Командир батальона ему и говорит: «Товарищ полковник, это – по договоренности с мирным населением». По договоренности, значит. «Аг-гаааа», – только и смеются у нас в батальоне. А что за договоренность? Это было мародерство самое настоящее.

Где проходил ваш фронтовой путь в составе 13-й стрелковой дивизии?

Мы воевали в Польше. Прошли до самой немецкой Померании. Это были, в частности, такие города, как Торн, Бромберг Штеттин. Они располагались фактически уже на Побережье.

Встречались нам и колонны пленных немцев, но мы на них не обращали никакого внимания: ну ведут себе их – и ведут. И так я воевал до тех пор, пока меня во второй раз не ранило.

Население в Польше как к вам относилось?

Я думаю, что оно неплохо к нам относилось. Хотя стоило, может быть, и похуже выражать к нам свое отношение. Почему? Потому что мы заслужили это своим самым настоящим мародерством. Тем не менее, все эти наши действия оказались вынужденной мерой. Они и сами понимали, что когда наш солдат идет, а кругом и везде, понимаете ли, стоит одна распутица, а он – в валенках, деваться некуда. А ему ж воевать надо было!

Какими-то боевыми наградами вы были во время войны отмечены?

Я был награжден орденом Красной Звезды. Правда, получил я его уже после войны. Его мне дали просто за участие в боевых действиях. То есть, его я получил не за одно какое-то событие. Произошло это так. Я уволился из армии в звании ефрейтора. После этого я прибыл в свой Алексеевский район Самарской области, там сколько-то пробыл, потом вторично пошел служить в армию – под видом призыва на военные сборы. Но так как мне сказали, что на меня еще в 1943 году, как на почти что выпускника Куйбышевского военно-пехотного училища, было отправлено представление на присвоение офицерского звания, то теперь я стал служить уже офицером. И меня Красная Звезда нашла аж в местечке Клоога в Эстонии. И там этот бедный листок с просьбой вручить мне орден был, можно сказать, буквально весь исписан. Наградные листы, как говорят, составлялись, и там было указано, как и что.

Как вы получили второе ранение?

Второй раз я получил ранение на 2-м Белорусском фронте, которым, как известно, командовал маршал Рокоссовский. Это произошло во время атаки в марте 1945 года. Помню, мы атаковали противника, как вдруг нам дали команду залечь. На 2-м Белорусском фронте у Рокоссовского меня во второй раз ранило. Это было в марте 1945 года. Во время атаки, значит, меня ранило. Мы атаковали противника, а потом нам дали команду залечь. Тогда мы шли по вот такой шоссейной асфальтированной дороге, по бокам от которой были глубокие такие канавы. И мы, значит, залегли по одну сторону дороги. Вечерело, ночь приближалась. И вдруг нас обстреляли. Это была, конечно, работа влосовцев. Ночью на разведку их послали как раз сюда. Ну и они забросали нас гранатами, собственно говоря. Пока наш пулеметчик развернул туда-сюда свой пулемет, их и след простыл. Выбили они нас человек шесть или семь. Мне попал осколок в предплечье сюда и на эти же ноги (показывает). Видите, каково? На ноги не везло, как видите: как и в прошлый раз, так и на этот раз ранило в ногу. И получилось так, что мне в мизинец прошло касательное ранение и все это дело, одна мусолышка осталась, а всю мягкую ткань сняло. И, конечно, из-за болей уже идти стало невозможно. Санитар мне сказал: «Давай-ка я двух перевяжу, а потом тебя, так что готовься. Следом госпиталь. Там быстро тебя поставят на ноги».

И таким образом я попал в госпиталь во второй раз. Это уже был 815-й полевой хирургический подвижной госпиталь. Он следом за передовой так и шел. Он действовал в то время так: если ушла передовая за тридцать километров, значит, он перемещается еще за пятнадцать километров поближе к ней. Был там такой хирург, дай Бог ему здоровья, майор Шугрин, рязанский мужичок, с Рязани сам он был родом. И я у него в госпитале до самого – до самого, как говорят, находился. В общем, на ножки он меня поставил капитально. А рана долго не заживала. Потом, когда меня вылечили, этот Шугрин мне и говорит: «Коля, я тебя больше ни-ни, никуда не отпускаю». И меня оставили в госпитале и назначили на склады работать. А на складах очень ответственная была работа. Думаю, е-кэ-лэ-мэ-нэ, на фронте не убило, и наступление было, и там тоже живой остался, а тут – вот же зараза, посадят с этими со складами. Но потом

начальник госпиталя подполковник Богданов мне сказал: «Коля, не волнуйся, у нас больше трофейного, нежели мы получаем табельного». Ну и на самом деле так оно и было. И я там оставался до окончания войны.

Интервью и литературная обработка: И. Вершинин

Богацкий Михаил Моисеевич

Родился 7 сентября 1923 года в Москве. Отец был простым бухгалтером, мама работала библиотекарем, и жили мы очень скромно, ютились втроем в маленькой комнатке в коммунальной квартире на улице Народной, что находилась рядом с новым Краснохолмским мостом. Тогда это считался Пролетарский район Москвы. Я был единственным ребенком в семье и учился в средней школе № 498. Весной сорок первого года в наш десятый класс пришел командир из райвоенкомата и стал агитировать ребят на поступление в Московское военно-инженерное училище. Пять человек из класса – Кирилл Малевинский, Сергей Яковлев, Толя Иванов, Юра Подобедов и я – согласились добровольно пойти в военное училище, и уже в мае 1941 года, не закончив десятый класс, мы стали курсантами МВИУ. Никаких экзаменов мы не должны были сдавать, так как имели, фактически, среднее образование, в училище нас зачислили после короткого собеседования. Набор наш был, видимо, внеплановый, и уже в мае был сформирован единственный училищный курс, так как старший курс был выпущен в войска досрочно за три месяца до начала войны. Родители сразу смирились с моим выбором профессии.

В училище нам объявили, что наш курс обучения будет двухгодичным.

Начало войны застало меня в летних полевых лагерях. Помню, что сидел в оружейной комнате и чистил винтовку, как вдруг кто-то прибежал и крикнул: «Война началась!»

Мы сразу не поверили, а потом всех курсантов собрали на митинг, перед нами выступил политработник. Вскоре нас возвратили в Болшево, в училищные казармы, где мы продолжили нашу учебу по ускоренному курсу. Для меня начало войны явилось неожиданностью, ведь у нас с Германией были лояльные отношения, но с первых дней войны я, как и все мои товарищи, были уверены в нашей скорой победе над немцами. До начала октября нас не посылали на фронт, мы продолжали занятия: боевые стрельбы, марш-броски с полной выкладкой, изучение минного дела и различных видов мин, изучение уставов и приборов, например курвиметра, изучение основ фортификации, хождение по азимуту, и многое другое, и все курсанты были

измотаны до предела, спать почти не удавалось, так как были постоянные ночные тревоги, Москву бомбили каждую ночь, мы все время находились в боевой готовности.

Вечером 10 октября нас вывели из казарм в полном боевом снаряжении и приказали садиться на специальные инженерные машины с аппаратами по бортам, которые служили для перевозки понтонов. Кузова машин были загружены ящиками с взрывчаткой, толовыми шашками и специальным оборудованием для наведения понтонов и для минирования.

Утром мы уже были в Калуге, на въезде в город попали под сильную бомбежку в районе местного пивзавода. Курсанты бросились в кювет, и, когда немецкие самолеты улетели, мы продолжили движение к линии фронта. В моей машине находилось человек пятнадцать курсантов из моего 4-го взвода 9-й курсантской роты и наш взводный командир лейтенант Барабанов. Доехали до какого-то каменного моста через реку и остановились у дома путевого обходчика. У нас с собой было сто пятьдесят килограмм взрывчатых веществ – ВВ и толовые шашки, и, по приказу Барабанова, мы часть взрывчатки сгрузили и стали минировать мост.

По мосту на восток отходили наши войска и раненые, а за нашей спиной было слышно, как немцы снова бомбят Калугу. В этот день выпал первый снег. Целые сутки мы ждали приказ на подрыв моста, а от передовой по нему все шли и шли отступающие красноармейские части. Появился связной, передал, что немцы нас обошли и мы находимся в полуокружении.

Еще день мы ждали приказ, а потом Барабанов распорядился: «Взрывчатку с моста снять и закопать!» В темноте наша машина поехали влево по реке.

Утром мы добрались до места, где через реку был наведен наплавной мост, на «лодках», и по этому мосту отходили красноармейцы. К нам подъехал какой-то майор: «Саперы?» – «Так точно» – «Дальше ждать нельзя. Готовьте мост к взрыву! Скоро здесь будут немцы!»

Мы заминировали мост, на днище лодок заложили ВВ, через одну, и закрепили бикфордовы шнуры. И когда мы увидели, что на противоположном берегу появились немцы, то произвели подрыв моста. Мост разрушился только с обоих краев, а центральная «секция» наплавного моста осталась целой и поплыла вниз по течению, и тогда Барабанов приказал: «Все необходимо взорвать, иначе немцы используют остатки моста для наведения переправы».

И тогда мы сбросили шинели и кинулись вплавь к «секции». А холодина уже стояла. Когда все сделали и подорвали остатки моста, то на берегу уже не было машины и части наших курсантов. Куда-то они с Барабановым уехали. Мы надели шинели прямо на мокрое обмундирование и пошли по дороге, пока через километра три не напоролись на патруль на шоссе. Здесь нас впервые за последние двое суток покормили, дали хлеб с «маргусалином» и соленые огурцы. Потом смотрим, а по дороге идет наша курсантская машина. Подобрали нас...

Кругом уже пошли разговоры, что мы находимся в полном окружении, но, как выяснилось, немцы еще не успели нас взять в плотное кольцо. Долго плутали, пока не вышли к какой-то деревушке. Я со своим товарищем Аксеновым ночью пошел на разведку. Немцев в деревне не было, и мы на машине поехали по дороге на Алексин, который был в наших руках. В этом городке мы встретили других наших курсантов, нам передали приказ: вернуться в расположение училища. Но в Болшеве нас не задержали даже на несколько дней.

18 октября училище было поднято по тревоге, нас вывели километров за двадцать от столицы в сторону тыла. Приказали своим ходом и любыми способами добираться до Горького. Училищные командиры отправились туда организованной группой, а курсанты были предоставлены сами себе и пошли, кто толпой, кто в одиночку. Правда, уже за Владимиром в составе обычных армейских патрулей были наши курсанты – «маяки», передававшие распоряжения о дальнейшем маршруте движения. Мне повезло: на Владимир шла колонна мотоциклов с колясками и прикрепленными на них пулеметами РД, в коляске было место: и я на мотоцикле-попутке добрался до Владимира. В Горьком курсанты собрались в здании одной из школ, потом нас посадили в трюмы, на баржи, и по реке мы добрались до Татарии. Здесь мы выгрузились с барж, и, в лютые морозы, пошли пешим маршем в город Мензелинск, ночуя по

дороге в домах у местных крестьян. В Мензелинске нас разместили в школьном здании, где уже находились КУКС, на которых занимались пожилые командиры запаса – «приписники».

В классах мы соорудили для себя двухэтажные нары и снова приступили к учебе, но уже не было полевых занятий, так как у нас не было теплой одежды, и вообще, в Татарии мы толком уже не занимались, не до этого было. В конце декабря нам объявили о досрочном выпуске из училища и о присвоении звания «лейтенант». Узнав об этом, мы первым делом устроили «темную» своему командиру отделения, который «пил курсантскую кровь» и был отъявленной «шкурой». Лейтенантские «кубики» прикрепляли прямо на курсантские шинели, в училище просто не было комсоставского обмундирования для нас. Каждый получил предписание: прибыть в армейскую часть для прохождения дальнейшей службы. Меня и Аксенова распределили в воздушно-десантную бригаду, в штабе училища нам сказали, что эта бригада находится в Свердловске. От Мензелинска до узловой станции шестьдесят километров, стояли тридцатиградусные морозы, и пока мы с Аксеновым добрались до железной дороги, то чуть не околели от холода. Сухого пайка нам в училище не дали, спасло то, что где-то одна пожилая женщина над нами сжалилась и покормила двух голодных лейтенантов, нажарила нам большую сковороду картошки. Прибыли на аэродром в Свердловск и здесь нам штабной подполковник заявляет: «Ваша бригада уже отбыла в Москву. Никаких других десантных частей в Свердловске больше нет».

Нам выдали новые предписания, утром мы сели в поезд на Москву и, когда доехали до столицы, первым делом пошли с Аксеновым ко мне, на Таганку. Звоню в свою квартиру, а дверь мне открывает незнакомая женщина и говорит, что ее с дочкой поселили в эту пустую квартиру, когда отселяли жителей из домов, стоящих вплотную к заминированному новому Краснохолмскому мосту. Вышли на улицу. Наш дом был семиэтажный, всего сорок квартир. Окна закрыты светомаскировкой. Пошли в квартиру моего довоенного приятеля

Кости Лазаревича и там застали его родителей. Они нас покормили, приютили до утра и рассказали, что мои отец и мать уехали в эвакуацию в Уфу. Утром мы явились в комендатуру штаба ВДВ, показали свои предписания, и мне было приказано прибыть в штаб 211-й ВДБр, бригада дислоцировалась в пригороде, в Малаховке.

Как встретили в бригаде?

До ночи ждал в штабе, пока придет комбриг, потом вестовой отвел меня в расположение саперной роты бригады, где меня встретил ротный, старший лейтенант Вовк. Он посмотрел на мои документы и произнес: «Утро вечера мудренее. Пока ложись спать. Потом с тобой разберемся».

А в пятом часу утра была объявлена учебная тревога, все подразделения бригады вышли в лес, где до вечера шли учения. Мороз был страшный в тот день, и я, не имея теплых варежек, обморозил себе руки. В санчасти мне вырвали почерневшие ногти и забинтовали кисти рук.

В столовой комсостава комбриг увидел меня в бинтах и спросил, в чем дело, и я ему рассказал.

В тот же день меня вызвал к себе бригадный особист и стал шить дело, орал на меня: «От боя уклониться хочешь!? Предатель!» Но на изменника Родины я никак не тянул, и особист меня в итоге оставил в покое. Бригада находилась на переформировке и готовилась к выброске в немецкий тыл. Эта 211-я бригада была кадровой, еще довоенного формирования, но в летних боях сорок первого года почти вся бригада была истреблена, остатки личного состава были выведены в тыл, на территорию бывшей республики немцев Поволжья, и здесь заново создавались десантные подразделения 211-й ВДБр. Бригада состояла из трех парашютно-десантных батальонов и отдельных подразделений: рота связи, рота разведки, санрота, саперная рота и так далее. Моя саперная рота имела в своем составе четыре взвода. В бригаду набирали здоровых

молодых парней – комсомольцев, большинство ребят были с образованием девять-десять классов. В нашей роте основной костяк составляли призывники из Курской и Орловской областей.

Насколько основательной была боевая подготовка десантников?

Подготовку можно было оценить на «отлично». Все десантники были прекрасно вооружены и экипированы, у каждого автомат ППШ, кинжал, по четыре гранаты (Ф-1 и РГД). Мне, как командиру, также выдали револьвер «наган». Каждый десантник бригады прошел диверсионную подготовку, каждого учили, как бесшумно и незаметно подкрадываться к цели, как правильно бить ножом, чтобы «снять часового». Прыжковая подготовка сразу началась с выброски с ТБ-3 (уже позже, в 1943 году, в другой десантной бригаде, десантники сначала прыгали с вышки, потом с аэростата, и только после этого отрабатывалось десантирование с самолета, и я вам скажу, что с вышки намного страшнее прыгать, чем с самолета).

Прыгали с двумя парашютами, основным и запасным, ПД-41 и ПД-6, в самолете десантники сидели впритык друг к другу, не развернуться, и прыгали мы «дыша в затылок» товарищу.

Из нашей роты разбился на первом учебном прыжке, прямо на наших глазах, один из десантников, у него не раскрылся парашют, но никто из десантников не отказался после этой трагедии прыгать снова. Всего до выброски в немецкий тыл я успел сделать в 211-й бригаде восемь прыжков с парашютом. Нашу саперную роту специально выбрасывали на недавно освобожденной территории прямо на минное поле с противотанковыми минами, и мы сразу после приземления приступали к учебному разминированию. Особое внимание уделялось выживанию в немецком тылу, нам даже выдавали специальные кубики белого цвета, с составом для разведения бездымного костра. Все саперы роты неплохо знали минирование и разминирование. Десантники были одеты в теплые десантные куртки, не пропускающие влагу. Куртки были с утепленной подстежкой на пуговицах, кроме того, нам выдали прорезиненные ватные штаны с боковыми карманами-клапанами, валенки, теплые трехпалые варежки на тесемках, шапки-ушанки, а десантных шлемов на всех не хватило. В такой экипировке можно было сутки пролежать в лесу на морозе и не чувствовать пронизывающего до мозга костей холода. Подразделения бригады совершали марш-броски и лыжные переходы, народ был у нас отборный, все здоровые ребята, так что эти предельные нагрузки мы переносили спокойно. Кормили нас в 211-й бригаде прекрасно, как на убой, во время выбросок в десантный ранец мы укладывали небольшой НЗ на три дня: плитку шоколада, несколько сухарей и несколько пачек горохового и гречневого концентрата. Но мыслей «а что мы будем жрать в немецком тылу?» – у нас не возникало, все надеялись, что нам хватит продовольствия в ПДММ (парашютный десантный мягкий мешок). В эти ПДММ, которые выглядели как длинная колбаса высотой сантиметров тридцать, кроме боеприпасов и провианта, мы помещали свои ящики с ВВ, а во время зимних учебных выбросок – еще и связки лыж.

Как Вы лично воспринимали сам факт, что попали служить в десантную бригаду?

С романтикой. Все было интересно, все казалось патриотичным.

Это потом, в немецком тылу, я понял, чего стоит эта «романтика»...

Каким было моральное состояние личного состава Вашего взвода перед заброской в немецкий тыл?

Понимаете, в чем тут дело. Первый раз нас подняли по боевой тревоге еще в марте, привезли на Люберецкий аэродром, где мы двое суток ждали приказ грузиться в самолеты. Но выброску отменили. В апреле нас снова перебросили на новый аэродром, снова началась суэта перед запланированным десантированием, и опять десант был отложен. И только с третьего

раза, в конце мая 1942 года, нас десантировали в немецкий тыл, и то сбросили только часть бригады.

Вся эта чехарда с переброской с одного аэродрома на другой и с отменой высадки, в какой-то степени не особенно благотворно повлияла на моральное состояние десантников, но все же внутреннее напряжение было нивелировано, к выбросу в немецкий тыл стали относиться как к чему-то будничному и неизбежному, которое вот-вот должно произойти.

И когда нам отдали приказ на высадку, то внешне многие были спокойными, только в движениях появилась суетливость, определенный мандраж все-таки был у каждого. Мы в последний раз проверили укладку парашюта (боевой прыжок совершался без запасного парашюта), в свои ранцы по максимуму положили боеприпасы, я, например, взял триста шестьдесят патронов к автомату, снова проверили содержимое ПДММ, веревками закрепили гранатные сумки вокруг пояса.

У меня не было ни карт, ни компаса, ни бинокля, ни других «атрибутов комсостава».

Нам объявили, что мы будем десантированы в расположение «Десантной республики», где конники Белова и десантники 4-го корпуса ВДВ уже несколько месяцев удерживают захваченный в немецком тылу участок территории.

Что на самом деле происходит за линией фронта на территории этой «республики» – мы не имели ни малейшего понятия. Большого, мне, простому «ваньке-взводному», знать не полагалось. В тыл к немцам мы летели в своем обычном обмундировании с авиационными петлицами, документами, партийными и комсомольскими билетами. В выделенный для нашего взвода самолет загрузилось всего двенадцать моих десантников, мы затащили несколько ПДММ, и с нами были еще несколько парашютистов из других подразделений бригады. Когда глубокой ночью самолет вырулил на взлетную полосу, сразу замолкли все разговоры, и за все время полета только изредка кто-то подавал отдельные реплики. Внутреннее, душевное волнение, все равно давило на психику, я уже говорил про себя: «ну поскорей бы уже прыжок», но главным образом «нервишки шалили» от того, что до этого мы ни разу не прыгали на лес, и чем закончится такое десантирование, заранее нельзя было предугадать.

О том, что сразу после приземления мы попадем в немецкую засаду, я даже не думал.

Один историк отмечает, что выброска частей 211-й бригады и 23-ВДБр 23 мая 1942 года в район Дорогобуж – Ельня была предпринята как «отвлекающий десант», с целью оттянуть на себя часть немецких войск сжимающих кольцо окружения, в котором метались оставшиеся почти без боеприпасов и продовольствия десантники 4-го ВДК и конногвардейцы Белова.

Возможно, так оно и было. Но еще раз подчеркну, что нам объявили, что мы будем сброшены на «нашем плацдарме» в немецком тылу, а на деле нас десантировали примерно в сорока километрах от окруженных бригад. Поймите меня правильно, обо всем, что произошло с нами в немецком тылу, даже вспоминать не хочется. Это был кровавый хаос, целый месяц немцы нас гоняли по лесам, как загоняют «на флажки» волков на охоте...

Прыгали мы на рассвете. Сбрасывали нас с высоты полторы тысячи метров. Одновременно с нашим «дугласом» летело еще несколько «транспортников». Летчик вышел из кабины, сказал: «Приготовиться!» и открыл дверцу. Мы застегнули карабины с вытяжным фалом за трос и под «подбадривающие» слова летчика:

«Быстрее, быстрее!», вываливались с борта самолета.

Когда парашют раскрылся, я посмотрел вниз и увидел только темные пятна, еще подумал: «Не дай Бог на ямы попасть». Приземлился, рядом десантники с других самолетов, из моих саперов увидел неподалеку только двоих. Начался сбор. Мы не успели даже собрать парашюты, как сбоку по нам открыли огонь из пулеметов, стоящие рядом со мной десантники падали, сраженные пулями. Мы, побросав парашюты, метнулись в ближайший лес, и в это время начался

еще и минометный обстрел места нашей высадки. В лесу нас собралось всего человек тридцать, старшим по званию среди нас был один старший лейтенант, который принял командование над группой. Мы пытались найти ПДММ, но в лесочке не обнаружили ни одного десантного «мешка». Потом выяснилось, что разброс десанта и мешков получился слишком большим, и вообще, высадили нас не там, где намеревались. Мы углубились в леса, по дороге к нам присоединялись новые группы десантников, пока нас не собралось человек двести, среди нас был майор с картой и компасом. Он указал направление движения нашего сводного отряда, мы прошли всего какие-то полкилометра, как попали в засаду, по нам стреляли пушки и минометы, пулеметы били по нам с расстояния каких-то сто метров. Мы вступили в перестрелку и с потерями отошли в лес.

Так продолжалось несколько дней, бесконечные перестрелки, куда ни сунемся – везде засады, нас гоняли по лесам, кругом огонь. У нас уже подошли к концу боеприпасы, кончилось продовольствие, и наше положение становилось отчаянным. И тут мы встретили в лесу десантников генерала Казанкина из 4-го корпуса и кавалеристов Белова.

Но их положение было еще хуже нашего, они провели в окружении в лесах с начала года, и у них давно был каждый патрон на счету, а на кавалерийских лошадях было больно смотреть, это были не кони, а скелеты обтянутые шкурой. Мы голодали, все десантники сбились в группы, уже не было точного разделения по батальонам, и немцы нас методично преследовали и добивали. Мы прорывались то в одну, то в другую сторону, разрозненные группы бродили по лесам, снова сливались в крупные отряды, но после очередного боя десантники вновь рассыпались по лесам, и снова начиналось сумбурное и хаотичное движение в кровавой кутерьме то на восток, то на север. Хаос и неорганизованность, командиры не знали что делать, куда идти, как выбираться из этого огненного кольца. Все время рядом кого-то убивало...

Постоянные бои и мелкие стычки с немцами, бесконечные бомбежки и артобстрелы лесов, в которых мы скрывались. Патроны к автомату у меня давно закончились, я подобрал на поле боя винтовку-трехлинейку, но свой ППШ не бросал, так как боялся, что если выйдем к своим, то меня расстреляют за утрату личного оружия. За все время нахождения в тылу врага мне ни разу не пришлось что-либо подрывать или минировать, я воевал не по специальности, а как простой командир десантного взвода.

Мы были предельно измотаны, одна мысль: что бы пожрать? Кругом только сожженные деревушки, нам негде было взять провиант. Немца убьем, так к трупу сразу под огнем бросалось по десять человек, искать хоть какую-нибудь еду в солдатском ранце.

Один раз нашей группе повезло, мы закололи полудохлую клячу, и стали жарить конину на костре, каждому достался кусок мяса, а соли у нас не было. И только развели костер, как по нам открыла точный и прицельный огонь немецкая артиллерия. Мы побежали, на ходу рвали зубами сырую конину. Эта беготня с перестрелками, без сна и отдыха, от смерти, от немецкого преследования, продолжалась до самого дня прорыва из окружения.

Самое страшное, что мы ничем не могли помочь своим тяжелораненым товарищам, их негде было оставить и нечем лечить, и с собой всех вынести мы не могли... Об этом, конечно, лучше молчать, но выжившим десанникам пришлось жить дальше с этим тяжким грузом на душе.

Где-то в конце июня наша группа вышла к Варшавскому шоссе, в лес, где скопились остатки всего вяземского десанта, потом сказали, что в этом месте собралось почти две с половиной тысячи человек. Немцы заметили нас и стали бомбить лес, поднялась бесконечная стрельба со всех сторон, но по этой стрельбе мы точно определили, где находится линия фронта. И ночью раздалась команда: «Бегом! На прорыв! Вперед!». И мы, как обезумевшие, бросились в атаку.

По нам велся огонь со всех сторон, мы стреляли по немцам в упор, тратили последние патроны, кололи их штыками, кругом слышались крики и мат. Рядом со мной бежал на прорыв

товарищ, ему пуля попала в грудь, он только успел произнести «Мама» – и упал замертво на землю...

А мы шли дальше вперед, не останавливаясь, не подбирая тяжелораненых, все что-то орали, матерились и стреляли, пока не поняли, что прорвались и оказались у своих. Это было ощущение великого счастья, хотелось всех обнять... Многие погибли при прорыве...

По 4-му ВДК есть данные, что к своим вышло двадцать пять – тридцать процентов десантников, из сброшенных в тыл врага зимой сорок второго года. А вот по 23-й ВДБр, и по Вашей 211-й ВДБр – нет никакой официальной статистики потерь. Только в одном месте нашел данные, что из заброшенных в тыл двух тысяч десантников 211-й бригады прорвалось из немецкого тыла всего около трехсот человек. Сколько уцелело в Вашей десантной бригаде?

Когда мы вышли к своим, то местные особисты нам устроили поверхностную проверку по принципу «свой-чужой», спрашивали: «...с какой бригады? Покажи документы». Поскольку наш прорыв был массовым, то долго с нами на проверке не возились. Например, я показал документы, еще особисты увидели, что знаки различия я с себя в окружении не срывал, и мне быстро сказали: «Свой. Свободен». А потом выживших, вышедших из окружения десантников разделили по «своим» бригадам. Из нашей 211-й ВДБр было собрано сразу после прорыва чуть меньше двухсот человек, а из моего взвода, среди вышедших из окружения, было всего четыре сапера. Конечно, эта цифра не была окончательной, немало народу позже пробилось через линию фронта в составе мелких групп. Нас отправили назад в Подмосковье, где в Люберцах на базе нашего корпуса ВДВ была сформирована 37-я гвардейская стрелковая дивизия под командой генерал-майора Жолудева, а из нашей бригады был создан 118-гвардейский стрелковый полк. Надо учесть, что из нашей бригады в немецкий тыл было десантировано примерно две трети личного состава, остальные так и оставались под Москвой в ожидании приказа на дальнейшую выброску.

Здесь на переформировке я был назначен заместителем командира стрелковой роты, поменял долю сапера на пехотную судьбу.

Что, по Вашему мнению, позволило десанникам выстоять в таких тяжелейших условиях: голод, нехватка боеприпасов, полное окружение в немецком тылу?

Мой ответ очень простой. Бригады выдержали все испытания в немецком тылу только благодаря одному фактору: в десантники набирали отборный народ, молодых патриотов-комсомольцев, смелых и здоровых ребят. Будь на нашем месте обычная стрелковая дивизия, то она бы в таких условиях сломалась бы за неделю... Даже среди десантников в определенный момент наступила частичная деморализация, были случаи, когда командиров коллективно посылали нахер, вместе с их приказами... Но наша готовность умереть за свою Родину и фанатичная преданность сделали свое дело – мы продолжали сражаться, чуть ли не голыми руками, хотя почти все десантники были уверены (в том числе и я), что к своим мы уже никогда не пробьемся... Понимаете, о таких десантах, как вяземский или днепровский, нельзя рассказывать сухим языком военных донесений. Например, «...2-й десантный батальон под командованием майора Иванова с боем занял деревню такую-то, а 3-й батальон капитана Петрова подорвал эшелон идущий на Смоленск, а группа лейтенанта Сидорова захватила опорный пункт», мол, «...всех немцев в тылах вырезали, шороху навели, все, что можно, подорвали, всех раненых вынесли, ордена получили...», и прочее в таком же духе...

Это неправда, в десанте происходило нечто обратное. На самом деле, каждый такой десант явился самым страшным жизненным испытанием для каждого парашютиста, проверкой на прочность, на умение сражаться, бороться за свою жизнь, несмотря на все наше дикое и безвыходное положение...

Но десантники 211-й бригады попали сразу из одного ада в другой, как говорится, из огня в полымя.

Почти все десантники, кто прорвался к своим в конце июня 1942 года, сложили головы в Сталинграде в октябре 1942 года в боях за тракторный завод. Ваш 118-й гв. сп на 1 ноября 1942 года насчитывал в своем строю всего двадцать пять активных штыков, включая комсостав батальонов...

Когда нас перебросили под Сталинград, то первые полтора месяца мы провели в относительно спокойном месте. Мы прошли станицу Качалинскую и заняли господствующие высоты по берегу Дона. Против нас действовали, в основном, румынские части, и первые бои на сталинградской земле были для нас не самыми тяжелыми, мы не понесли очень серьезных потерь. Но в конце сентября мы передали свои позиции сменщикам, и на машинах нас повезли куда-то в северном направлении, а потом колонна дивизии вдруг сделала резкий поворот вниз, и нас привезли в Сталинград, мы оказались в местечке Цыганская Заря, на восточном берегу Волги, где два дня готовились к переправе через реку. Мы не представляли в какую «мясорубку» нас бросают. Слева от нас по течению реки горели нефтяные баки, и горящая нефть разлилась по Волге, сам Сталинград был весь закрыт черным дымом, город бомбили без передышки, и эта страшная картина – горящая река и сплошная стена дыма над городом – уже никогда не исчезала из моей памяти. Ночью на катерах нас перевезли на западный берег, и целый день мы просидели под высоким берегом в ожидании дальнейших приказов, а в это время немцы несколько раз бомбили наше расположение. Я тогда не знал, что мы находимся в Заводском районе города, там, где расположен Сталинградский тракторный завод. Ночью 5-го октября пришел ротный и передал, что нам поручено провести разведку боем в районе больницы Ильича.

Мы поднялись на берег и увидели горящее четырехэтажное здание больницы, которое стояло торцом к реке. Из-за огня все окрестности больницы были освещены, как будто дело было днем. Мы медленно стали пробираться вперед, пока нас не начали обстреливать с разных сторон. Дошли до какого-то кирпичного сарая. И тут немцы ударили по нам слева и сзади. Одна из пуль, ударившись о кирпичную стену, срикошетила мне в голову, попала в лоб по касательной.

Я почувствовал сильнейший удар в голову и опустился на землю. Ладонь поднес ко лбу – и сразу вся рука покрылась кровью. Меня перевязали. Мы стали отходить под обстрелом на исходные позиции, тут возле меня разорвался снаряд и четыре осколка попали мне в ноги.

Я упал, затем попытался подняться на ноги и не смог. Стал ползти вдоль здания больницы, прямо по горящим падающим балкам перекрытий, и был в этот момент у немцев как на ладони.

Думал, что все, уже не выберусь, но меня заметил мой ординарец и вместе с еще одним бойцом они выскочили из укрытия и дотащили меня до ближайшей воронки, а потом перенесли чуть дальше в тыл. Я оказался на берегу Волги, два ранения в ноги были легкими, а два тяжелыми, с переломами костей, но что самое обидное, мне полностью раздробило голень правой ноги.

Нас, раненых, положили прямо на землю, на берегу Волги, на открытом месте. Раненые лежали рядами. Меня всего знобило от холода и потери крови.

Увидел девушку-санинструктора, спросил ее: «Сестра, что же мы лежим на открытом пространстве? Сейчас немцы налетят, нам всем здесь хана настанет» – «А куда я вас всех дену?!? Вечером других в блиндаж отнесла, а их накрыло прямым попаданием!» Целый день мы лежали на берегу. Нас несколько раз бомбили, по берегу била артиллерия, добывая раненых. Легкораненые, те, кто мог передвигаться, вжались в стенку обрывистого берега, а мы, тяжелораненые, лежали у кромки воды и ждали каждый своего осколка, который избавит

от страданий. И в эти минуты я, убежденный атеист, впервые в жизни обратился к Богу: «Боженька, спаси и сохрани!» Только когда стемнело, к нам подошли санитары, проверяли, кто еще жив, и живых несли на носилках на подошедшие с левого берега катера Волжской флотилии, на которых переправляли раненых. На том берегу нас сразу положили в кузова полуторок и повезли в ближайший госпиталь, в Ленинское.

Меня взяли на операционный стол, а потом стали накладывать гипс. В этот момент случился немецкий авианалет и санитар, державший мою ногу на весу во время наложения гипса, со страху «бросил» мою ногу и залез под стол, а я от страшной боли просто взвыл, вся операция пошла насмарку. Из Ленинского меня перевезли в село Солодовка, где находился полевой сортировочный эвакуогоспиталь, в котором концентрировали раненых из комсостава. Большинство из тяжелораненых отправляли на санлетучках в тыловые госпитали, а тех, кто считался нетранспортабельным, лечили на месте. Раненых разместили по крестьянским избам, кто лежал на носилках, кто на соломенных матрасах, в одной комнате в избе-пятистенке рядом со мной лежало еще шесть раненых офицеров. Лежим, лечимся, от вшей под гипсом такой зуд, что словами не передать. Старшим в нашей «палате» был избран пожилой лейтенант из «запасников», до войны он был директором сельской школы на Алтае.

В мае 1943 года меня перевели в Куйбышевский госпиталь, откуда я выписался только в июле.

В Москве, в штабе ВДВ, я получил назначение в саперную роту 18-й авиадесантной бригады, расположенную в лагерях под Дмитровым, на берегу Яхромы, но через год по состоянию здоровья я был списан из ВДВ и переведен на наземную должность в авиацию дальнего действия (АДД).

Перевод из ВДВ «на землю» как Вы лично восприняли?

А никто меня не спрашивал, что я хочу и что думаю по этому поводу. Когда я прибыл после выписки из куйбышевского госпиталя на новое место службы, то все поначалу шло нормально, началась боевая подготовка, я совершил еще одиннадцать прыжков с парашютом, а потом вдруг, на мою беду, открылась рана на ноге. Остеомиелит с секвестрацией, маленькие обломки гниющих костей выходили вместе с гноем через открытую рану. Меня снова положили в госпиталь и на врачебной комиссии заключили: «Не годен к дальнейшей службе в ВДВ».

Чем занимались в АДД?

Направили меня служить в Луцк, в 13-ю гвардейскую авиационную дивизию на должность начальника минно-подрывной службы 679-го БАО (батальона аэродромного обслуживания). Этот БАО обеспечивал боевую деятельность 108-го бомбардировочного полка и входил в состав авиакорпуса, которым командовал генерал-лейтенант Логинов.

В БАО до моего появления не было офицеров, непосредственно воевавших на передовой, и когда я прибыл в эту часть с нашивками за ранения, с орденом Красной Звезды и медалями «За оборону Сталинграда» и «За оборону Москвы» на гимнастерке, то отношение ко мне в этом батальоне сразу было исключительно хорошим.

В моем подчинении находилось семь саперов: старший сержант и шестеро рядовых, и в нашу обязанность входило разминирование аэродромов и окрестностей в местах планируемой передислокации «подшефного» авиаполка и его технических служб. Мы обезвреживали обнаруженные мины и неразорвавшиеся авиабомбы, которые потом вывозили и взрывали на пустырях, а запалы и детонаторы уничтожали отдельно. Кроме того, мы взрывали неисправные авиабомбы уже с вкрученными взрывателями, которые пилоты по разным причинам не смогли сбросить в боевом вылете и возвращались с ними назад на свой аэродром.

Эта служба была довольно спокойной, мне ни разу не пришлось столкнуться с фугасами замедленного действия, а все прочие немецкие мины, включая мины-ловушки и «сюрпризы» мы снимали без потерь среди моих саперов.

Последним местом нашей дислокации был польский город Люблин.

В мае 1946 года, за день до возвращения авиакорпуса в Союз, случилось нападение банды Армии Крайова на наш бомбосклад. Была объявлена тревога, я схватил автомат и побежал к складу, где охрана вступила в перестрелку с польскими партизанами.

В этом боевом столкновении я получил два пулевых ранения, опять в правую ногу, одно из них оказалось тяжелым, с раздроблением кости.

Заканчивал я армейскую службу уже в Миргороде Полтавской области. Несколько раз подавал просьбу о демобилизации, так как был признан из-за своих нескольких ранений «ограничено годным к воинской службе». Осенью 1946 года меня уволили из армии с формулировкой «со снятием с воинского учета», но, когда я вернулся домой в Москву, в военкомате мне заявили: «Товарищ капитан, мы офицеров с вашим боевым опытом с учета не снимаем».

Пошел работать, экстерном за три года окончил Московский юридический институт.

Работал следователем районной прокуратуры в Калуге, потом уехал работать в казахский город Гурьев, где четырнадцать лет трудился юридическим консультантом, а затем начальником плано-производственного отдела института «Гидроказнефть».

В 1965 году вернулся в Россию, работал инженером в разных отделах в институте НИИ «Гипровостокнефть», который занимался научными и проектными работами в местах добычи нефти на территории всего СССР, и в этом институте я проработал до пенсии.

Интервью и литературная обработка: Г. Койфман.

Моисеев Владимир Николаевич

Владимир Николаевич, расскажите в двух словах о вашем детстве. Было ли что-нибудь такое памятное?

Я родился в июне 1924 года, 12-го числа, в Ульяновской области, в деревне, которая называлась Поповка. Но я прожил в этих местах недолго: я был маленьким, когда мои родители переехали жить в Ленинград. Из жизни в деревне вот что мне запомнилось: рядом с нами был дом, в котором жил когда-то Ленин, там музей был, и мы, ребятня, лазили туда через забор и воровали яблоки. Но это так, еще было в самом детстве. Отец мой был служащим. Когда мы уехали в Ленинград, он работал на номерном заводе, назывался он так: опытный завод «Литер Б». Был это секретный химический завод, короче говоря. Во время войны отец воевал на Ленинградском фронте, был ранен, с войны вернулся инвалидом и умер от ран в пятьдесят с лишним лет. Мама моя, Мария, погибла в блокаду. Кроме меня, у отца с мамой было две дочери – Нина и Вера, две моих сестренки, обе – моложе меня. Перед самой войной, не то в конце мая, 15 где-то числа, не то в начале июня 1941 года, они поехали на отдых в пионерский лагерь, который был расположен на станции Суйга. Про него так и говорили: суйгинский пионерский лагерь. Потом началась война, немцы быстро катились по стране. И когда немцы были недалеко от этого пионерского лагеря, где были мои сестренки, может быть, километрах в пятидесяти-ста от него, весь пионерский лагерь погрузили в эшелоны и увезли в Кировскую область. Там их распределили по детским домам, так что домой они не попали. Ну они еще где-то в городе там были, вернее, в поселке, и там пробыли почти что всю войну. Потом только вернулись. Я в Ленинграде проучился в школе до девятого класса. Все во дворе с мальчишками и девчонками играли. Если тебе интересно, могу рассказать про наши дома. Вот сейчас в городах стоят в основном одиночные дома. А тогда, ну во времена моего детства, были замкнутые дома, около каждого дома был обязательно свой двор. А таких построек, чтобы был только дом и больше ничего, – не было. Ребята знали свои территории, у каждого была своя зона, свой двор, туда каждый и ходил. Я дружил с мальчишками, девчонками. Играли во что? В лапту, в чижика, в фанты. А еще мы, пацаны, были, и очень много таких было, голубятниками,

ну держали у себя голубей. Дома были пятиэтажными, редко – семиэтажными, были, кроме того, дома одноэтажные, двухэтажные, трехэтажные. Наш дом был трехэтажный. Новых домов почти не было – все были старинные дома. Отдельные личные дома были только далеко за городом, в самом городе их не было.

После школы, это было уже в конце 1940 года, я пошел работать на номерной судостроительный завод № 194. Работал там разметчиком. Но сначала выучился там, конечно. И там же меня и застало начало войны. Что интересно: у нас при заводе была даже своя отдельная лыжная база. Заводчане на лыжах ходили тогда. Помню, я их лыжные походы фотографировал тогда. У меня тогда был фотоаппарат, назывался он «Фотокор». В то время фотоаппараты только-только у нас появились. Мы их называли лейкой, – это потому что фотоаппараты были пленочные. У меня был еще фотоаппарат «ФЭД». И вот, зимой я ходил на базу и фотографировал им своих заводчан. Там складывались такие пластиночки, был ящичек, который складывался гармошкой. Наверное, видал на фотографиях этот фотоаппарат? Сейчас это, конечно, музейная редкость. У меня всегда было штук шесть кассет с пластинками, я их спокойно снимал, ну и делал все, как и было положено. Пару снимков от этой базы у меня и сейчас сохранилось. У меня так получилось, что я все время был фотолюбителем. И в итоге моих фотографий у меня много, а фотографий со мной не так много.

Чем вам запомнилось начало войны?

Война ведь началась в воскресенье, 22-го июня. Но в этот день у меня не было выходного. На неделе я во вторник отдыхал, был на даче в Мельничных ручьях под Ленинградом. Видишь ли, в Ленинграде в то время каждый завод работал по своему графику. То есть каждый завод имел свои определенные выходные дни. Ведь заводов в городе было много, и нельзя было делать так, чтобы в городе на всех заводах был один в выходной день, – воскресенье. Тогда бы были проблемы с электричеством. И поэтому делали график энергосети, и этим нагрузку электрической энергии им, собственно говоря, регулировали. И вот, у каждого завода были свои выходные дни. Допустим, один завод имел выходной день воскресенье, другой – понедельник, третий – вторник, четвертый – среда, пятый – пятница и так далее. У нас был вторник выходным днем. Во вторник я и отдыхал. А в субботу и воскресенье, когда началась война, я был на работе. Ну а как я узнал о войне? Я узнал об этом по радио на заводе. Но в то время у нас радиоприемников не было. Вернее, были, но это было у единиц на весь город, всякие там приемники. А так в основном везде были установлены черные радиорепродукторы, такие, как тарелка. В каждой квартире, на каждом месте они были. Вот и было так: на стенке эта тарелка висит, и все, и по ней все новости прекрасно передают. Наверное, помнишь, как у нас здесь в поселке, ну в Усть-Нарве, такая городская радиосеть проходила, и в каждой квартире было такое как бы радио. И вот так же было и у нас до войны в Ленинграде: в каждой квартире, на каждом месте, где были люди, висели такие тарелки. Только по ним мы и узнавали все новости. И вот, в этот день на работе по тарелке все говорили-говорили: «Слушайте важное сообщение! Слушайте важное сообщение!» А потом было выступление Молотова. И только тогда узнали, что война началась.

Но и до этого у нас ситуация в городе была какая-то тревожная. Я помню, что тогда, незадолго до начала войны, вдруг над городом начали летать наши советские самолеты. Все так кружились над городом. Это нас сильно удивило. Ведь в то время было запрещено всяким самолетам над городом летать. Единственное, что Чкалов один или два раза над городом пролетел, и его за это на гауптвахту посадили. Нельзя было самолетам над городом летать! Потому что мало ли: могла какая-то авария случиться, и самолет упал бы прямо в городе. Понимаешь? А тут вдруг прямо над городом начали летать. Так вот и узнали через тарелку о войне. Ну а потом было выступление Молотова по радио, который о войне этой сказал. А еще через несколько дней было выступление по радио уже Сталина. Вот так для нас война начиналась.

Как восприняли ленинградцы это известие?

Ну так мы узнали о начале войны, вот вроде бы и все. А как мы могли относиться-то к этому? Сказали: ну война – так война, ничего другого вроде сказать нельзя. До нас ведь никаких слухов не доходило! Ну по радио выступали, говорили: «Идут тяжелые бои там-то, идут тяжелые бои вот там-то...» Такие короткие сообщения передавали по радио. Заканчивались они обычно так: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Ну а как я мог к этому относиться? В то время, когда началась война, мне всего 16 лет было. Ну вот представь себе: тебе 16 лет, и вдруг началась война. Как ты будешь себя в таком возрасте чувствовать? Тем более, что ничего было не видно и ничего было не слышно. По радио передают что-то, вот и все, играют патриотические марши, патриотическую музыку передают. И больше ничего не передают! Так и было у нас. И первые две-три недели войны город жил нормальной жизнью, так, как будто вроде ничего и нет, и тебя вроде это совершенно не касается. Ну вот взять, скажем, сегодняшний пример: война в Чечне. Ну вот что у нас начали делать, как эта война в Чечне недавно началась? Да и все как отнеслись к этому? Да ничего не стали делать! Сказали: ну воюют и воюют, наших, правда бьют, над ними издеваются, но лично нас это не касается, как говорят. Правильно? Тебя лично эта война не касается! Так же было и у нас в то время. Так что первые две-три недели как-то так относились к этой войне: ну война – так война, вот так, ну и все.

Расскажите о том, как блокаду вы переживали.

Ну она, блокада-то эта, как-то потихоньку на наш город надвигалась. Помню, я как-то работал на заводе во вторую смену. И вдруг у нас объявили воздушную тревогу. Ну, сам, наверное, по фильмам знаешь, как это действие происходило. Как налетали самолеты, так объявлялось: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Это означало, что надо идти и прятаться куда-то в бомбоубежище. А я, когда эту тревогу у нас объявили, никуда не пошел прятаться. В окно смотрю и вижу: летят куда-то в сторону немецкие самолеты, наши зенитки что-то хлопают. И вдруг через какое-то время надо мной появились такие большие клубы дыма. Большие такие клубы дыма были! Горело что-то, но языков пламени что-то не было видно. Вот это первое, что в блокаде запомнилось. Потом, через день, мы узнали, что это горели бадаевские склады. В то время это были в городе знаменитые такие продовольственные склады, бадаевские склады, значит, где был собран колоссальный запас продовольствия. И немцы его разбили. Что это было? Фактически город остался без продовольствия после этого. Вот как блокада начиналась. Но еще фронта вокруг Ленинграда не было, город еще не окружали, еще до немцев, как говорят, было далеко. Еще только шли бои за Прибалтику, Литву, Белоруссию, там еще, значит, шли бои. А город уже остался без продовольствия! Конечно, что-то и было на маленьких складах, но основной все-таки запас продовольствия был уничтожен. Ну сам посуды: начисто сгорели холодильники с продуктами, сгорело продовольствие, сгорели крупы, масла, жиры, сахар. А сахарный песок, наверное, знаешь, как горит. Пробовал, наверное, в детстве жечь сахарный песок: держать над огнем в ложке? Я пробовал. Он сначала становится коричневым, а потом на чайной ложке делается раскаленным таким и начинает гореть. Ну вот так сахар и горел, когда подожгли бадаевские склады. Это был в городе такой колоссальный пожар! Туда стянули чуть ли не все пожарные части, но ничего сделать так и не могли. Ну залили и залили водой, может, что-то благодаря этому и осталось, но в основном-то, конечно, все продовольствие сгорело. Вот из-за чего в городе и началась голодовка. Вот что это было такое! Первый удар, как про это говорят. Ну а потом голод начался. В блокаде я пробыл где-то до 1942 года, все это пережил, перенес.

Владимир Николаевич, а на вашей памяти много ли было случаев, когда люди с голоду умирали? Много ли мертвых лежало на улицах города?

Трупов в блокадном городе было очень и очень много. Это сначала их, как говорится, вывозили на машинах. Потом их стали вывозить на саночках. А потом сил не стало и на это хватать. Ну а потом помогали выносить те мужчины, которые могли еще двигаться. Бывало, пара пожилых женщин, у которых мужья-то и старшие сыновья были на фронте, придут к нам и говорят: «Володя! Или там Леша! Или Вася! Или Миша! Помогите отвезти труп.» Ну и мы труп, который был завернут в простынку или одеяло, привязывали к санкам и везли на кладбище. А потом и этого мы делать не смогли, сил, как говорят, на то уже не было. Поэтому трупы были уже даже зачастую в городе брошены. Они валялись во дворах, в подворотнях, на улицах. Были брошены, короче говоря. Ну а что тут поделаешь! Ну не было у людей сил, чтобы отвезти трупы на кладбище! Конечно, были кое-какие команды, были сандружинники, которые собирали по квартирам трупы и вывозили. Но они не могли же весь город обслужить и всех умерших вывезти!

Мать В. Н. Моисеева с гостями

Расскажите, как погибла ваша мать в Ленинграде.

Мама погибла под бомбами, ее порвало на куски 15 ноября 1941 года. В то время в городе еще хоронили людей, и ее, значит, тоже похоронили. Ну а как она погибла? Она шла с работы, ну и я шел с работы. Мы находились друг от друга на расстоянии, может быть, всего двух кварталов. И она зашла в магазин каких-то продуктов, которые там еще были. И вдруг началась бомбежка, и, конечно, объявили о воздушной тревоге. И началась страшнейшая бомбежка! Бомбы сыпались с неба как горох, как говорят. Ну а когда начиналась бомбежка, в магазинах всех покупателей обычно прогоняли, говорили им: «Идите в бомбоубежище!» Но бомбоубежища близко от магазина не было. И тогда женщины, которые зашли в магазин, пошли в подъезд того же дома, там же, где и магазин был. Открыли дверь, зашли в подъезд, поднялись на лестницу... На лестничной площадке они прямо и остановились. И вдруг немецкая бомба упала прямо перед этими дверями и осколки все туда на них и полетели. Шесть женщин так и слегли там сразу.

Были ли другие умершие в блокаде среди ваших родственников?

У меня, например, от голода умерли братья, сестры, тетки, дальние родственники, все они еще с самой войны покоятся на Серафимовском кладбище.

Писатель-фронтовик Даниил Гранин, написавший знаменитую «Блокадную книгу», не раз говорил о том, что в городе было людоедство. Что вы об этом можете сказать?

Я лично этого не видел, но несколько раз, наверное два или три раза, встречал в подворотнях обрубки. Это было уже в самую зиму 1942 года. То есть, как так обрубки? Рук – нет, ног – нет, все обрублено. Это, можно сказать, были уже случаи людоедства. Иначе как это можно назвать? Руки и ноги отрубали. И я такое не один раз видел. Ну а мы что делали? Закроем тряпками или еще чем-нибудь, чтобы так-то не видно этого было. Ведь когда ты видишь, что обрубок лежит на улице, становится страшно. Мне, во всяком случае, страшно было. А мне ведь было всего 16 лет тогда. Вот скажи: как бы ты отреагировал на такое, если бы тебе было 16 лет? Приятного было бы мало, согласись. Уж в наше хорошее время встретится тебе не обрубок, а просто покойник валяющийся, – и то будет страшно. А тут такое!

Проживая в блокадном городе, вы так и продолжали работать на оборонном заводе?

Первое время – да. Потом у меня погибла мама, и я остался, как говорят, жить совсем один. Ну а я что? Ходил на работу, ходил. Но если мы раньше выпускали корабли, то теперь завод, как говорят, перешел на военные рельсы, на военный лад, и наш цех стал обрабатывать мины. Но мины мы делали не морские, а те, которыми стреляют по войскам, диаметр каждой такой мины был 120 миллиметров. Теперь я работал токарем по выпуску таких мин. Вот такие мины, значит, выпускали. Ну а дальше было что? Немцы стали подходить ближе и ближе, начали город окружать, и начала вокруг города петля затягиваться. Из-за этого перестало работать электричество. Потом не стало воды: потому что насосы эту воду не качали. Город остался без электричества. Мы приходили в цех, и нам там уже нечего было делать. Немцы бомбили, обстреливали, бывало такое, что несколько раз к нам в цех попадали снаряды. Город начал тогда активно немцами из пушек обстреливаться. Ведь на Пулковских высотах были у немцев установлены орудия, которые стреляли по городу. Стреляли они оттуда потому, что с этих высот город виден был прекрасно. Оттуда, можно сказать, прямо как глазами можно было все видеть, это было недалеко совсем. И наш завод постепенно начал прекращать работу. Но не только наш завод, но и все другие предприятия нашего города начали это делать. В общем, дело дошло до того, что мы, работяги, приходили на завод, какое-то время сидели, а потом начинали расходиться по домам. Ну работы никакой не производили абсолютно! Если только уборку делали после бомбежки или артобстрела. Кстати, одно время из работников завода был сформирован истребительный отряд, ну это было как бы от завода, и мы в составе этого отряда рыли окопы на подступах к Ленинграду. Эти окопы мы рыли около больницы имени Фореля такой. Но потом перестали.

После этого к нам пришел из райкома представитель, кто он там был, секретарь или еще кто-нибудь, не знаю, и предложил: если кто хочет хоть немножко заработать денег – пусть идет в госпиталь, там нужны работники, кто что умеет делать. Ну и мы с ребятами, как говорится, сгношились, ну и решили, что раз нас зовут туда, пойти работать туда, в госпиталь. Решили:

там хоть, может быть, карточку какую-то дадут нам, чтобы мы смогли продукты хоть немножко покупать. И так я стал работать в 65-м госпитале санитаром. Но я там был санитаром второго хирургического отделения. Там тогда был полный госпиталь раненых, их все с фронта привозили и привозили. Ну и меня часто просили: «Володь! В операционную». Это означало, что я должен отвезти в операционную на тележке какого-нибудь солдата: на перевязку или на

операцию. Так мне давали поручение несколько раз. Это было не особенно приятно делать, но, как говорят, делать нечего было. Ведь там было так, что кому ногу ампутируют, кому – руку ампутируют. А мне все это ампутированное нужно было заворачивать все в простынку и выносить во двор. Понимаешь? Понимаешь, я должен был нести это в специальное такое место, куда складывали остатки от ампутированных ног и рук. Их, бывает, несешь, а они не сгибаются никак, чувствуешь, что это так как будто и застыло. Вот так и приходилось носить. А когда не было операций, я возил на кухню воду. Воду, знаешь, носил в таких специальных тридцатилитровых бидонах. Они были стандартные. В водопроводе воды не было. На кухне была вода, ее туда носили. А я, как работник второго отделения, возил на саночках с Невы в свое отделение воду. Так и ходил в Неву за водой. Бывали такие случаи, что вот люди ходят, ползут за водой, а если человек поскользнется и упадет – то так и лежит, так и кончается, так и отмерзает. Я, собственно говоря, таких лежачих не видел, но мне другие рассказывали про это. А так на льду у нас была прорублена специальная дырка для воды. Из этой дырки черпали воду: кто в бидончик, кто во что. Сначала я возил в госпиталь по три бидона воды, потом стал по два бидона возить, а потом, когда сил не стало, – по одному бидону возил. Ведь лютая была зима! Потом в одно прекрасное время я и ни одного бидона не мог поднять. И меня положили на носилки прямо в отделении на полу, и я там на этих носилках лежал. Потом ночью проснулся что-то, пощупал, увидел, что кто-то со мной лежит. Оказывается, тут слабых людей складывали и ждали, когда появится несколько свободных человек, чтобы вынести людей на улицу. Но машины тогда не ходили, такое было в городе положение.

В конце концов жизнь моя в Ленинграде начала угасать. Это уже было весной 1942 года, тогда начало таять. И в конце концов жизнь начала угасать во мне настолько, что я не помню, что тогда со мной было. Уже я весь распухший тогда был, ничего так не ел: только, бывает, попьешь водички и съешь корочку хлеба. И вот, распух от голода я настолько, что потерял сознание. Очнулся я уже в поезде. Это был не то май, не то июнь 1942 года. Еду я на поезде, в одном из телятников – так называли телячьи вагоны, в которых нас везли. В этих вагонах были набиты доски, а на них лежали люди. В общем, это были такие же, как я, доходяги. И люди в вагонах умирали. Много умирало! Уже где-то в России, если этот эшелон с ленинградцами на какой-то станции останавливался, ну мало ли: паровозу нужно было заправиться, ну водой там его заправить, – этих покойников выносили и прямо на улице у вагонов складывали. Вдоль этой железной дороги было полно покойников! Люди умирали! Уже кормить в вагоне людей было нечем, так, давали кое-чего понемножку. Ходили, правда, санитарки, ложками открывали рот и наливали бульон нам. Сначала давали только один бульон: люди были настолько отошавшие, что не могли даже жевать.

Кстати, а куда именно вас везли?

Сначала мы даже и не знали, куда нас везут. Это все был 1942 год. Все думали: «Нас все куда-то везут. Куда же мы едем?» В общем, привезли нас на станцию

Армавир, это на юге, в Краснодарском крае. Армавир – был там такой большой городишко. Мы, когда приехали, то, как говорят, начали уже шевелить ногами. Нас отвели в баню, а потом всех начали рассортировывать и развозить на машинах по колхозам. И вот пришла наша машина и повезла нас в станицу Отрадная. Там, на Кубани, были не деревни, а именно станицы. И там много было станиц с приятными хорошими названиями. Например, были такие названия, как станица Прохладная, станица Спокойная, станица Удобная, вот такие названия были, приятные и удобные. Там кубанские казаки жили, ну Кубанью это считалось все же. Полдня мы на станице пробыли, нас рассортировали по колхозам, и я попал в эстонский колхоз «Уус теэ». Вот тогда-то я впервые и узнал, что есть такая Эстония, где сейчас живу. А это были такие переселенцы, которые давно сюда, еще при царе, переехали из Эстонии. Этот колхоз относился к Отрадненскому району Краснодарского края. Сейчас я не знаю, какое там

административное деление, но, по-моему, оно осталось таким же. Так вот я жил и работал в этом колхозе, это было где-то с полмесяца или с месяц. Ну, колхоз давал мне продукты, а сам я жил у одинокой женщины-эстонки, пожилой женщины, звали ее Мария Пельт. Она готовила мне еду, кормила меня, а ей давали от колхоза для этого продукты. Она хорошо относилась ко мне. Эстонцы неплохо к нам, русским, относились. Там нас семей десять в этот колхоз попало. Но там всякие были! Встречалось, что в колхозе работали муж с женой, а было такое, что муж, жена и ребенок жили и работали в колхозе. Но в основном, конечно, были одинокие женщины в колхозе там. Но некоторые эстонцы были такими, что прямо чувствовалось так, что они нас не любили, что не благоволит к нам, к русским. Почему это было так? Потому что, наверное, процентов семьдесят пять мужчин с этой деревни были угнаны ни за что ни про что в Сибирь. Но на Кубани они прекрасно жили, они были хорошие работяги. Вот только некоторые плохо относились, что их родных ни за что ни про что угнали из России, да и со своей страны тоже, и они после этого считались врагами народа. Но ведь еще в царское время много эстонцев уезжало в Краснодарский край и даже в Сибирь из бедной Эстонии. Ведь в своей Эстонии они жили бедно, много было, значит, бедняков у них, и работали они в основном батраками. Многие им предлагали уезжать в Россию, и они уезжали: в Ставропольский край, в Краснодарский край, в Сибирь. Добровольно уезжали в Сибирь! И жили они там, можно сказать, крепчайше, жили так, как не жили никогда в Эстонии. Здесь, у себя, они были батраками, а там они хорошо жили. До сих пор помню, что около такой «Новой дороги», в десяти километрах от нашего колхоза «Уус теэ», находился эстонский совхоз «Вейтуз». Так они там хорошо жили! Помню, отдыхал я как-то в санатории на Черном море в Сочи. Там было два эстонских колхоза: один был «Линда», другой колхоз был чайный и назывался «Койдула». Так, бывало, встретишь эстонца из колхоза и говоришь: «А чего вы не едете отсюда в Эстонию?» А они говорят: «Да на хрена нам нужна эта Эстония? Они там перловку едят, а мы живем и не знаем, что такое черный хлеб. У нас нет такого!» Вот как хорошо они там жили!

А кем вы работали в колхозе?

Я работал прицепщиком на тракторе. Месяца три-четыре я там проработал. А потом, в августе 1942 года, пришла мне повестка в армию. Но на фронт сразу нас не направили. Нас, ну ребят-призывников, повезли на телегах на лошадях, и повезли за шестьдесят километров. Наверное, в фильмах видал, как призывников раньше возили. Ехали мы через деревни, через станции. Нас встречали женщины, у которых мужья и сыновья на фронте уже были. Мы едем на телеге, а женщины кормят нас хлебушком, дают пироги нам, дают ведра с яблоками, бутылки с молоком. Приехали мы на Кавказ. Поезд остановился на станции, а нас довезли до города Орджоникидзе. Потом этот город был переименован в Джаозекао, а теперь он называется Владикавказом, вот сколько раз он менял свои названия. И там меня определили в Орджоникидзевское Краснознаменное военно-пехотное училище. Рядом с нами было пограничное училище, а я учился в пехотном училище, в 17-й роте, в которую меня определили. Началась учеба! Кормили нас хорошо, там у нас хороший курсантский паек был. Против Ленинграда это что ты, просто сказка была! Это же шикарно просто было. Несколько месяцев были занятия. Было так: занятия, потом – перерыв. Во время перерывов ребята собирались в кружок, рассказывали байки, коротенькие рассказы такие. Тогда почти что все курили. Если дают в училище, отчего ж не курить? Но я тогда только и начал курить. До этого в детстве мы, ленинградские ребята во дворе, достали как-то пачку папирос. Покурили. Но потом так у нас разболелась от этого голова, что больше уже не хотелось курить. А в училище уже начал. Кстати, тогда же, в 1942 году, наше училище охраняло перевалы Главного кавказского хребта. Но это недолго было.

Выпуск курсантов, насколько я понимаю, не состоялся (судя по вашей биографии)?

Не состоялся. Там получилось следующее. Через какое-то время немцы взяли Харьков, взяли Ростов и начали постепенно двигаться в нашу сторону. Их задача была следующая: взять город Грозный, потому что это нефтяная столица, можно сказать. Так вот, когда немец взял Ростов и начал двигаться в нашу сторону, нас ночью подняли по тревоге, выдали оружие, по моему карабины или винтовки, но я сейчас точно не помню, построили. И мы из нынешнего Владикавказа пешком потопали в Тбилиси по военно-грузинской дороге. Но все ребята, которые были в училище, были более-менее грамотными. У меня, например, было девятиклассное образование, я был все-таки грамотный, можно сказать. Литературу ребята знали неплохо. Так вот, пока шли по дороге, вспоминали места, которые у Лермонтова описывались, читали наизусть стихи. Идем-идем, останавливаемся, говорят: «Вот, утес!» Дальше идем, проходим Дарьяльское ущелье. Помнишь такое стихотворение у Лермонтова?

Раньше, по-моему, даже песня такая была. Сейчас ее не поют, а тогда пели. И она так начиналась: «В далекой теснине Дарьяла, / где роется Терек во мгле, / Старинная башня стояла, / Темнея на черной скале». Мы проходили эти места, ну Дарьяльское ущелье, и вспоминали Лермонтова. Потом проходили мимо замка и опять же его вспоминали (это же был замок царицы Тамары): «В той башне высокой и тесной / Царица Тамара жила / Прекрасна, как ангел небесный, / Как демон, коварна и зла». Ну и еще вспоминали, например: «Шел воин, купец и пастух» По сюжету помнишь, наверное, что, значит, она их пригласила, вино сама пила, ночью с ним спала... Не буду пересказывать сюжет! Вот мы вспоминали эти стихи на привалах и перекурах. Днем, а то и ночью, шли пешком, потом были привал, кормежка... А знаешь, каково нам было идти ночью по дороге? Все время страшно хотелось спать. Так мы шли и спали прямо в строю. Помню, ощущение было такое: вот так идешь и спишь и чувствуешь локтями, как справа и слева идет движение. Я пару раз так дремал, например. Представь себе, было такое, что идет строй, и весь строй спит. Ну не весь строй, может быть, но очень многие. Так что спали просто на ходу. Иной раз смотришь: крайний отрывается от строя и идет куда-то в сторону от дороги. Говоришь ему: «Куда ты? Упадешь!» Так мы пешком и шли. Однажды шли мы себе и шли, как вдруг у горы объявили привал. Ну ребята, совсем уставшие, некоторые раздеваться даже стали. Кто портянки снимал, кто гимнастерку, кто – нижнее белье. Смотрим: течет такой ручей. Вода в нем прозрачная, а камни – красного кирпичного цвета. Мы удивляемся, а командиры нам говорят: «Это нарзан течет! Боржом!» Вода эта была не газированная, но вкус имела. Потом мы прошли через Крестовый перевал. И так дошли мы в своей курсантской форме до Тбилиси.

А что было в Тбилиси?

Когда же добрались мы до Тбилиси, нас там зачислили в отдельный парашютно-десантный полк. Так что так получилось, что я всего неделю не доучился до офицерского звания: там из-за того, что шла война, было у нас четыре месяца обучения. Какое-то время мы прозанимались как парашютисты, сделали четыре-пять парашютных прыжков. Потом нас посадили на поезд и повезли в сторону Новороссийска. А потом рано утром, чуть рассвело, бросили в бой. Была группа первого броска такая. Но первый раз, когда нас десантом сбросили такой группой первого броска, немцы нас обнаружили. Тогда нас сбрасывали второй раз, но теперь уже поставили дымовую завесу. Начали мы воевать на «Малой земле» такой. И так я полгода там провоевал. Относились мы к отряду такого Цезаря Куникова. Я его несколько раз, кстати, видел. Помню, особенно тяжелые бои были за трехэтажное здание школы. Так мы его прозвали «слоеный пирог». Знаешь, почему? Там было так: первый этаж занимали наши, второй – немцы, третий – опять наши. Там основные бои и проходили. Все время отбивали атаки немцев на укрепленных позициях, дрались чуть ли не за каждый квадратный метр. Немцы бомбили

нас, обстреливали. И так с утра до ночи продолжалось. Немцы все хотели в море нас спихнуть. Было такое местечко: Сахарная голова. Там тоже все время шли бои. В одном из боев я один танк подбил. И так под Новороссийском я полгода воевал, пока меня не ранило.

Были ли вы отмечены за бои на «Малой земле» какими-либо наградами?

Я получил за эти бои две медали «За отвагу». Первую медаль я получил за десант на Новороссийск. А второй такое же медалью был награжден за подбитие танка и за отбитие многочисленных атак со стороны немцев в районе кладбища, мы оборонялись тогда. Там у кладбища землянка наша была тогда. И ведь это хорошо, что мы сумели выстоять. Ведь когда у нас была, как говорят, первая волна, когда был первый бросок, немцы прижали нас к морю, на расстояние 25–30 метров от воды, а потом сбросили нас в море. Много наших ребят тогда погибло! Пришлось второй раз высаживаться. А тут, видишь, отбили атаку. Но эту вторую медаль мне позднее дополнительно прислали, не сразу двумя медалями наградили. Но никаких премий, как сейчас пишут, ни за подбитый танк, ни за медали, мне не платили.

Были ли у вас друзья на передовой?

Друзья после войны рассыпались, связей не было никаких. Но одного друга я помню – это был мой напарник (я ж в ПТР был) Женя Шалангин, он сам ростовский был парень. Такой же молодой был, как и я.

Чем вы были вооружены в этих боях?

А у меня было противотанковое ружье. Я же говорю, что в роте ПТР был.

Вот вы участвовали в боях на «Малой земле». Скажите, а существовало ли у вас такое понятие, как фронтовой опыт?

Да, было такое дело. На фронте нас случайность только и спасала. Вот у меня был взводный, звание у него лейтенант было, по-моему. У него сверху в кармане в гимнастерке были орден Красной Звезды и пачка денег. Так ему осколок попал туда, где сердце было. И этот орден и деньги его спасли. Орден превратился в лепесток, ну его скрутило, и он стал такой, как лепесток. А деньги искрошило. Это его и спасло. Деньги потом ему заменили, по-моему. А в другой раз, помню, снаряд упал. А мы, несколько бойцов, сидели. Так мы на задницах кое-как отползли. Когда высаживались в Новороссийск и ставили эту дымовую завесу, вода была красная от крови. Много тогда погибло наших людей. Вот сейчас много ветеранов появилось. А где они были? Много было таких, которые, как тогда говорили, воевали на Ташкентском фронте. Вот они и объявляются сейчас. У нас про них, помню, так говорили: «Служил на ДВК / Спал с женой фронтовика / И искал себя в числе награжденных». Когда я после войны служил в органах МВД Вильянди, у нас ветеранами считали только тех, кто имел ранения. А кто не имел их – ветераном вроде бы и не считался. Ведь такого, чтобы человек не имел ранений, почти не было. Помню, праздновали у нас День Победы в Вильянди. Мы только приехали тогда. Идем в праздничной колонне, а женщина одна говорит нам: «Да вы не слушайте их! Я знаю их всех, эти, эти и эти на немцев работали, им прислуживал. и» Вот видишь, как бывает.

Как вы были ранены? Что было после этого?

А я в уличных боях в Новороссийске в мае 1943 года, получил ранение в ногу. Как у меня написано в справке о ранении: слепое пулевое ранение правого коленного сустава. Тогда же я еще был и контужен. Меня эвакуировал санитар. Помню, по пути одного из тех, кто нес меня, убило. Бомбили по пути! Потом я сам добирался до санитарного пункта. Там мы дня два ждали, когда придет транспортное средство и вывезет нас в глубокий тыл из Новороссийска. Приехало транспортное средство, и нас всех отвезли в таджикский госпиталь. Там мне

хирург основательно обработал рану, вычистил, шины наложил. Потом на корабле отвезли в госпиталь в Сухуми, там дня два-три побыли, и повезли меня на санитарном поезде в Тбилиси, и там уже проходило основное мое лечение. Там всех лечили до полной выписки. Когда я более-менее окреп и мог уже самостоятельно ходить, с соседом по палате как-то раз в кино удрали. В госпитале что запомнилось: к нам приходило мыло с буквой «К». Так оно чудеса делало: если солдат им намывался, волосы и на голове, и на подбородке, и на животе спадали. И бриться было не надо! Грузинское это было мыло такое. В госпитале меня признали инвалидом войны, но годным к службе. После, когда в госпитале меня вылечили и я поправился, дали трехмесячный отдых. Я поехал к родственникам в Ульяновск, там у них отдохнул, а затем там же через военкомат был направлен на пересыльный пункт, куда всех, кто был ранен, после госпиталя направляли. Туда приезжали купцы, как мы называли тех, которые приезжали из частей набирать пополнение. Ну отбирали по специальностям, по состоянию здоровья. Я был с пулей в ноге. Таких, как я, отбирали в не совсем боевые части: в техчасти, в зенитные войска, в войска ВНОС. Но меня какой-то начальник фельдъегерской связи отобрал. И так я попал в фельдсвязь МГБ. Я числился в отделе ПОД таком (пункт сбора донесений). Это было уже в сентябре 1943 года. А через несколько месяцев, в декабре, меня назначили в фельдсвязь МГБ Эстонской ССР.

Я на самолете доставлял документы от эстонского правительства, через МГБ Эстонской ССР, которое располагалось по адресу: Ленинград, улица Гоголя, дом 8, в Кремль. Но это было сначала, когда все эстонские учреждения находились в Ленинграде. Потом, когда начались бои за Псков, собрали целый эшелон эстонских правительственных учреждений и эстонской администрации и повезли на псковское направление. Тогда бои шли за Псков, за станцию Карташевка, за Изборск. Когда Псков был освобожден и стали идти бои за Печоры, эшелон туда передвинулся. А я туда документы доставлял. Когда я приезжал, канада уже далеко была. Но потом освободили Тарту, освободили и Таллин, эстонское правительство посадили в эшелон и повезли в ту сторону. И так я там, в Таллине, и окончил войну. Звание у меня было – старшина.

Стычки, столкновения с немцами бывали, когда вы в фельдсвязи служили?

Было такое однажды, например. Когда эстонское правительство перебазировалось в Выру, мы там два дня ночевали. И мне потом сказали: «Вот, завтра на самолете полетишь в Москву, доставишь спецправительственный пакет в Государственный Комитет Обороны, к Верховному Главнокомандующему Сталину». Но, конечно, не самому Сталину я должен был доставлять, а в канцелярию. Ну и полетели на самолете У-2. Нам дали этот самолет до Ленинграда. И вдруг нас немецкий самолет начал атаковать. Дал очередь, сделалось жутко, пришлось опустить макушку. Мы сильно снизились из-за этого, чуть ли не елки сшибали. Опасная была высота! А немец попукал-попукал и улетел. Полетели дальше. Но до Ленинграда мы не долетели. Между Псковом и Лугой на нас напал «мессер» и нас подбил. Мы упали в болото. Ну, я остался живой, летчик был живой, нас всего двое летело в самолете. И мы шлепнулись в болото. Тогда мы самолет бросили и стали выходить на дорогу. Вышли на дорогу, остановили машину и поехали в Ленинград. В Ленинграде я пошел в свое учреждение, а летчик – в свое. Потом на поезде поехал в Москву. Там я передал письмо Сталину. Но сдал, конечно, не лично, а начальнику его канцелярии, какому-то генералу. Когда в Выру вернулись, оказалось, что они в сторону Таллина стали передвигаться. Ну я и догнал их. Вот такие были случаи.

Чем вам запомнился День Победы, как его отмечали?

В День Победы я находился в командировке в Ленинграде. То есть служил-то я в Таллине, но в это время находился в командировке. Пробыл я в городе три дня, и как раз третий день выпал на празднование Победы. Конечно, везде и всюду кричали «ура!», люди радовались. Но я был в Ленинграде совсем один. Родственники с эвакуации еще не вернулись в Ленинград.

Я нашел дом, где отец спрятал ключи от квартиры у каких-то знакомых, переночевал там у себя. Везде, конечно, люди праздновали Победу. Но они-то праздновали в коллективе! А я совсем был один, мне некуда было податься. Одни родственники не вернулись, а другие умерли и покоились на Серафимовском кладбище. Потом я вернулся в Таллин. Там уже праздник праздновал в коллективе, и там уже отметил, можно сказать, День Победы по-настоящему.

Кстати, а каким вам запомнился освобожденный осенью 1944 года Таллин?

Ну, первое мое такое воспоминание о городе следующее. Шли мы с ребятами, как вдруг заметили несколько кучек листьев. Подумали, что это бомба, и залегли. Но ничего вроде нет, никаких звуков не слышно, ничего такого не срабатывает. Потом как подошли и начали разгребать листья. Смотрим: под листьями запрятан ящик, а в нем бутылки водки, запечатанные сургучом, ну там, где пробка у каждой такой бутылки была. Ну, посмотрели мы на это дело, говорим: «Ну а что в других кучках может быть?» Несколько кучек посмотрели и ничего особенного не обнаружили. Но вот этих четыре ящика с водкой нашли. Ну и отнесли мы эти ящики туда, где у нас ребята, сотрудники нашего отдела связи, жили. Ну и что? Ужин есть, выпить есть. Ну мы и выпили хорошо. А на следующий день пошли по городу искать квартиры, чтобы жить. Таллин тогда только что освободили. Ну и мы, значит, таких свободных квартир штук пять нашли. Это было на улице Тампуйсте, в доме № 27, там было раньше какое-то немецкое учреждение, по-моему. И вот там мы нашли себе квартиры. Одна квартира нам, троим парням, присмотрелась, и мы решили там вместе остановиться жить. Там оттуда немцев только-только, как говорят, по горячим следам выбили, и это чувствовалось во всем. Что интересно: после, как немцев отсюда выгнали, оставались и газ, и электричество, и отопление, вода тоже шла. То есть наши настолько быстро город освободили, что немцы так ничего и не успели испортить, чтобы это нам не досталось.

Потом пошли на улицу. Нам говорят: «Сходите на станцию, посмотрите, что-то там интересное есть». Приходим на станцию. Смотрим: стоит несколько грузовых эшелонов. Люди открывают двери вагонов и из этих вагонов выгружают на тележке и развозят по домам продукты, промтовары, там было всего, ну масса всяких материалов, всего этого там было полным полно. Потом где-то рядом проходит строй солдат, человек, может быть, десять. Прямо на месте они снимают свою старую грязную форму и надевают чистое новое обмундирование, потом уходят, и никто ни на кого не обращает внимания. Пришел как-то в парикмахерскую. Женщина меня спрашивает: «Что желаете?» Говорю: «Постричься». «Пожалуйста, садитесь», – говорит. Даже не спрашивает, какой фасон я желаю: к примеру, под челочку, полубокс или польку. Она, как мастер, сама знает, что для тебя лучше всего подходит. Я подстригся. Спрашиваю ее: «Сколько стоит?» «А не знаю, – говорит она мне, – я не знаю, сколько стоит эта работа.» «А какими вам деньгами расплачиваться?» – спрашиваю ее. Говорит: «Хоть немецкими марками, хоть русскими рублями, хоть финскими деньгами». Тогда в городе примерно две-три недели была такая петрушка: не знали, что и как. Я заплатил столько этой парикмахерше, сколько это стоило в Ленинграде. Деньги ей оставил и пошел. Помню, рядом с нашим местом службы был маленький магазинчик, где торговала старуха, мы его тещей прозвали. Там продавали пирожки, булочки, лимонад, а больше так ничего особенного там не было. Ну а если тебе все-таки что-нибудь конкретно из продуктов нужно было купить, это было можно запросто сделать: заказать в этом магазинчике. Можно было хоть целую курицу заказать! И вот, бывало, приходишь туда и говоришь:

«Мамаша, нужен такой-то продукт». «Хорошо, – говорит, – приходите завтра». И действительно, на завтра заказ уже был. У них, у таких торговцев, как эта женщина, связь между собой была хорошо организована. Вот то, что в Таллине так запомнилось мне. Это было осенью 1945 года.

Расскажите, Владимир Николаевич, о вашей послевоенной службе в органах.

Ну, поработал я некоторое время фельдъегерем связи в Таллине, как вдруг в 1946 году меня вызывают в отдел кадров и говорят: «Значит, мы так с тобой поступим, так решили. Ты молодой, у тебя семьи нет? Не женат?» «Нет», – отвечаю я. Мне и говорят: «Ну так вот, поедешь в Киев учиться на радиста». И так где-то осенью 1946 года меня послали учиться на радиста в офицерскую школу МВД. Это была бывшая партизанская школа. В этой школе когда-то училась Люба Шевцова, это знаменитая подпольщица, которая погибла в 1943 году. Наверное, слышал про нее. На нашем курсе были преподаватели, которые ее тогда обучали. И эти же учителя, которые нас учили, рассказывали нам про нее, что она училась, хорошая была деваха, такая бойкая и смелая. Она тоже радисткой была. После того как Украину освободили от немцев, школа была переименована в Высшую офицерскую школу. У нас был курс радистов, и тогда тоже был курс радистов, где Шевцова и училась. Учились мы в этой школе полгода.

Кстати, учеба в Киеве – это было веселое время. Вспоминаю всякие ситуации. Ну это связано с тем было, что украинский язык вроде бы славянским языком считается, и вроде некоторые слова русским понятны, а некоторые – ну совсем непонятны. Вот такой был, как говорится, юмор. Помню, ребята у нас все ходили в баню. Ну и мы тоже решили в баню сходить. Встречаем их, этих ребят, и спрашиваем: «Ребята! Где тут баня, как нам туда пройти?» Они говорят: «А пару кварталов пройдите – и как раз будет вам баня». Ну мы и пошли. Проходим уже три-четыре квартала, а бани все не видно. Возвращаемся обратно. Ну нет нигде бани абсолютно! Смотрим: бабушка-украинка сидит. Спрашиваем ее: «Бабуля, где тут баня?!» Бабушка показывает на какое-то здание и говорит: «Так вин она!» Это по-украински значит: да вот она. Мы смотрим на здание и читаем: «ЛАЗНЯ». То есть, мы ожидали увидеть похожее, созвучное слово, а тут все как будто наоборот. Вот и выходит, что по-русски это баня, а по-украински – лазня. Или, скажем, еще один такой же смешной случай. Когда я приехал прямо с вокзала в Киев и стал садиться в трамвай, то прочитал надпись на здании: «ПЕРКУЛЬНЯ». Потом встретил несколько зданий с таким же названием. Я подумал, что это по-украински – пекарня, слова-то созвучные. Еще удивился: «Надо же, как в Киеве живут! Кругом пекарни!» И как-то спустя недели две после этого вдруг я решил: а не попробовать ли мне украинских пирожков? Захожу в здание, открываю дверь и чувствую: пахнет не пирожками, а одеколоном. А оказалось, что это парикмахерская была. Парикмахерских в городе действительно было много! Так что таких было много всяких интересных случаев. Однажды мы пошли с ребятами в кино. На афише прочитали: «Перше рукавичка». На щите рисунок какой-то. Думаем: что за кино такое, что за «Перше рукавичка»? А там в уголочке было написано: «Белая перчатка». А «Белая перчатка» – это было знаменитое такое наше советское кино о боксерах. То есть понимаешь меня? Украинские слова нам были вроде совсем понятны, а вроде – и непонятны. У них и месяца даже совсем по-другому называются. Ну это так, к слову.

Короче говоря, через полгода я сдал экзамены и окончил эту школу радистов. После этого мы все получили распределение. И меня в числе пяти человек направили в Таджикистан. Так я попал на границу. Это было уже в 1947 году. Служил на границе, в таком пограничном районе. И вдруг меня вызывают в Сталинобад и говорят: «Собирайся, забирай рацию и поедешь в командировку». Спрашиваю: «Куда?» «А в Тбилиси», – сказали мне. Когда приехал в Тбилиси, то мне сказали: «Сейчас вот сформируется группа, и вы поедете в Чечню». И я в составе сформированного отряда попал в Чечню. Там около года, с сентября 1948 по май 1949 года, я участвовал в боевых операциях против бандформирований. Но я не воевал непосредственно, а был радистом. Кстати, тогда же в Таджикистане землетрясение началось.

А как вы, собственно говоря, попали в Чечню?

Ну как попал? В апреле 1948 года нас, пять человек, я уже тебе сказал, отправили с Таджикистана в Тбилиси. Сказали: «Нужно, и все!» Ну мы приехали в Тбилиси. Там мы про-

были с неделю или даже больше, пока формировалась наша группа. У нас, кстати говоря, в группу вошла и одна женщина – грузинка Элисо, она фельдшером была. Она во всех операциях с нами была. Но сначала у нас было другое задание. Нам сказали, что из Афганистана прошла небольшая группа афганских душманов, как их тогда называли. Но в нашем районе мы их не обнаружили. И тогда нас направили в Чечню.

Что это были за операции на Кавказе. Расскажите об этом поподробнее.

Бандиты действовали в горах небольшими группами, как правило: по пять, десять, пятнадцать человек, не больше. В зоне нашего отряда действовала группа, которую возглавлял такой Хучбаров, чеченец, главарь их. Ну а мы действовали в составе Халхимской опергруппы НКВД. Ну и мы гнались за этой бандой: в кирзовых сапогах, в фуфайках, у каждого был автомат. Но поскольку я был радист и связист, то меня берегли. Мне ни в кем случае нельзя было ввязываться в бой, потому что я был связист. Ведь тогда было так: если они меня потеряют, то и вся группа может из-за этого погибнуть. Ведь многое зависело от связи! Поэтому мне сразу сказали: «Никуда ни-ни не суйся». Даже дошло до того, что со мной охранник все время был, так, на всякий случай. У меня, как у связиста, была радиостанция. Весила такая радиостанция четыре килограмма, в к ней полагались еще батареи, они весили килограммов двенадцать – тринадцать. Эти батареи носил охранник, а я носил рацию, она тоже была тяжелая. Вот и попробуй гоняться с такой тяжестью по горам за бандитами! Трудно было с таким нам обмундированием гоняться за ними. А они были у себя дома, знали почти что каждую дырку. Мы тогда Хучбарова не поймали: он бросил автомат и скрылся в пещерах.

Сколько вы по времени провоевали на Кавказе?

Без малого год там пробыл: осенью, зимой, весной, это в 1948 и 1949 годах. Что там тебе еще сказать? Раза два или три мы находили ихние базы, ну склады такие, значит. Эти базы были в землянках, и там ихние оружие и продукты были спрятаны. Один раз даже нашли такую базу: высоко-высоко на дереве был привязан сундук, и там все хранилось. А два других склада с оружием и продуктами были в землянках. Ну у нас солдаты набирали и тащили это все:

оружие, продовольствие. Бои у нас были, это да. И чеченцев видел, которых в плен брали. Но тогда, видишь ли, война отличалась от сегодняшней чеченской войной. Сейчас чеченцы воюют за свободу и освобождение Чечни от России, от русских. А тогда не было политики. Были просто бандитские группы, которые нападали на население, на одиночных таких солдат, на группы солдат, на колхозы. Кстати, чаще всего нападали на колхозы: грабили и поджигали колхозы. Политики тогда не было! Но в нашей зоне местных жителей не убивали, потому что там жил древний народ хевсюры. Был еще фильм такой «Хевсюрская баллада», помнишь? А так везде было, что в иной раз людей и грабили, и убивали.

Что можете о своей группе сказать?

Ну у нас в группе люди с разных мест были собраны. Каждый в группе отвечал по своей части: оперативники – по своей, разведчики – по своей, ну а я как радист – по своей. Были у нас переводчики. Наша группа со всей страны была собрана. Всего в группе человек двадцать пять было, из них – четыре офицера. Командиром группы был майор Гриднев. Относилось это все к отделу ОББ такому (отдел по борьбе с бандитизмом)

Какие были ваши обязанности как радиста в группе?

Ну я был радистом, вернее сказать – старшим радиооператором, связывался по рации с нашими. Бывало, получишь сообщение, что есть предположение, что бандгруппа пойдет в таком-то направлении. Ну и группа в таком-то направлении и шла. Ну я тебе об этом уже рассказывал уже.

В плен кого-нибудь брали?

Брали в плен бандитов. Но у нас были и переводчики, с их помощью пленных и допрашивали. Потом их отправляли в главный штаб, там с ними разбирались, а мы свои задачи продолжали выполнять.

В какой местности действовали?

Мы были в Казбекском районе, было такое селение – Казбеки. Так же были в районе села Хамхи.

С местным населением общались? Какие впечатления остались? Какими были условия их проживания?

Был там такой необыкновенный народ – хевсуры. Они были такие отсталые, что даже и мы, хотя у многих наших ребят было только семь классов образования (а это все-таки какое-никакое, а образование), тому удивлялись. Нам показалось, что мы на пятьсот лет вернулись назад. Настолько они были отсталые! Удивляли они нас. Они, например, не знали, что такое мыло, и просто так водой ополаскивались. Белье у них было домотканое. У кого-то был станок, тканью делились и шили себе одежду. Носили национальную одежду на себе такую. Что интересно: одежду друг за другом донашивали, если дети подрастали, они отдавали свою одежду донашивать другим. Стирали одежду летом, и тоже – довольно интересным способом. Они брали одежду, клали ее на ручей, сверху накидывали камни, и шли к себе в саклю, сакля – это дом их так назывался. Одежда болталась все в ручье. На следующий день смотрим: приходят эти хевсуры и вынимают свою одежду. Все у них было самодельное. Сакли топились у них по черному. Печи были сложены из камня и из глины. Еду готовили они для себя в таких медных котлах. И роды у них женщины принимали. В общем, первобытный народ такой был. Так что все у хевсуров было самодельное! Они, ну хевсуры, по-моему, к грузинам относились. А в Грузии больше сорока языков имеется. Но там не только хевсуры были. Были, помню, мингрелы, курды, разные другие народы.

Владимир Николаевич Моисеев со своей женой в 2003 году

А жили вы, ваша группа то есть, в Чечне в каких условиях, где? Чем питались?

Ну, когда мы попали в Чечню, то первым делом и стали искать себе жилище. Нашли себе дом не дом, но жилище. Пришлось срочно искать глину, чтобы его немного подремонтировать. Находилось оно километрах в тридцати от грунтовой дороги. Но Гриднев, начальник группы, жил отдельно от нас, километрах в тридцати где-то. Ну мы жили у грузина какого-то в доме. Но всегда, правда, часовой стоял. А то, кто знает, вдруг у него под подушкой револьвер? Доставка продуктов у нас была на лошади или вьюком. Ну как это было? Привяжут к лошади мешок справа и мешок слева, а сама лошадь это добро везет. Хлеб пекли сами. Привезут муку, и солдаты, человек двадцать пять, пекли сами. А так на крупах, на концентратах жили, которые нам привозили.

Как вы выбыли из Чечни?

Очень просто. Через год на мое место приехал другой радист, а я уехал обратно домой в Таджикистан.

Интервью и литературная обработка: И. Вершинин.

Шаулин Владимир Алексеевич

Я родился в 1918 году в селе Корекозеево. Мои родители были старыми коммунистами и жили в Ленинграде. После революции отца послали на усиление в Калугу, где в конце марта 1921 года его убили. У матери на руках осталось трое детей. Старшая сестра, я, мне тогда три года было, и младшая сестра, ей шесть месяцев было. Воспитывал меня мой крестный, он учителем был, а мама устроилась санинспектором. В 1931 году я поступил в Калужский педагогический техникум. В 1935 году окончил его и работал учителем в селе Гремячеве. Сначала был преподавал во вторых и третьих классах, потом в пятых и шестых.

В 1939 году у меня была отсрочка на четыре года, но тогда как раз ввели всеобщую воинскую обязанность, и в сентябре 1939 года меня призвали в армию. Попал в 383-й стрелковый полк, который находился в Белоруссии. Командиром полка был майор Бабаян, и 90 % ребят у нас в полку были с высшим и средним образованием.

В 1940 году наш 383-й стрелковый полк входил в Литву. Из Белоруссии мы шли пешком, примерно по шестьдесят километров в сутки. Шли, шли и шли. В общей сложности, туда и обратно, мы прошли тысячу триста километров. Дошли до какого-то леса, нас там переделали, потому что мы все потрепанные были, а потом вошли в Вильнюс. Сейчас говорят о том, что мы их оккупировали. А тогда нас там встречали хлебом и солью, столы были накрыты. Нас встречали как освободителей. Мы там побыли один или два дня вернулись и обратно, в Белоруссию.

Когда вернулись в место дислокации, к нам приехали представители воздушно-десантных войск, отбирали добровольцев. Вызвали меня, спрашивают:

«У тебя есть желание поехать в десантные войска?» Я говорю: «Да». «Собирайся, и завтра поедете».

Так я попал в старейшую, 214-ю, бригаду воздушно-десантных войск. Бригада располагалась в семидесяти километрах к западу от Минска, в местечке Марына Горка.

Сразу же в бригаде началась тренировка. Готовили нас очень хорошо. Во-первых, физическая подготовка – летом кроссы, зимой лыжи, мы каждый день на лыжах десять километров

туда и обратно бегали. Потом началась подготовка к прыжкам. Сперва мы прыгали в ямы с сеном, тренировались кольцо выдергивать.

Это сейчас цепляешься за трос и прыгаешь, а тогда мы кольцо вручную выдергивали. Потом начались прыжки с самолета. Аэродром находился в семи километрах от части, так что нас утром поднимали и мы пешком шли до аэродрома. Там были самолеты ТБ-3, четырехмоторные, скорость 120 километров в час. Мы сели в самолет и полетели. Причем, как только в самолет сели, так сразу тишина, ни Ванек, ни Колек. Прыгали в бомболюк. Причем в первый раз непривычно было – кольцо выдернул, и уже не падаешь, а вверх летишь. Так и прыгали. В мае 1941 года на базе нашей бригады был сформирован 4-й воздушно-десантный корпус, в составе 8-й и 9-й бригады. Я попал в 8-ю.

Перед войной у нас часто тревоги были, и 22 июня тоже тревогу объявили. Мы сначала не знали, в чем дело, а оказалось, война. В первый же день немцы разбомбили наш аэродром и уничтожили самолеты, мы остались без колес. Началась обычная пехотная работа.

Правда, был один случай. В ночь на 15 июля группу десантников, в количестве шестидесяти человек, выбросили в тыл к немцам. Привезли нас на аэродром и там поставили задачу. В районе местечка Горки Могилевской области скопилось большое количество немецкой техники, примерно триста единиц. Они на окраине леса, в ржаном поле, ждали горючее. И вот мы, шестьдесят человек, должны были обнаружить и уничтожить эту технику. И смех и грех...

Пока мы собирались, пока летели – уже рассвет. Когда самолеты подлетали к немецким позициям, по нам открыли огонь, позже я узнал, что многие самолеты вернулись обратно с убитыми и ранеными десанниками. Самолеты начали бомбить немцев, а за бомбами прыгали мы. А с земли по нам огонь...

Я тогда командиром взвода уже был, до войны я замкомандира взвода был, а тут война, командира нет, вот мне и приказали принять взвод. Приземлился на опушке леса, со мной два солдата, а немцев там полно – танки, охрана, бронетранспортеры. К нам немцы бегут, кричат: «Рус, капут!!!» Я ребятам говорю: «Подпустим поближе, а потом покажем, кому будет капут». Подпустили, открыли огонь. У нас, кроме автоматов, по две бутылки с бензином было, мы ими должны рожь поджигать. В некоторых местах мы поджечь смогли, но немцев-то там... Сотни единиц одной только техники, а нас из шестидесяти только человек тридцать осталось...

Немцы опомнились, открыли по нам огонь из пулеметов. Куда деваться? Бегом в деревню, где у нас был назначен сборный пункт. Захожу в деревню, меня бабушка встречает. «Бабушка, у вас в деревне есть немцы?» – «Немцев не видела. Видела, сверху летели ангелы, может, это было немцы». Я говорю: «Это мы летели, мы русские». «А может, вы немцы?» – «Нет, что вы!»

Потом стали выходить к своим. Шли через Темный лес, немцы же в первые дни по дорогам шли, как на марше, а мы их обходили. В конце концов мы вышли на опорный пункт.

На фронте мы пробыли примерно полтора месяца, а потом наш корпус отвели к Москве. Там мы получили пополнение, начались занятия.

В декабре 1941 года мы находились в районе Раменского. Тогда мне присвоили звание младшего лейтенанта. Немцы подходили к Москве, обстановка была очень напряженная. 6 декабря началось наступление нашей армии, в результате которого немцев отбросили на 100–150 километров от Москвы.

В январе пришел приказ на выброску нашего корпуса в тыл врага, Вяземская воздушно-десантная операция. Сначала мы должны были десантироваться под Калугой, в район Воронцовского аэродрома, но у немцев хорошо работала разведка, так что выброситься смог только один батальон нашей 8-й бригады, после чего немцы разбомбили аэродром. Мы вынуждены были вернуться обратно.

Где-то в начале февраля мы с Внуковского аэродрома снова полетели в тыл противника. Приехали на аэродром, построились. Смотрим – самолеты стоят, ТБ-3 и «дугласы». Нам

выдали сухпак на трое суток, посадили в ТБ-3, и мы полетели. нас в самолет. Летели, летели, смотрим, садимся. Вернулись обратно. Вышли, передохнули, выпили по стопочке, закусили и опять полетели. Опять садимся. И только с третьего раза нас смогли выбросить. Я только потом узнал, что первый раз летчик не смог пересечь линию фронта, сильный противоздушный огонь. Второй раз линию фронта он пересек, обнаружил сигнальные костры, которые партизаны должны были жечь, но выходило так, что это не наши костры, слишком близко к фронту, тогда много случаев было, когда немцы ложные крестьянские костры жгли, а на них десантников бросали. И только с третьего раза нас смогли выбросить.

Обстановка была очень сложная. Метель, пурга. Куда летишь – не видишь, где опустишься – не знаешь. Очень неблагоприятные условия были. Приземлился в лесу, на кустарник.

В этот же день, а может, на второй, в расположение нашего батальона сел ТБ-3 со штабом нашего корпуса. И вот, когда из самолета начали выходить штабные офицеры, появился немецкий «мессер» и обстрелял самолет, в результате чего погиб командир корпуса генерал Левашев. Вместо него комкором стал Казанкин, который начальником штаба корпуса был.

Началась война в тылу противника. Наша задача какая была? Поскольку наши войска остановились и не могли дальше двигаться, мы должны были предотвратить подход свежих сил немцев. В основном мы действовали по ночам, поскольку немцы интеллигентные были, на ночь чистили зубы и ложились спать, а мы их атаквали. 26 февраля я был ранен.

В районе деревень Песочня и Ключи мы должны были соединиться с 50-й армией генерала Бондарева. В результате недельных боев мы Песочню и Ключи заняли, а армия Бондарева не пробилась. Получили приказ выходить из тыла, но мне этого делать не пришлось. При штурме Песочни был ранен...

Там такой приговор был, мы на него спустились, хотели сразу на ура, но не получилось, нас минометным огнем встретили. Опять поднялись. Уже недалеко было – и нас опять накрыли... И так три раза. Во время из одной атак я был ранен в спину, пуля под лопатку вошла. Потерял сознание, ординарец меня оттащил, положил под кусты. Февраль, снег, мороз. Какое-то время спустя я очнулся – тишина. Только слышу тук-тук. Вижу – по полю немцы идут, наших тяжелораненых добивают. Второй батальон в полутора километрах терпел поражение, наш батальон пошел к ним на помощь, а раненых оставили, такая обстановка была... Пока одного раненого унесешь – десятки погибнут...

У меня мандраж. Лежу с пистолетом в руках. Немец метрах в трех от меня прошел – и я опять сознание потерял. Сколько лежал без сознания – не знаю. Очнулся уже на аэродроме, кто меня подобрал – не знаю. Мне уже рану обработали, я лежал на носилках. Меня погрузили в самолет и отправили к нам, в самолете я опять сознание потерял. Попал в госпиталь в Жуковском. Только на четвертые сутки пришел в себя. Лечащий врач-хирург, полячка Станислава Бронеславовна, говорит: «Володя, мы не надеялись, что ты выживешь. Очень большая потеря крови». В госпитале все удивлялись, как я вообще не замерз при такой кровопотере, сутки же на снегу пролежал. Но повезло, мне только пальцы на ногах подрезали, больше ничего. Семь месяцев я пролежал в госпитале.

После госпиталя я хотел вернуться обратно, но, так как у меня ножки подрезаны были, мне сказали, что я уже не могу служить в воздушно-десантных войсках. Попал в стрелковый корпус, с которым прошел всю войну. Был офицером связи корпуса. Освобождал Белоруссию, Польшу, участвовал в штурме Кенигсберга и Берлина. 2 мая, в Берлине, оставил подпись на Рейхстаге. Потом наш корпус погрузили на машины и направили в Чехословакию, где война для меня и закончилась.

Владимир Алексеевич, вы еще до войны начали служить в воздушно-десантных войсках. Существует кинохроника, где показано десантирование с крыла ТБ-3. Вы так прыгали?

Нет. С крыла мы не прыгали.

Когда вы первый раз прыгали к немцам, какое настроение было?

Никакого страха я, например, совершенно не ощущал. Как будто какая-то игра.

Кто вам ставил задачу как командиру взвода?

Командир батальона капитан Полосков.

Какие задачи осуществлял ваш взвод?

У меня был разведвзвод, так что три раза мы ходили в разведку. А вообще – как все.

С партизанами встречались?

Партизанские отряды там были. Они помогали нашему корпусу, вместе с корпусом Белова, выйти к своим.

Чем вы были вооружены?

Автомат ППД.

Хороший автомат?

Работал хорошо. Но вот в летнее время, если пыль попадет – все...

Как его крепили во время прыжка?

Как правило, на груди.

Во время Вяземской операции как вас снабжали?

Сперва у нас свои продукты были. Потом, в первые дни десанта, мы находились в деревне Жердевке, хорошая деревня была, хорошие дома, там нас местное население подкармливало. Потом нам с самолетов сбрасывали, но многое попадало к немцам. А когда шли к Песочне, то увидели в лесу лошадь. Набросились на нее, зарезали, разделили по кускам. Правда, я этот кусок съесть не успел, так с ним в госпиталь и прилетел.

Во время Вяземского десанта как вы были одеты?

Очень хорошо. Плотные шерстяные брюки, хорошие меховые куртки, обшитые сверху брезентом, шерстяное белье, теплые валенки.

За эту операцию вы были награждены?

Был представлен, но ничего не получил. Потом уже был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны.

После госпиталя вы были офицером связи стрелкового корпуса. В чем заключалась ваша работа?

Поддерживать связь с частями корпуса, через офицеров связи дивизии.

Интервью: А. Драбкин, литературная обработка: Н. Анчикин.

Тотанов Сатыбалды Курманович

Я родился в августе 1925 года в Акмолинской в городе Атбасар, в двустах – трехстах километрах от Астаны.

Когда мне было два года, умерла мать, в три года умер отец. Мать родила восьмерых, но они умирали, не дожив до года, я единственный выжил... С нами в ауле жил старший брат моего отца, к которому отец перебрался после смерти матери. У брата отца был сын Тотан, который женился лет за пять до моего рождения, но у них с женой не было детей, и, после смерти отца, они меня усыновили. Так я получил фамилию Тотанов, а первую свою внучку назвал по имени матери, которая меня воспитала.

В июне 1942 года, когда мне исполнилось семнадцать лет, я окончил десять классов ШКМ (школа колхозной молодежи) и осенью был призван в армию. Правда, после начала войны особой учебы не было, большей частью мы работали в колхозе – убирали урожай, заготавливали сено, так что, когда я окончил школу, нам даже аттестата не выдали. Просто справку дали о том, что мы учились в этой школе и окончили десять классов.

В январе 1943 года нас из Астаны направили в столицу Киргизии, тогда он Фрунзе назывался, а сейчас Бишкек. Во Фрунзе нас, целый эшелон призывников из Атбасара, определили в военно-пехотное училище. Кроме того там были ребята из других областей Казахстана, а также

Омской и Новосибирской областей. Училище это создавалось на базе одной средней школы, в нее подбирались курсанты исключительно из числа молодежи, семнадцать – восемнадцать лет, все со средним образованием.

Я попал в пулеметный батальон училища. Мы изучали станковый пулемет «максим». Там один станок 32 кг весил, а во мне тогда 40–45 кг было. И вот мы этот станок по очереди на плечо взвалим и тащим. И все бегом. Это просто не учения были, а издевательства над нами... Бежишь, упадешь и, пока командир не подойдет, лежишь, отдыхаешь. Командир подойдет:

«Хватит, вставай, отдохнул», – и снова бегом. Очень тяжелая у нас в училище учеба была... Нас нормально кормили, хорошо одевали хорошо, но вот физические нагрузки...

Так мы проучились девять месяцев, готовились уже стать офицерами, но доучиться нам не дали. В конце 1943 года нас всех срочно погрузили в эшелоны и отправили под Москву, в город Щелково, где находились части 37-го воздушно-десантного корпуса, штаб которого находился в Москве. Я попал в 13-ю воздушно-десантную бригаду. Под Москвой мы целую зиму пробыли – солдатские обмотки, белье, гимнастерка, брюки и шинель, хорошо хоть шапка на голове была. В октябре под Москвой похолодало, а мы вот в такой легкой одежде и все время в походах. Ночуем в лесу, возле костра. Вот такая страшная жизнь была, но не смотря на погоду и легкую форму – никто не болел. Кормили более-менее – ежедневно 600 грамм хлеба, 20 грамм сахара, 20 грамм масла, каши, щи – от голода не умирали.

В мае мы стали учиться прыгать с парашютом. Сперва инструктора обучали нас упаковывать парашюты, потом мы прыгали с вышки, а после стали прыгать с самолетов – взвод сажали в небольшой самолет, поднимали на 800–900 метров и вниз.

Первый прыжок я никогда не забуду... Боишься, но что же сделаешь, приказ! Многие кричали, но командиры их все равно из самолета выталкивали. Вообще, при прыжке все зависит от того, как упакуешь парашют, некоторые кубарем падали: видимо, неправильно упаковывали, а инструктор на это внимание не обратил. Каждый раз, когда мы ездили на прыжки, потери были. К счастью, не в нашем взводе. Наш командир взвода, лейтенант Виноградов, очень строго относился. Каждого парашютиста проверял, смотрел, как мы укладывали. Он нам часто говорил: «Смотрите, ребята, если будет упаковано неправильно, вы погибнете, я буду за это отвечать».

До начала июня я совершил одиннадцать прыжков с парашютом, а потом нашу 13-ю воздушно-десантную бригаду направили на формирование 300-го гвардейского стрелкового полка. Там же как получилось: осенью 1943 года на Днестре был выброшен десант, который не удался. Позже мы слышали, что из тех, кто был выброшен в тылу у немцев практически никто не вернулся – десантник – это живая мишень. Поэтому в верхах приняли решение, чтобы так не губить молодых людей, переформировать десантные части в пехотные. Наша бригада, как 300-й гвардейский стрелковый полк, вошла в 99-ю гвардейскую дивизию, в которую вошли еще несколько десантных бригад. После чего мы были посажены в эшелоны и в середине июня мы прибыли под Ленинград. Выгрузились на берегу реки Свирь. Смотрим – река бурная, ширина полкилометра, а на другой стороне немцы и финны. Нам сказали, что мы будем форсировать реку Свирь и освободить карельские земли.

Надо сказать, что подготовка к форсированию готовилась открыто – финны и немцы прекрасно видели наши танки, самоходки, но молчали, а мы, видимо, хотели продемонстрировать, что мы их не боимся. Расположившись на берегу реки, наш полк готовил плоты, лодки, занимался хозяйственными делами. Все в открытую, практически без всякой маскировки, а на той стороне молчат, как будто никого нет. Нам объяснили, что, чтобы не пропустить через Свирь советские войска, тщательно укрепили оборону – окопы, дзоты, доты, минные поля.

Так мы готовились до 22 июня, а 22 июня, в 4 часа смотрим: масса наших бомбардировщиков летит, сотни полторы, наверное. Они целый час ту сторону бомбили, весь берег черным дымом заволокло. Потом самолеты улетели, на той стороне тихо, финны молчат. Мы думали, все, они все погибли. Нам приказали спустить лодки. Плываем, тихо, финны молчат, но, как только достигли середины реки, они как начали стрелять. Заработали их доты, дзоты. Они там крепкую оборону организовали... Мы думали, что спокойно пройдем, но нет, многие утонули...

Вернулись на свой берег, и с нашей стороны начала бить артиллерия. Огневые точки были известны, и наша артиллерия начала по ним бить. Часа полтора-два били из всего, что есть. Мы решили, что теперь они точно заглохли, спустили вторую партию наших лодок, и артиллерия

продолжала по ним огонь вести. Вот тут они заглохли. После того как первые лодки переправились, за ними плоты пошли на плот сразу по роте грузили, и они спокойно уже переправились на финский берег. Финны после артподготовки отступили и уже не сопротивлялись переправе. Когда плоты подошли, мы уже по их окопам, дзотам и дотам орудовали, посмотрели, что там делалось – просто страшно... Вот так форсировали реку Свирь...

После переправы мы сутки простояли на финских позициях. Надо было отдохнуть, поставить мосты, по которым на финский берег перебросили пушки и танки. А через сутки мы пошли вперед. Немцы уже отступили, и мы думали, что нам теперь легко наступать будет. Ничего подобного! Через полтора-два километра у них вторая оборонная линия. Но там нам уже было легче, потому что с нами артиллерия, танки. И оттуда их прогнали.

Два-три месяца гнали их к финской границе. Трудно было – густые леса, мы стали танковым десантом. Каждое отделение сидит на танке и вперед, а в лесу по нам финские «кукушки» быть стали. Страшно было... Они высоко в лесу сидят, в метрах тридцати – сорока, и оттуда из автомата на нас строчат. Там у нас много ребят погибло... У нас в отделении Вася Токмаков был, мой друг, смоленский парень. И вот как-то они начали по нам стрелять, мы в рассыпную. С Василием рядом упали и вдруг ему прямо в голову разрывная пуля попала... Василий погиб в финских лесах... Но тут нам очень танк помогал. Мы с танка спрыгиваем, а он прямой наводкой как даст – все разлетается!

Потом нам попроще стало. В октябре мы дошли до финской границы. На той стороне такой маленький городок Питкяранта, и в середине октября в уличном бою я был ранен. Где-то рядом разорвалась мина и меня ударило в левую ногу. Я упал, не могу подняться. Пролежал около часа, подходят санитары, на носилки положили в полковой госпиталь. Там обнаружили, что у меня перелом берцовой кости. Наложили шины, обмотали. Через некоторое время наложили гипс. Потом повезли через Ладожское озеро. Я попал в госпиталь в Вологду, где пролежал до марта 1945 года. Стал ходить, возраст-то молодой. Левая нога на полтора сантиметра короче была, но ничего, постепенно привык, даже перестал замечать.

Комиссия в госпитале признала меня годным к нестроевой, тем не менее, всех, кто мог ходить, посадили в эшелон и в конце марта отправили на восток. Едем, и вот как-то ночью, уже в апреле, остановились на какой-то станции, я сошел за кипятком, слышу – казахская речь. Спрашиваю: «Какая станция?» – «Петропавловск». Мы уже на казахской земле были. Потом Омск, Новосибирск, Иркутск. В Иркутске остановились и там нам объявили, что закончилась война с Германией. 9 мая, День Победы, мы в Иркутске отметили. Наш эшелон там целые сутки стоял. Там большая столовая была, баня. Мы помылись, поели и поехали дальше. Через Хабаровск прибыли в город Ворошилов, сейчас это Уссурийск. Там наш эшелон остановился, прибыли офицеры, которые стали нас отбирать в разные части. Я попал в техническую часть, которой командовал капитан Осиповский. В начале августа нам сообщили, что Советский Союз начал войну против Японии и наши войска перешли в наступление.

Наша часть непосредственно в боях не участвовала. Мы шли сзади дивизии и обеспечивали ремонт вышедшей из строя техники. Так мы дошли до Харбина, который освободили наши войска, и там узнали о окончании войны с Японией. Так и закончилась моя военная эпопея – начал на западе, а закончил на востоке.

В 1946 году меня уволили и взяли на комсомольскую работу. Я в партию еще начале октября 1944 года вступил. Я дисциплинированным бойцом был, комсомольцем, и вот мне замполит батальона говорит: «Тотанов, ты вышел из комсомольского возраста. Боец ты дисциплинированный, надо вступать в партию». «Я не возражаю», – и в течение недели мне вручили партбилет. Так что, когда я вернулся на гражданку – фронтовик, коммунист, со средним образованием, меня сразу взяли на комсомольскую работу. В 1951 году я поступил в Республиканскую партийную школу в Алма-Ате. В 1953 году с красным дипломом окончил ее, после чего меня пригласил на работу секретарь нашего Акмолинского обкома партии Николай Иванович

Жорин. Через год стал замом отдела пропаганды, через два года – вторым секретарем горкома партии. Отработал там шесть лет. Потом меня направили инструктором Целинного крайкома партии. В 1965 году, после Октябрьского пленума, Целинный край упразднили и меня направили инструктором в аппарат ЦК компартии Казахстана. Через шесть лет меня направили секретарем обкома в Уральск, где я отработал десять лет, после чего вернулся в Алма-Ату и был назначен председателем Совета по делам религии при Совете министров республики. Наш комитет контролировал выполнение законодательств о религиозных культах, положение о религиозных объединениях в Казахской АССР. Не допускали нарушений. Там я проработал шесть лет, а в 1987 году, в связи с пенсионным возрастом, меня попросили уйти на пенсию, хотя еще мог работать, но кому-то в верхах была нужна эта должность. С 1987 года принимаю участие в работе ветеранского движения.

Спасибо, Сатыбалды Курманович. Еще несколько вопросов. Как жилось в колхозе перед войной?

Полуголодное существование было. Казахский дастархан очень бедный был – хлеб, молоко, айран. Мясо редко видели. Очень скудно жили.

Потом был голод... Во время этого голода половина казахов вымерло... У моего отца было четверо братьев и одна сестра – и все они умерли во время голода, в том числе и мой отец. Тотан и Азар меня спасли, они молодые были и ушли из аула в город. Азар устроилась воспитательницей в детдом, отец, Тотан, устроился рабочим на завод. Кое-что зарабатывали, так мы и выжили. А в аулах все умирали...

Так после голода мы в городе и остались, а наш аул весь вымер... Потом перебрались в Атбасар, и в 1932 году там я пошел в школу. К началу войны уже лучше стало, а как война началась – опять скудно стало. Практически все, что производилось в колхозе, отправлялось на фронт, колхозникам только крохи оставались. Хотя, конечно, голода как в 1932–1933 году не было.

Перед войной у вас были часы, велосипед, радио?

В тридцатых годах в аулах вообще средневековая жизнь была. Никаких часов, никаких велосипедов. Я машину впервые только где-то в сороковых годах увидел, в 1941 году нашему аулу «газик» дали, чтобы колхозный хлеб возить. Единственная машина была. Она целый день от нашего аула до элеватора и обратно крутила.

Школа была национальная или русская?

– Национальная. В то время аулы стопроцентно национальные были, русские поселки отдельно стояли. Недалеко от нас Новоалександровка была, там и русские и казахи жили, а в нашем ауле только казахи.

– Перед тем, как призвали в армию, вы говорили по-русски?

– Почти нет. Хоть окончил среднюю школу, там же нам и русский, и немецкий язык преподавали. По-русски мы кое-как могли говорить, но очень плохо. Но в училище очень быстро овладел русским языком.

В училище вы были в пулеметном батальоне, а в десантных войсках?

Автоматчиком. Нам сперва ППШ с круглым диском выдали, а потом у нас ППС были. Они лучше были – легче, складывающийся приклад, рожок быстрее можно было заменить.

Кроме автомата, какое еще было оружие?

У нас всегда с собой пара гранат была, потом еще десантный нож. Кроме оружия, у нас вещевой мешок был, в котором сухой паек лежал и личные вещи.

Во время прыжков с парашютом у вас оружие было?

Нет. Это же в тылу, так что мы прыгали без оружия, только основной и запасной парашюты.

В бою гранаты приходилось применять?

Да. Когда рядом мина упала, я одну гранату бросил, в отместку наверное.

Под авианалеты попадали?

Нет. Когда второй раз форсировали Свирь, думали, что нас с той стороны артиллерия обстрелять может, или их авиация налететь, но ничего не было. Позиции у них сильные были, но никакого сопротивления там не было. После нашего артобстрела те, кто остался жив, ушли на вторую оборонительную линию.

Вы рассчитывали остаться живым?

Каждый стремится выжить, но никто не знает будешь жив или нет... Когда кругом падают снаряды, мины, идет стрельба... Сколько в финских лесах наших ребят осталось...

Суеверия на фронте были?

Нет. Я за время службы вообще никаких разговоров о религии не слышал.

Со СМЕРШем не приходилось сталкиваться?

Нет. Слышали, что есть такое подразделение. Один раз ко мне даже подходил подполковник, говорит: «Молодой человек, не хочешь...» Я говорю: «По-видимому, я к этому не готов».

Части, в которых вы служили, были многонациональные?

Да. В училище 80 % было казахи, а в десантных войсках у нас все были. В отделении даже один еврей был.

Трений на межнациональной почве не возникало?

Нет. Тогда по национальному признаку или по возрасту никаких проблем не было. Все очень благожелательно относились к солдатам. Все очень хорошо друг к другу относились, и командир роты, и старшина, Васильев. Никакой дедовщины, как сейчас, не было. Во всяком случае, на национальной почве никаких проблем не было.

Информация на казахском языке была?

Нет. В Панфиловской дивизии – там казахскую газету выпускали, но она в Алма-Ате формировалась, национальной дивизией была, а я в другой части был.

После выписки из госпиталя вы были рады, что не попадете в строевую часть, или было огорчение, что не успели повоевать?

Я вообще рассчитывал, что меня демобилизуют. Врачи госпиталя определили, что я не годен к строевой службе, но солдаты были нужны, и меня направили сперва в запасной полк, а потом в технические части. Воевал до победы над Японией.

Награды имеете?

Да. После форсирования Свири меня наградили медалью «За Отвагу». Потом еще медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией». А потом еще орденом Отечественной войны I степени.

Как относились к финнам?

Знаете, финны к нам очень враждебно относились. Очень недружелюбны были. Но нас предупреждали, что хотя финны и немцы очень враждебно к нам относятся – мы должны к ним по-человечески относиться.

А как к финским военнослужащим относились?

Это последний год войны был. Такой ненависти как в первые годы не было. Ненависти к концу войны не было.

Трофеи брали?

Только продовольствие. Как-то у одного финна во дворе овец увидели, командир отделения говорит: «Давайте, у них отберем овец, поедем баранину». Война есть война...

Спасибо, Сатыбалды Курманович.

Интервью и литературная обработка: А. Драбкин.

Жуков Леонид Степанович

Давайте начнем наш разговор с вашей довоенной жизни.

С довоенной, говорите? Значит, родился я недалеко от Нижнего Новгорода, то есть, здесь, в селе Ишеевка, в 1925 году. Это село до сих пор существует. Его, к счастью, пока еще не ликвидировали. В 1937 году я переехал сюда, в Горький, к брату, который жил здесь в Ленинском районе. Думаю, что наш с вами разговор следовало бы вообще начать с того, что наша семья Жуковых очень многое сделала для нашей страны. Так, например, старший брат у меня участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны, был ранен, но впоследствии оказался в немецком плену. После соответствующей проверки выяснили, что за ним нет никаких грехов, и его наградили орденом Отечественной войны. После этого он воевал дальше. Сестра моя, будучи медработником, также участвовала в войне. Тоже имеет соответствующие награды. Что касается среднего брата Валентина (Вали), с которым я с 1937-го года жил, то он работал на авиационном заводе. В армию его не пустили из-за «брони». Так что он находился здесь и был простым рабочим. В детстве я рос хулиганистым мальчишкой. Но ничего, вышел все-таки в люди.

Город Нижний Новгород, а тогда еще Горький, во времена моей молодости был очень красивым городом. По истории я знаю, что именно у нас был впервые пущен трамвай. Сейчас, правда, я не вспомню, в каком это было году, но точно известно, что в одна тысяча каком-то. И это все произошло в городе с населением в двадцать тысяч человек.

Помните ли вы коллективизацию?

Еще совсем маленьким мальшом я запомнил эпизод, когда у нас раскулачивали людей. В памяти остались слезы. Но ведь есть такое выражение: «Москва слезам не верит!» Я тогда учился в четвертом классе. Следовательно, мне было тогда двенадцать лет. Все это происходило в тридцатые годы. Это еще я как-то помню, а больше – ничего.

Довоенные репрессии запомнились?

Нет, это меня как-то не касалось. Да и нашу семью это не затронуло. Конечно, мы слышали что-то об этом: что у нас, мол, «ежовые рукавицы» и все такое прочее.

Чем вам запомнилось начало войны?

Я жил здесь, в Горьком, в Ленинском районе. Это произошло в воскресенье, 22-го июня 1941-го года. До этого мы были строителями детской железной дороги, которая находилась на станции «Родина». Я там работал каким-то проводником или каким-то кондуктором. Честно говоря, мне тогда совсем немного было лет. Все это происходило в таком Ленгородке. Раньше там ничего не было: стояли только двухэтажные да четырехэтажные квартирные дома. Их построили в самом начале тридцатых годов. Там же находился «Дворец спорта», построенный в 1930 году. Это уже потом в Нижнем Новгороде построили наш сормовский дворец и наш ленинский дворец. Короче говоря, я знал обо всех условиях жизни в своем районе. Кроме того, я оказался еще и аккуратным, как говорят, читателем библиотеки на детской железной дороге. Я и сам выдавали ребятишкам книжки. В общем, принимал в этой жизни самое активное участие. Хочу сказать, что ничего из того, что в Ленинском районе было раньше, на сегодня не сохранилось. Все те дома, которые там раньше стояли, были снесены. Все, считай, построили заново. Сейчас Управление железной дороги размещается в новом и громадном здании с часами. А раньше оно располагалось в старом здании. Дальше шел автозавод и сплошные пустыри. Там тогда ничего не стояло. А когда мы построили детскую железную дорогу, то население садилось в детские вагоны и ехало до автозавода. Так что это была огромная помощь для всех людей, не только для ребятишек. Сейчас там нет ничего и похожего. И 22 июня мы не то в парке, не то где-то рядом готовили фейерверк. И вдруг объявили о внезапном начале войны.

После этого мы, как патриоты, естественно, стали рваться в бой, ходили в военкомат и говорили: «Так и так, хотим воевать». Но нам отвечали: «Вы еще сопливые. Вы обождите, когда вас призовут». Потом немцы бомбили наш город. Например, горную часть и, в частности, автозавод.

Правда, наш ленинский городок они своими бомбами не обрабатывали, а только бросали зажигалки. Наш дом спалили. Но нам его удалось спасти. Кроме этого, мы копали траншеи. Все-таки в то время мы считались более-менее взрослыми ребятишками. Но, собственно говоря, эту траншею мы рыли для самих себя. Рядом с нами проходил такой лесок, кругом больше ничего не было. Такие с нами обстояли дела в самом начале войны!

Хотелось бы также отметить, что, будучи шестнадцатилетним подростком, я также помогал грузить на платформы чугунные плиты, из которых в «Красном Сормове» выпускали наши танки.

Когда началась ваша служба в армии?

Значит, в декабре месяце 1942 года, когда мне не исполнилось всего семнадцати лет и сколько-то месяцев, я вместе с ребятами напросился на фронт. Но мы не один раз обивали пороги военкомата. Уже потом, когда началась война, как уже было сказано, я участвовал в тушении пожаров. После призыва в армию я получил направление во 2-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию.

Как так получилось, что вас направили именно в воздушно-десантные войска?

Я туда прошел по состоянию здоровья. Больше того, у нас в Горьком в те годы дислоцировалось училище, которое выпускало летчиков в звании сержантов. И я туда тоже готовился поступать, но мне в военкомате сказали: «Нет, давай просто в армию». И я пошел в армию, думаю, что стану в дальнейшем служить в обычных войсках. Но оказалось, что совсем нет – меня направили в воздушно-десантные войска. Сначала я служил в воинской части, которая находилась здесь, а уже отсюда меня направили в воздушно-десантную бригаду под Москву,

во Фрязино. Соседняя 5-я воздушно-десантная бригада стояла в городе Киржаче. А наша – во Фрязине. Все, как вы понимаете, делалось по дурочке. Когда закончились те бои, в которых мы впоследствии участвовали, всех нас должны были бы на время отпустить. Но командиру бригады Федорчуку дали обещание: «Дадим тебе «героя», если ты сможешь взять Черкассы!» У нас и так оставались в живых одни обормоты-ребятишки. Пожалели бы хоть парней и не пустили бы на эту бойню. Нет, добились окончательно. И получилось так, что при взятии областного центра Черкассы остался в живых каждый тринадцатый. Вы только вдумайтесь в эти цифры: было двенадцать погибших и только один живой оставался. Вот что из этого вышло! И об этом мало кто знал, потому что все данные об этом оказались засекречены. Это уже потом, после окончания Великой Отечественной войны, где-то не то в 1973 году, не то в 1976 году, я сейчас этого уже точно не помню, наш Совет ветеранов на Украине стал этим вопросом, так сказать, вплотную заниматься. У нас в бригаде было три Героя Советского Союза: Петросян, Блунштейн и еще один бронебойщик, сержант. Потом этого сержанта лишили звания Героя Советского Союза, а позднее в нем восстановили.

Так что формирование нашей бригады проходило во Фрязине, а это почти что рядом с самой Москвой. Оттуда мы пошли участвовать в знаменитом Днепровском десанте.

Как шла подготовка к высадке десанта?

Должен сказать, что подготовка шла у нас к этой выброске по-разному. Некоторые наши начальники задолбали нас насмерть. Даже в день вылазки. А так каждый день мы совершали броски, переползания, прыганья с самолета и без самолета. Нагрузку на нас повесили страшную. Но мы как-то это перенесли на себе. Я до высадки, правда, не успел сделать ни одного парашютного прыжка. А так всего у меня имеется 47 парашютных прыжков. Некоторые из них мы делали уже после войны. Помнится, мы тогда стояли в городе Торжке Калининской, а теперь уже Тверской области. Там дислоцировался 45-й учебно-тревожный планерный полк, который выпускал летчиков-планеристов. В этой части я находился довольно-таки продолжительное время. Но там проходила у нас не такая уж серьезная служба. Как говорится, погоды не было, летчикам становилось делать нечего, и они располагались по своим квартирам. Вот и все!

Расскажите подробнее о вашем участии в знаменитом Днепровском десанте.

Хорошо! Кстати говоря, это был второй по счету столь крупный воздушный десант во время Великой Отечественной войны. Он высаживался в ночь с 24 на 25 число в 1943 году с целью освобождения от фашистских войск города Киева. От корпуса предполагалось выбросить десять тысяч человек. Высаживался он тремя бригадами. Это касалось первой бригады, нашей третьей бригады и пятой бригады. Однако по каким-то причинам первая бригада почему-то не попала в состав этого десанта. Вот и получается, что если в самом начале мы находились в резерве, то потом стали фактически передовыми. Наша бригада, а это три с половиной тысячи человек, была выброшена полностью. И еще была выброшена половина с другой – 5-й бригады. Что я могу сказать об этом десанте? Это, по сути дела, была очень страшная и трагическая операция в истории Великой Отечественной войны. За всю историю войны высаживались только два таких массовых десанта. Первый такой десант высаживали под Вязьмой в 1942 году. Второй десант, уже наш, выбрасывали еще через полгода, в 1943 году. Тогда оказалось выброшено около двенадцати – четырнадцати тысяч человек. Сколько точно людей находилось в его составе, до сей поры никто ничего не знает. Это, конечно, была самая настоящая трагедия. Если бы там не было конницы Белова, жрать нам бы оказалось совсем нечего. Но все равно от голода и холода люди умирали. И после этой неудачной выброски десанта все воздушно-десантные войска части и соединения были реорганизованы. Короче говоря, после этого не стало воздушно-десантных войск! Бригады стали полками в составе стрелковых диви-

зий. Так, например, из нашей третьей воздушно-десантной бригады организовалось три полка – 317-й, 322-й и 324-й, которые вошли в состав 103-й гвардейской стрелковой дивизии. Стоит отметить, что наша дивизия еще после Великой Отечественной войны десять лет воевала в Афганистане.

Но вернемся к высадке десанта.

Значит, что такое был этот десант? Это хорошо было писать об этом на бумаге. В натуре же оказалась какая-то дикость. Ведь должны были по плану выбросить десять тысяч человек, то есть весь корпус. А получилось-то что? Полностью была выброшена наша бригада и половина 5-й воздушно-десантной бригады. С высадкой первой бригады совсем ничего не получилось. Бензина на месте не оказалось, машин и самолетов – тоже. В результате этого высадку десанта на этом прекратили. Впрочем, наши уже тогда подумали, что никакой опасности в этих местах нет. Но тут имелось в виду что? Наша разведка установила, что где-то на расстоянии десяти километров по фронту почти никого нет. Вернее, было сказано так: «Ну кое-что там, конечно, есть, но вы справитесь. А так в основном все пусто». Но это оказалось грубой ошибкой. Как раз накануне всего этого на расстоянии ста десяти километров по фронту, там получался разброс пять-семь километров в глубину, немцы ввели своих пять дивизий. А с нашей стороны была выброшена всего лишь половина десанта – пять тысяч без малого.

Помню, в самом начале, буквально перед высадкой десанта, нам сказали: «На все про все вам дается три дня. Ваша задача – захватить территорию и организовать охрану таким образом, чтобы немцы к ней не подошли. В это время к вам должны будут переправиться наши. Вы сдадите основным нашим войскам территорию, которую освободили и сохранили, а сами уйдете обратно под Москву во Фрязино». Вот такая нам была поставлена первоначальная задача.

Но что же получилось в итоге? Наш командир бригады сразу же куда-то пропал. Во всяком случае, мы его не видели. Поэтому воевали с половиной пятой бригады теми силами, которые остались. Но чего мы тогда воевали? Ведь нас даже не только уже выброшенными на боевые порядки и едущими на танке (такое тоже было), но и прямо в воздухе расстреливали. А перкалевая ткань, как известно, сразу загорается в воздухе. Сорок пять наших самолетов по дурочке вышли сразу на открытое расстояние. Когда немцы стали сбивать наши самолеты, то они стали подниматься не на пятьсот или шестьсот метров, а на два километра. Естественно, и скорость тоже увеличили. Так из-за этого разброс получился не на десять, а почти на сто километров.

В первую ночь у нас погибло три с половиной тысячи человек. Так-то, по правде говоря, это было три тысячи с чем-то потерь. Ведь никогда не знаешь, сколько точно погибает людей. Например, я своими глазами сам лично видел, как самолет разламывается и оттуда вываливаются люди. Там же находились не какие-то спортсмены. У кого-то имелось по три, у кого-то – по четыре, у кого-то – по пять парашютных прыжков. У меня, например, их вообще несколько не было. И тебе же еще и говорят: «А чего ты?»

Ну а как только мы высадились, нас стали немцы вылавливать. Ведь нас действовало в составе десанта около сорока групп. Но про нашего командира бригады я уже сказал, что он пропал во время тех самых боев. Раненым его вроде на самолете куда-то отвезли. Потом он, кажется, стал начальником штаба нашей дивизии. Но я этого всего не знаю. С ним вообще вышла какая-то непонятная история. Но нас, честно говоря, истребляли не столько немцы, сколько власовцы и казаки, которые находились на службе у немцев, а также немецкие легионы, сформировавшиеся в Средней Азии. Получается, что нас убивали наши же. И если бы не партизаны, с которыми мы начали вместе воевать, нас бы всех задавили. Но нас и так выискивали как могли. А некоторые местные люди, я прямо могу об этом сказать, нас сдавали. Как это происходило? Вот прячется где-то наш десантник. И местному жителю предлагают, ска-

жем, шесть тысяч марок за него. Так он сдаст нашего брата со всеми потрохами. Украинские полицаи хорошо работали на этом направлении. В плен нас не брали, а расстреливали прямо на месте. А такие вот, как эти полицаи наши, нас вешали на первых столбах, сжигали живьем на деревьях. Естественно, ни о каком плене не могло быть и речи. Нас некуда было девать. Для нас не предусматривалось никакой пощады. Это была, конечно, очень страшная бойня. Сегодняшнему человеку даже представить себе невозможно всю трагичность нашего положения.

Короче говоря, вместо трех-пяти дней, которые нам отводились на операцию, мы пробыли на этом месте почти два месяца. Мы же все ходили в гимнастерках. Нагружали себе в сумки патроны сколько могли. И что хотелось бы отметить? Единственное, что мы более-менее положительного в этой десантной операции сделали – это то, что мы обеспечили переправу нашим войскам на Днепре. Я там был, кстати говоря, три раза. Да и после войны туда ездил. В то время было как? Совет ветеранов всегда, как говорят, действовал. Ты берешь командировку на какое-то родственное предприятие и едешь. Так как сам я по профессии был строитель, то являлся в какой-то трест в Киеве, и мне там ставили соответствующую отметку. После это ты ехал на место боев. Но там, впрочем, собирались далеко не те ребята, которые высаживались в составе Днепровского десанта в 1943 году.

Потом написали, что в этой операции мы подбили 52 немецких танка. Но в основном все это мы сделали на переправе Сакирна. По окончании боев нас разместили в доме отдыха летнего периода. Там, кстати говоря, наша численность доходила человек до трехсот-четыре-пятьсот человек. Но я в этих местах четыре раза побывал.

Впрочем, мы и после десанта продолжали воевать, когда из нашей бригады были сформированы стрелковые полки. Они вошли в состав 103-й гвардейской стрелковой дивизии. Где-то в марте месяце 1945-го года мы приехали в Польшу. Но там нас чего-то не приняли. Сказали: «Вам тут делать нечего». Мы там пожили где-то с неделю, после чего нас посадили обратно в эшелон и привезли в Венгрию. Там мы за три дня совершили марш-бросок на двести километров. Но мы, честно говоря, все время двигались пешком. Дело шло к концу войны. Потом мы обеспечивали освобождение столицы Венгрии – города Будапешта. Были, в частности, на огромном озере Балатон. Надо сказать, мы тогда прошли через всю Венгрию. Также стоит отметить, что наступали мы все время, проходя каждый день по двадцать пять – тридцать километров. И все время ходили пешком вконец ободранными. Вот я, к примеру, в чем ходил? Я воевал как пехотинец и ПТРовец. Так, например, противотанковое ружье, которым меня наградили, у нас на фронте называли не иначе как «Прощай, Родина!» Что такое ПТР против немецкого танка? Ты в него, как говорится, все равно не попадешь.

Все это, конечно, было. Ведь я был на фронте не просто каким-то политработником. Я – настоящий ветеран Великой Отечественной войны. В Интернете на сайте «Подвиг народа» можно найти сведения о моих наградах. Вот когда мы взяли столицу Австрии – Вену, вроде все успокоилось и мы вернулись на место своей постоянной дислокации. Это случилось уже в первых числах мая 1945 года. После этого я в чем, собственно говоря, ходил? На мне были гражданские брюки, венгерский китель цвета хаки, сверху – хромовый офицерский уже немецкий китель. Шапка ушанка оставалась наша: чтобы можно было различать, свой я или чужой. Больше ничего на мне не было. И вот, когда я походил так три дня, нас снова обмундировали и отправили пехом с Венгрии в Чехословакию. Оказывается, там фельдмаршал Шернер отказался сдаваться к нам в плен и не подчинился капитуляции. И получается, что мы «доосвобождали» Прагу от немцев. Кончили мы воевать фактически 14 мая. Все вылавливали этих фашистов. Но там против нас воевали в основном наши, то есть власовцы.

Были ли вы во время войны ранены?

Во время войны меня очень здорово ранило на Украине. Большое я тогда получил ранение. Об этом нечего и говорить. Последствия его дают знать о себе до сих пор. Не так давно,

когда я лежал в местной третьей больнице, у меня стали все проверять и обнаружили, что в кишках что-то перебито. Между прочим, на этих процедурах мне все это что-то очень долго перемывали. Потом сказали: «Иди в туалете посиди, пока все не освободится». И потом действительно что-то нашли. «А что у тебя там такое на семь миллиметров?» – стали меня спрашивать. Говорю: «Не знаю». Мне ответили: «Так металл там у вас. Чего он до сего времени у вас торчит?» Говорю: «Я не знаю». Оказалось, что металл буквально до последнего времени у меня не сходил.

А когда я получил ранение, у меня перебило лопатку. Я не мог повернуться. Нас было трое человек. Со мной все возились наши ребяташки. Но что они будут с таким человеком, как я, связываться? Я же тогда орал просто невозможно как. Лопатка ведь перебита! Они мне сказали: «За тобой придут». Ну и бросили после этого меня одного. Лежу и про себя думаю: все, мне хана. Крови особой у меня не было. Если бы она шла, то я бы ею истек и умер от ее потери. Ведь я даже не мог чуть-чуть отползти. Но где-то через пару дней меня все-таки подобрали местные люди. Они меня на лошади привезли в госпиталь. Лечили, правда, меня там совсем недолго.

После этого проходит сколько-то времени, как вдруг ко мне приходит КГБ-шник и спрашивает: «Слушай, вот вы были там у немцев в тылу. Вы не знаете, кто еще вместе с вами был». Говорю: «Знаю. Но точно не Иванов». Говорит: «По именам всех называй. Где живет? Адрес знаешь?» «Нет, – отвечаю, – не знаю». «А офицеры кто с вами были и где?» «Появился один, а потом пропал, – ответил я ему. – Мы его не видели». «Слушай, – спрашивает тогда он меня, – а где ты был и чем занимался?» И если бы мне не попался политработник, который знал моего двоюродного брата Валю – они вместе работали в Волжском речном пароходстве, все могло бы быть намного хуже.

Этот же политработник мне потом сказал: «Слушай, ты даже никому не говори обо всем этом, ранен ты там или не ранен. Я скажу, чтобы тебя выписали и дали тебе бы отпуск по болезни, по лечению. И ты в военкомате все, что нужно, найдешь. Поезжай. И не говори, смотри, ничего никому».

А ведь нас тогда болталось по Украине сорок групп. Где их регистрируешь? Причем там еще вот что получилось. Начальник штаба и командир бригады находились в одном месте, а, скажем, те ребята, у которых имелись все эти коды и прочее – в совершенно другом. Кроме того, когда забрасывали группы в тыл, питание находилось у рядовых в совсем другом самолете. Короче говоря, кругом все оказалось разбросанным. У нас, можно сказать, где-то около двух недель вообще ничего не было. Ведь наши недобыбросили пять тысяч человек. Связи никакой не поддерживалось. И лишь только когда спустя две недели кто-то смог к своим пробиться, ситуация стала более-менее нормализовываться. А ведь все команды, которые оставались в этих местах, снялись и уехали. Оставался только дежурный. А связь не работала: не открытая, ни какая-то другая. И когда наши прорвались к своим, то сказали: «Вы что, паразиты, никак нам не помогаете? Мы здесь с голоду сдыхаем. И власовцы, паразиты, нас бьют». Так что только спустя две недели у нас установилась связь с такой 254-й стрелковой дивизией. Там находились такие майор Дягилев и Дегтярев. Только после этого нам стали хоть как-то помогать.

Часто ли вам приходилось подниматься в атаку?

Мы делали это почти что каждый день. Ну как же? Если мы идем с боями, то тут обязательно будут атаки. Но у нас, собственно говоря, какая была тактика? Ведь немцы шли как «подвижные» группы, а мы все больше преодолевали свои расстояния пехом. Бывает, только мы до них дойдем, как они садятся и уезжают километров за тридцать или пятьдесят, закрепляются там и ждут нас прямо на месте. Мы, естественно, все свое расстояние проходили

пешком. Вот они укрепились, как у нас говорили, на рога. Плохо это или хорошо, но мы все равно идем.

Какие ощущения испытывали во время атаки?

Хе-хе [смеется], никаких ощущений не испытывали. Был только общий порыв и все. В такой обстановке человек, как правило, уже не владеет собой. Шла такая общая, как бы сказать, волна. Уже после того, как состоялась наша выброска и часть из нас выжила, многие вещи прояснились. Тогда, перед выполнением того задания, мы, безусловно, и сами знали, что не вернемся. В истории Великой Отечественной войны, к сожалению, десантники не смогли себя показать. И когда случилась эта страшная трагедия, то Жуков и Ватутин, которые командовали той самой выброской, подали Сталину бумагу, в которой говорилось, что надо бы привлечь к ответственности командующего воздушно-десантными войсками и командующих другими войсками. Сталин написал резолюцию: «Прекратить!» А вообще в этой непростой обстановке у нас шла вражда с летчиками. Почему? Ведь это летчики так десант разбросали. Как же? Они тоже немцев боятся. Дело доходило чуть ли не до убийств. Летчиков ведь даже избивали.

Вы помните какие-то конкретные случаи?

Да. В городе Быхове в Белоруссии сколько раз такое бывало. А избивали летчиков почему? Потому что считали, что виноваты во всем они, авиация. Ведь они такой разброс сделали: вместо того, чтобы спуститься на пятьсот метров, стали выбрасывать нас с расстояния два километра. Конечно, летчиков понять можно: их в то время тоже немцы стали сбивать. Они же тоже живые люди и хотят сохранить себе жизнь. Между прочим, эта вражда между десанниками и летчиками еще долго продолжалась. И после этого Сталин написал: «Воздушная операция, организованная Воронежским фронтом 24 сентября 1943 года, провалилась, вызвала ненужные и массовые жертвы. Руководители этой операции должны были понять, что выброска десанта в ночное время на своей территории сопряжена с определенными трудностями. А вы что начудили тогда?» И после этой нашей операции, повторюсь, все воздушно-десантные войска были реорганизованы. Фактически их не стало. Их восстановили лишь только где-то в начале пятидесятых годов. Ведь наш полк сначала имел такое название – 317-й воздушно-десантный посадочный полк. Потом с такой же нумерацией он стал стрелковым полком. А после ему вновь вернули название воздушно-десантного полка.

Встречали ли вы местное население в Венгрии? Как оно к вам относилось?

В Венгрии нас встречали нормально. Больше того, когда мы там воевали, они часто сдавались к нам в плен. Из-за этого нужно было идти «пехом» и их сопровождать. Поэтому зачастую им просто говорили: «Идите туда-то и туда-то». И они переходили через какую-то небольшую речонку по сломанному дереву. Им все говорили: «Дуй, дуй». Нет, они встречали, между прочим, нас во многих местах очень хорошо. У меня имеется небольшая книга нашего командира полка, ставшего потом генералом, которая называется «Мне часто снятся те ребята». И пишет он как раз об этом же самом: приедешь и нет-нет да и встретишь венгра. Но венгры с нами почти и не воевали. Должен сказать, что, когда мы наступали не на своей территории, причем как в Австрии, так и в Венгрии, местные сидели и тряслись в каких-то подвалах. Мы у них ничего и не спрашивали, кроме часов. Но сами, помню, ходили все ободранные. Глядя на нас, было сложно понять, кто это. Такой мы имели вид. Это продолжалось, по сути дела, весь март, апрель и май 1945-го года.

За что вас наградили орденом Славы 3-й степени?

Старший сержант Леонид Жуков

Ну как тебе сказать: за что наградили? За ряд боев. Вот медалью «За отвагу» меня отметили за конкретное дело: за то, что я обеспечивал переправу и ликвидировал расчет – убил пять человек гитлеровцев. Мы можем посмотреть сейчас на моем компьютере мое представление. Правда, эта зараза все время жужжит и тормозит. Я все-таки не так ловко обращаюсь с техникой, как, может быть, вы.

Встречались ли вы с бандеровцами?

А как же не встречались? Но мы конкретно не знали, бандеровцы это или нет. Мы понимали, что это какие-нибудь бандиты. Откуда мы могли знать про них что-то конкретное? Я что, какой-нибудь генерал или низовой офицер питания? Конечно, нет, упаси Бог.

Испытывали ли вы на фронте страх?

Конечно, нам было страшно. А как же? Особенно это проявлялось в такие моменты. Представь только себе. У меня – противотанковое ружьишко, как вдруг появляется немецкий танк «Тигр». Ну что я могу с ним сделать? Ну чего? Он раздавит меня, как мокрицу. Конечно, страх всегда был. Тем более, что я не любил это противотанковое ружье ПТР. И знаете, почему? Вот у меня на фронте был командир взвода ПТР. В его подчинении находилось четыре взвода. Сам я командовал противотанковым отделением. Но меня почему-то все время отдавали под начало командира стрелкового взвода или стрелковой роты. И мы, три расчета, отходили от своего непосредственного командования и не знали, что нам у стрелков делать. Ведь этому новому командиру мы, как говорят, были до лампочки. «Иди, – говорил он тебе, – вперед». А немцы в таком случае вообще могли забрать тебя в плен. Дело доходило чуть ли не до драки или скандала. Но тебе все равно говорили: «Иди вперед. Ты все равно должен наших встречать». Один раз, помню, мы крепко попались. В том бою я сбил немецкий самолет. Но как сказать – сбил? Может, это сделал я, а может – не я. Стреляли ведь все. Наш батальон тогда остался в резерве. Командир батальона находился отдельно со своей группой. С ним были отдельно взвод ПТР, минометчики и тому подобные.

И получилось что? У него не оказалось карты, и он из-за этого не знал, куда ему нужно идти. В итоге мы напоролась на немцев. Причем там вот еще какая получалась вещь. Как только мы подошли к месту, они почему-то допустили нас до кустарника. Ведь они и до этого запросто могли нас перебить. Там для этого имелась свободная площадка. Нет, немец нас допустили до кустарника, а уже потом половину из нашего взвода перебил. Потом они сели на свою технику и куда-то уехали, как вдруг прямо из за кустов вышли наши танки. Оказывается, они по нам стреляли. «А откуда вы тут?» – спрашивают они нас. Все они оказались пьяными. Но какой-то капитан так вообще пошел вперед с саблей наголо. Ну что об этом можно сказать? Жизнь есть жизнь. От нее, как говорят, ты никуда не денешься. Дураки тоже встречались на фронте. Те танкисты, помню, нам сказали: «Ну откуда вы здесь? Вы не должны были здесь быть, вы, наверное, заблудились». Потом мы пошли дальше. Через какое-то время напоролась на немецких «мессеров» и стали по ним стрелять. Я тогда был один ПТРовец. Вместе со мной находился другой ПТРовец – Матвиенко. Так он что сделал? По дурочке свое раздвижное ружье не закрепил. Так у него все это дело взорвалось и ему побило лицо. Но он ничего, более-менее сохранился. Он, как и все ребята, оказался родом из города Фрунзе. Правда, я уж не знаю, русский он там был или украинец. Тогда же мы еще подбили немецкий самолет «мессершмидт». Но кто из нас подбил, было неизвестно. Я стрелял зажигательными. Но били по этим самолетам мы из всякого оружия: и из пистолетов, и из карабинов, и из автомата ППС. В то время я оказался приданным командиру стрелкового подразделения. Так вот, когда вся эта кутерьма закончилась, он мне сказал: «Там недалеко, с километр или с два километра, упал самолет. Был взрыв. Иди туда, найди его и докажи, что ты по нему стрелял и его сбил». Я ему говорю: «Да, может быть, это и не я по нему стрелял». «Ты иди!» – сказал он. Мы пошли втроем. Но как только через речку перешли, так и решили: «На хрен нам все это нужно?» Мы посидели, как следует покушали и вернулись обратно. А этот командир даже забыл о команде, которую он нам только что дал. Понимаете, в фронтовой жизни случаются всякие ситуации.

А вообще какие потери вы несли в десантных войсках?

Об этом я вам так скажу. У нас во взводе ПТР насчитывалось сорок человек. Остались в живых я и Дедков. Но он был немного постарше меня, с 1918 года. Но я, впрочем, не утверждаю того, что все остальные ребята погибли. Кто-то, конечно, был ранен, кто-то убит, кто-то – пропал без вести. Но все равно со старого состава кто-то остался в живых. А уж про десант нечего и говорить. Потери тогда мы понесли огромнейшие.

Как вас кормили на переднем крае?

Когда мы, например, находились на территории других государств, нас почти и не кормили. Мы были на подножном корме. Скажем, когда мы проходили через Венгрию, то там нам доставался хлеб, какие-то молочные продукты и кое-что другое. В Австрии так я вообще впервые в своей жизни увидел закрытые консервы. Ведь у нас ничего этого не было. Иногда питались печеньями и сухарями. А так, как говорится, что найдешь, то и будет твое. Довольно часто нам приходилось встречать картину. Вот приходишь в населенный пункт, а там никого нет. Заходишь в дом – а там бах, между дверью висит какое-то барахло. Как-то у меня остался один такой случай в голове. Значит, когда мы так бродили по населенным пунктам, началось наступление. В результате этого нас накрыли наши же «катюши». И когда кончилось нападение на нас своих людей, картинка представилась следующая. Кругом валяются наши люди с оторванными руками, кишки у них вылезли, и они орут: «Слушай, убей меня. Пристрели!» Все они, как говорят, мучаются. Но я не про это хотел сказать. У этого раненого снизу выглядывает серый костюм, сверху – черный костюм. Короче говоря, на нас оказалось полно этого заграничного барахла. Ведь все мы были деревенскими ребятами и ничего этого в своей жизни не видели. Откуда там и чего? Поэтому и одевались кто во что. На нас была только одна

шапка «Малахай», а больше – ничего. Мы и водку-то на фронте даже не пили. Нам ее, как говорится, не успевали подвозить. Вот, например, моим непосредственным командиром оказался москвич. Звание у него было старшина. Я у него потом даже в Москве дома ночевал. Так вот, случалось такое, что он, бывает, и привезет к нам на передовую что-нибудь из спиртного. А так я не пил и не курил. Это уже потом я, как говорят, закурил.

Приходилось ли вам иметь дело с немецкими пленными?

Понимаешь, я могу сказать тебе такую вещь. Когда мы освобождали Прагу, то нам попадались наши пленные власовцы. Но их у нас расстреливали без суда и следствия. Вот, скажем, поручили это дело нашим Петру и Ивану. Сказали: «Отведи их вон туда-то и туда-то». Через полчаса они возвращаются и говорят: «Ой, они там-то разбежались. Мы по ним стреляли. Не знаем, куда они и делись».

То есть они их должны были сопроводить, но приказа не выполнили и их уничтожили?

Да. Да и далеко им было идти. Они решили, что проще их всех уничтожить. Этих власовцев, конечно, больше ненавидели, чем немцев. Да и тем более дело шло к концу войны.

Были ли вы религиозным на фронте?

Знаешь, один раз на фронте мне приходилось вспоминать про Бога. Создалась страшно тяжелая обстановка. Находясь в Австрии, в горах, мы угодили к немцам в тыл. Тогда, помню, мы поднимались в горы примерно на километр. Вот идет, скажем, один солдат с ружьем или с автоматом. Тяжело ему, конечно, тащить все на своем горбу. Другое дело, если он едет на танке. Все это происходит при сорока пяти градусах мороза. Ты идешь и думаешь: «Сдохну, наверное, сейчас». Ведь внутри у тебя все разрывается и горит, ты – весь в поту. Так вот, заходим мы наверх, а там – снег. Костер разжигать категорически запрещено. А тебе холодно. Кругом – такая нехорошая изморозь. И в это самое гибельное время немцы начинают нас обстреливать. И нас здесь, откровенно говоря, так прижало, что я сам себе сказал: «Господи, я поверю в тебя, если останусь живой». Вот это на самом деле со мной было. Но прошло после этого сколько-то времени, и я об этом случае забыл. Но позднее все-таки уверовал в Бога. И то, что он меня спас, отрицать никак невозможно. Многие наши солдаты шли в бой с Богом, хотя одновременно и со Сталиным. Конечно, в основном, эти выкрики – «За Сталина» – делали наши политработники. Как этого не могло быть? Я уже рассказывал тебе про то, как прямо на моих глазах убили комсорга.

Он кричал: «За Сталина, вперед!» Зачем ему это было нужно, я до сих пор понять не могу.

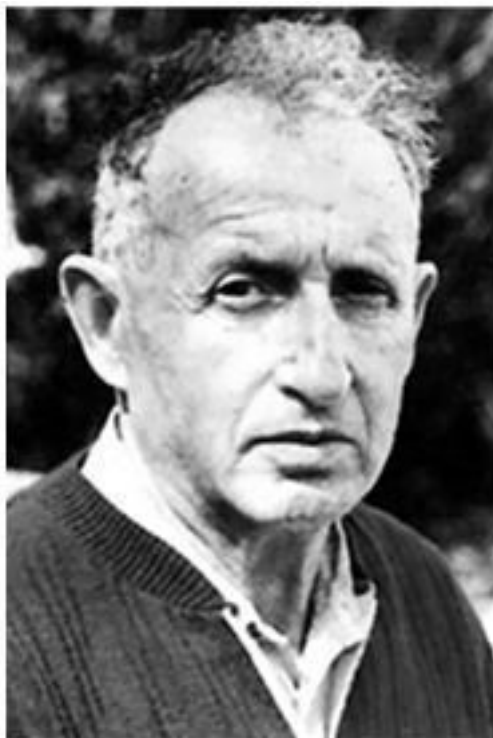

Леонид Степанович, Жуков, наши дни

Я уже рассказывал тебе, что этот немец допустил нас до кустов, перебил половину, поднялся в гору и уехал... А так бы, если стал стрелять по нам сразу, убил бы всех. Там было что-то типа панели. Рядом протекала речушка или даже не большой ручей, в котором почти не оказалось воды. Вот и такие тоже бывали на фронте случаи.

Интервью и литературная обработка: И. Вершинин.

Соколовский Фроим Шнеерович

Я родился 4 января 1925 года в городе Богуслав Киевской области. В 1933 году семья переехала в город Белая Церковь. Мой отец был советским работником. В 1938 году его арестовало НКВД, но через короткое время отца выпустили из тюрьмы. Он рассказывал, как его били следователи целую неделю подряд, устраивая только короткие перекуры, требуя, чтобы он подписал протоколы фальшивых показаний. В 1941 году я окончил семь классов школы. Через месяц после начала войны мы эвакуировались в Сталинград, Там я учился в школе ФЗО (фабрично-заводского обучения). Голодуха...

В 1942 году с приближением немцев к Волге нас эвакуировали в Казахстан, в Актюбинскую область. Пошел работать токарем в МТС. Смены по двенадцать часов, помещение не отапливалось. Начались морозы, степь завалило снегом, а у меня из всей одежды – старый пиджак и брюки, да легкие парусиновые туфли. В ноябре сорок второго я доехал восемьдесят километров до Актюбинска, пришел в военкомат и стал проситься добровольцем в армию. Мечтал об авиации и попросил направить меня в летное училище, но работники военкомата сразу отрезали: «Куда надо, туда и пойдешь!». С группой добровольцев меня привезли в Уральск, где размещалось в войну Одесское пехотное училище. Проучились почти пять месяцев, наш курс был ускоренным, но в конце марта 1943 года наш курс был расформирован, всем курсантам присвоили звания младших сержантов, и мы ожидали скорой отправки на фронт, в действующую армию. Отобрали по списку примерно двести человек, погрузили в теплушки и повезли на запад. Думали, что едем на фронт, но один из сопровождавших нас офицеров-«покупателей» проболтался в дороге, мы отобраны для службы в ВДВ и направляемся в город Кержач, на место формирования воздушно-десантной бригады.

Как бывшие курсанты восприняли такую новость?

Спокойно восприняли, многие даже радовались. Мы тогда еще плохо представляли, что такое десант, и с чем его едят. Но в принципе, нам было все равно где бить врага, в пехоте на передовой или падать десантом с неба во вражеский тыл. Мы все были молодыми патриотами

и тогда стремились побыстрее вступить в схватку с врагом. Привезли нас на формирование 17-й воздушно десантной бригады. Чуть позже в Ступино прибыл еще набор из курсантов Краснохолмского пехотного училища, несколько сотен человек, и нас начали распределять по батальонам. Я попал в пулеметную роту 2-го воздушно-десантного батальона бригады, первым номером в расчет пулемета «максим».

В десантные войска существовал какой-то строгий отбор или просто, сразу, целыми училищами загоняли в десантные бригады?

Не всегда «загоняли училищами», но в принципе, курсанты-пехотинцы всегда являлись отборным человеческим материалом во всех аспектах – от преданности Родине до физического состояния, и я думаю, что решение формировать десантные части на «курсантской» основе было мудрым. Но не всегда в бригады ВДВ, как тогда говорили – «в личный резерв товарища Сталина», попадали только комсомольцы с чистыми анкетами. Параллельно с нашей бригадой шла формировка еще нескольких новых воздушно-десантных бригад. Возле Белых Столбов формировалась 4-ая бригада ВДВ. Треть бригады составляли бывшие курсанты военных училищ, треть – кадровые моряки Тихоокеанского флота, еще довоенного призыва, и треть – заключенные из Якутии. В лагерях отобрали молодых уголовников, подходящих по здоровью для десанта, и прислали тысячу с лишним зеков на службу в ВДВ. Десантник Евгений Подольный служил в роте ПТР в 4-й бригаде, и, если хотите, я могу вас с ним связать, и он сам вам все подробно расскажет об этой бригаде.

С чего началась подготовка будущих десантников?

Сразу занялись изучением конструкции парашюта и правил его укладки. Уже через десять дней начались учебные прыжки с аэростата. Поднимали «колбасу» всего на четыреста метров, а иногда и ниже, хотели успеть пропустить всех десантников через прыжковый «конвейер». Многих колеблющихся просто выталкивали из корзины аэростата, но мне хватило духа сделать первый прыжок без помощи пинка «вышибалы» – инструктора. Сделали по пять прыжков с аэростата, потом начались десантирования с самолетов «дуглас». Говорили, что будем прыгать с двух тысяч метров, но почти всегда нас выбрасывали с высоты меньше полутора километров. Прыгали много, я сделал примерно двадцать пять прыжков.

Как поступали с «отказчиками»?

«Отказчиков» выталкивали из самолетов, а тех, кого не смогли вытолкнуть или убедить, что прыгать надо, – отправляли «через трибунал» в штрафные роты. Но «отказчиков» было мало, все-таки в десант набирали хороших ребят, смелых, крепких, грамотных, сильных духом. За свою жизнь, у нас, по молодости лет, мало кто цеплялся и дрожал. В десанте вообще любой разговор был коротким. Дисциплина жесточайшая. За самоволку или драку – трибунал, за любую мелочь, будь то пререкание со старшим по званию или невыполнение самого пустякового приказа – штрафная рота. И когда я сейчас вам это говорю, то не сгущаю краски. Так было на самом деле.

Вы были пулеметчиком. Как десантировался пулемет «максим»?

В специальном десантном грузовом мешке, пулемет был разобранным на части. В мешок еще вкладывали две коробки с лентами, на 250 патронов каждая. Мешок с пулеметом выталкивался с «дугласа» перед нами, а потом мы прыгали. Расчет пулемета, состоял из трех человек, и, кстати, личного оружия не имел. Бойцы расчета имели при себе только по две гранаты Ф-1, ножи десантника и саперные лопатки.

Что вменялось расчету в обязанность после приземления?

Найти парашют с пулеметом и привести «максим» в боевую готовность. На это отводилось по уставному нормативу ровно полторы минуты. А если расчет не находил свой пулемет, даже на тренировочном прыжке, то его ждал трибунал. Исключений ни для кого не делали.

Какую-то специальную подготовку пулеметчики-десантники проходили?

Да. Были занятия по «специальным дисциплинам» и во время формирования, и позже, на переподготовке. В Звенигороде было десантное училище, и нас туда посылали на два месяца. Учили рукопашному и ножевому бою, ориентированию. Но, например, у нас не было курса по минно-подрывному делу. Нас очень хорошо научили убивать врага.

Кто командовал Вами? Кто входил в Ваш пулеметный расчет? С кем дружили?

Батальоном командовал капитан Сохненко. Сельный комбат, но... Очень жестокий был человек... Но в 1946 году, он вдруг подобрел по отношению ко мне и даже не препятствовал, когда от командования полка я получил отпуск на родину. Были дивизионные «соревнования», ночные стрельбы пулеметчиков. Из сорока восьми расчетов только мой расчет поразил все цели, и комбат объявил о поощрении за отличную стрельбу, и даже говорил со мной как с человеком. А до этого... Командовал нашей ротой старший лейтенант Фаттахов, попавший в бригаду после госпиталей. Ротный уже успел повоевать, был ранен. Прекрасный человек и боевой командир. По национальности он был татарин. Командиром нашего пулеметного отделения был Вася Юматов, парень из Ярославской области. Моим вторым номером был Ананий Тимофеевич Павлюк, украинец, родом из-под Хмельницкой области. Дружил я с нашим санинструктором Сеней Середницким, сейчас он живет в Кургане. Семен спас мне жизнь в апреле 1945 года, когда вытащил меня тяжелораненого из-под немецкого огня. Дружил с Васей Артамоновым, он погиб в начале мая 1945 года. Но мне не довелось хоронить своего боевого товарища, я тогда в госпитале лежал. Тогда же погиб мой друг Трояновский, родом из Пятигорска. Он мечтал стать после войны летчиком. Он, уже раненый, лежал на телеге и ждал отправки в санбат, как налетели немецкие самолеты, и его убило во время бомбежки. Выжил на войне мой близкий друг, пулеметчик Василий Осиковский, кавалер двух орденов Славы, смелый солдат и умный человек. Был нашим ротным парторгом и в сорок третьем году давал мне рекомендацию при приеме в партию. Он призывался из Ташкента и после демобилизации вернулся в Узбекистан. Ушел из жизни пять лет назад.

Несчастные случаи на учебных прыжках часто происходили?

Как вам сказать. Нам объясняли технику безопасности при выброске на лес или во время ночного десантирования. Здесь многое зависело от самого парашютиста. Прыжки с приводнением мы отрабатывали на озере, и внизу, в лодках, нас страховали товарищи. Но был случай, что один из нашей роты расстегнул свой парашют, не долетев метров тридцать до поверхности озера... и камнем ушел в воду. Раз в две недели мы проводили «пересбор» – снова проверяли укладку своих парашютов. Прыгали всегда с основным и запасным парашютами, и хоть и говорят, что «парашют надежен, как валенок», а мне один раз пришлось воспользоваться запасным парашютом.

Как кормили и одевали десантников во время подготовки в тылу?

Кормили сытно, по «форме № 5», часто давали рисовую и овсяную кашу с тушенкой, по двадцать грамм масла на человека в день. В обычных стрелковых подразделениях о таком пайке могли только мечтать. Одевали нас тоже неплохо. У многих были десантные шлемы, куртки и бушлаты. После того как на фронте нас стали использовать в качестве обычной пехоты, приказали сдать все обмундирование, имеющее отношение к ВДВ, но многие все равно

оставили у себя шлемы и бушлаты, как память о десанте. Сапоги во время прыжка привязывали к ноге кусками строп.

Когда впервые части бригады были выдвинуты на передовую?

В сентябре бригаду отправили на Украину, к Днепру. Привезли в Сумскую область, разместили с парашютами в палаточном городке. Мы простояли там две недели, и дважды нам объявляли приказ о высадке, и дважды этот приказ отменялся в последнюю минуту. В конце октября нас вернули в Подмоскowie. Вы о трагедии Днепровского воздушного десанта что-нибудь слышали?

Да, я встречался с участником этого десанта Лихтерманом из 3-й ВДБр.

Ну, тогда в курсе того, что там произошло и понимаете, почему отменили выброску нашей бригады вслед за ними.

Какие чувства испытывали десантники, узнав об отмене ожидаемой выброски во вражеский тыл за Днепр? Каким было настроение?

Да в основном мы были все рады, что высадка не состоялась и что мы остались живы. Мы же прекрасно знали, какая «кровавая баня» и бойня нас там ожидают... Осенью сорок третьего мы уже немного поумнели, и помирать никто из нас особо не торопился... Начиная с мая 1943 года, из бригады часто отбирали группы десантников для выполнения диверсионных заданий в немецком тылу. Ни один из них живым назад в бригаду не вернулся. Так что нам весь расклад был ясен до предела.

Где бригада приняла свой первый бой?

В феврале 1944 года нас вновь привезли на Украину. Мы заняли оборону во внешнем обводе Корсунь – Шевченковского окружения. Перед этим поступил приказ сдать все парашюты, и с того момента мы только формально числились десантниками, а воевали как простая пехота. Нас влили в состав бывшей дивизии ВДВ. Ожесточенные бои на нашем участке шли четверо суток. Немцы предпринимали в день по пять атак, атаковали в лоб, шли на нас «тараном» после массивной артподготовки. На третий день боя меня ранило. Пуля попала в плечо. Меня отвезли в наш санбат. Только поменяли повязку, как пришли машины за тяжелоранеными. Попросили помочь с погрузкой. Мы помогли, а нам говорят: «Садитесь в кузов, там разгружать некому». Проехали по разбитым дорогам 15 километров, попадаем в армейский госпиталь. Машины ушли, а мы, легкораненые, застряли в этом госпитале. Врачи мою рану осмотрели и решили меня отправить дальше в тыл. Но я не хотел расставаться со своими ребятами и через день сбежал из госпиталя в свой батальон, который как раз в этот момент снимали с передовой на переформировку.

За три дня боев бригада довоевалась до такого состояния, что ее были вынуждены отвести на переформирование?

Бои были очень тяжелыми. Мы потеряли больше семидесяти процентов личного состава.

Что происходило на переформировке?

Ничего особенного, отошли от линии фронта, но, как ни странно, окопались по полному профилю. Отличившимся в февральских боях десантникам, вручили награды, я получил свою первую медаль «За Отвагу». Пришло пополнение. Весной 1944 года нас несколько раз поднимали по тревоге, перебрасывали к передовой, но в бой мы не вступали. Но летом мы уже наступали в Румынии, вошли во вражескую оборону как нож в масло. Из Румынии нас направили в Белоруссию в район поселка Марьины Роци, вывели в резерв Ставки ВГ. Мы

там считались частью 12-й дивизии ВДВ. Сюда стягивали несколько десантных бригад – 14-гв. ВДБр, 15-ая гв ВДБр... Парашюты нам не вернули. Мало кто из прибывших десантников уже имел боевой опыт. Но было подкрепление из солдат-фронтовиков, вернувшихся после лечения в госпиталях. В пополнении не было украинцев с освобожденных оккупированных территорий, мы продолжали считаться элитой, гвардией, как тогда говорили – «полками пролетарской крови». Иногда нас группами по пятнадцать – двадцать человек посылали на прочесывание лесов, вылавливать бывших полицаев и власовцев, скрывавшихся в глухих лесных массивах. Здесь мы простояли несколько месяцев, до зимы 1945 года. Вскоре нам объявили, что из наших десантных бригад здесь, в Белоруссии, формируется по приказу Верховного 9-я Гвардейская Воздушно-десантная армия под командованием генерал-полковника Глаголева. Наш батальон стал частью 345-го гвардейского стрелкового полка 105-й гвардейской СД 38-й СК. Большую часть полка составили десантники из 14-ой гв. ВДБр. Дивизией командовал Герой Советского Союза Денисенко, а нашим полком – полковник Мокшин, после него был полковник Котляров. До середины января в дивизии постоянно проходили боевые учения. А потом мы отправились на фронт. Погрузились в эшелоны, приехали в Польшу. Ждали приказа. А потом снова переброска, уже в Венгрию. Выгрузились, сделали марш километров на двести пятьдесят, и вступили в бой...

В отражении немецкого танкового удара в Венгрии в начале 1945 года Ваш полк принимал участие?

Принимал – не то слово... Пулеметы ставили рядом с артиллерийскими орудиями. Артиллеристы били по танкам, а мы стреляли по танкистам, покинувшему свои подбитые или горящие боевые машины, и отсекали мотопехоту.

Я в трех разных источниках прочитал, что за бои на Балатоне Вас представляли к званию Героя Советского Союза. Это верно?

Был такой эпизод в моей биографии... Целый год потом провел в ожидании указа.

Расскажите об этом подробнее.

Батальон занял позиции на господствующей высоте. Закрепились, подготовили позиции, приготовились к бою. А потом немцы начали массированный артобстрел, артподготовка длилась очень долго. Немцы пошли в атаку. Против нас воевали части СС, а эти «хлопцы» воевать умели не хуже нас. Крепко нас придавили... Все с высоты побежали. Не удивляйтесь, и десантники иногда отходили без приказа. А я со своим вторым номером Павлюком остался на позиции. Подпустил немцев метров на тридцать и рубанул по ним из пулемета от всей души. Потом, после боя, перед моей позицией насчитали пятьдесят немецких трупов. Немцы отошли. Я успел поменять позицию, и тут они полезли во вторую атаку. Снова отбились. Отправил к праотцам еще двадцать одного немца. Наши поняли, что высота держится, и потихонечку все вернулись в свои оставленные в панике траншеи. Пришел командир полка вместе с начштаба Баляцким. Посмотрел на поле боя, ему доложили количество убитых немцев перед моими позициями. Комполка приказал: «Соколовского представить к Герою, второго номера к Красному Знамени!» На следующий день меня вызвали в штаб дивизии. Там со мной беседовали два полковника: начальник штаба дивизии Попов и начальник политотдела дивизии. Я зашел в дом, они мне дали попить, спросили, хочу ли я покушать. Я сказал, что не голоден. Долго расспрашивали об обстоятельствах боя, о моей прежней воинской службе, интересовались моим происхождением. А потом заполнили наградной лист, представление на звание Героя. Комдив Денисенко его подписал в тот же день. Я вернулся к себе в роту, но вести о том, что сержант Соколовский, считай, что уже Герой Советского Союза, быстро прилетели в батальон. И как говорится, «народ ко мне потянулся»... И все... Ни слуху, ни духу... Кончилась война, дивизи-

зия в 1946 году вернулась в Россию. Но в батальоне еще служили многие ребята, выжившие в баталонских боях. И начали они меня накручивать, мол, обратись к начальству, выяснив чем дело, а то и смех и грех, все сроки прошли. Приезжает к нам как-то с проверкой наш начштаба дивизии, полковник Попов. Я, конечно немного смущаясь, обратился к нему: «Т-щ полковник, что там с моим представлением к званию? Вы его вроде лично заполняли». Он сразу: «А... Соколовский твоя фамилия? Я все выясню». А через неделю, мне вручают перед строем орден Красной Звезды. Мой ротный Фаттахов решил выяснить, в чем все-таки дело. Вернулся из штаба дивизии и рассказал, что со слов штабных, мой наградной лист еще в апреле сорок пятого года не подписал командующий фронтом, начертав на реляции следующую резолюцию: «Командиру дивизии – наградить своей властью!». Вот и вся история...

Сильно переживали такой финал?

Тогда было немножко, а сейчас нет. Если бы вы об этом сейчас меня не спросили, я бы и не говорил на эту тему.

Но тот же бывший начштаба Вашей дивизии полковник Илларион Григорьевич Попов, в одной из своих книг, посвященной участию десантников 9-й Гвардейской Армии в войне, «И на Влтаве свой закончили поход», дважды в тексте приводит примеры героизма старшего сержанта Соколовского в боях на венгерской и австрийской земле. Вот, например, рассказывается, как Вы лично ДОТ гранатами подорвали. Как это произошло?

Это где-то в середине марта было. Втроем – я, Дмитриев и Гайнулин – ворвались первыми на высоту, выбили немцев из траншеи. Смотрю, а на соседней высотке замаскированный ДОТ. Немцы из него огонь не ведут, ждут, когда наши подойдут поближе. И ДОТ этот был так удачно расположен, сектор обстрела прекрасный, вся долина как на ладони, что из него могли очень много наших ребят уже первыми очередями положить. Где ползком, где перебежками обошли эту высоту. Нарвались на немцев. Убил двоих из автомата. Прополз еще к ДОТу метров двадцать и бросил сбоку противотанковую гранату прямо в амбразуру. Все получилось удачно.

Какие бои для Вас самые памятные?

Трудно выделить еще какой-то особый бой. Ведь от Балатона до Вены мы шли с боями без передышки. Очень тяжелые бои были, когда брали венгерский город Папа и на реке Раба. В начале апреля штурмовали, уже в Австрии, мосты в районе Тульны, так там погибли многие мои товарищи. Тяжелейшие бои, словами очень трудно будет передать, что там творилось. Можно рассказать как два батальона полка, наш и Рыбакова, захватили в австрийском городе Пресбаум аэродром с тридцатью исправными немецкими самолетами. Пришлось один раз увидеть, после перехода венгерско-австрийской границы в районе города Шапрон, и брошенную немцами колонну танков, примерно шестьдесят танков и самоходок. У них кончилось горючее и, видимо, на исходе были боеприпасы, так немецкие экипажи просто оставили свои танки и сбежали. Мы ликовали, когда нам в руки попались целыми эти танки. О многом еще можно рассказать.

Вы сказали, что в середине апреля 1945 года Вас снова ранило. Как это случилось?

В Австрии. Наш взвод нарвался на немецкую засаду в лесу. Немцы подпустили нас метров на десять, и тут началось. Я успел кинуть в немцев «лимонку», и в то же мгновение рядом со мной разорвалась немецкая граната. Мне большой осколок попал в голову, а мелкими осколками посекло все тело. Каски нам не выдавали, так что осколок прочно засел в моей голове.

Первые две недели после операции в госпитале из ушей постоянно шла кровь, но понемногу оклемался, и потом сбежал из госпиталя к своим ребятам. Вернулся,

Сам факт, что Вы когда-то служили и воевали в прославленном 345-м десантном полку является предметом Вашей гордости?

Безусловно. Не бывает бывших десантников, я всегда гордился своей службой в ВДВ. Десант – это судьба. И самой главной наградой для меня является удостоверение ветерана ВДВ, подписанное лично легендарным генералом – десантником Василием Маргеловым. И когда наш 345-й гвардейский парашютно-десантный полк девять лет воевал в Афганистане, а потом четыре года нес боевую службу на Кавказе, я твердо знал, что молодые ребята-десантники не подведут свою Родину, и будут достойны памяти своих отцов и дедов, памяти десантников военной поры, смело шедших в бой на фашистского врага.

Интервью и литературная обработка: Г. Койфман.

Соколовский стоит крайний слева с орденскими планками

Неживенко Петр Николаевич

Я родился в Луганской области. До войны я учился и в каникулы обязательно работал в колхозе, зарабатывал трудодни. На эти трудодни давали нам все, чем богат был наш колхоз. А колхоз наш до войны был очень богат.

В 1933 году была страшная засуха. На всей Украине, на Северном Кавказе, Ставропольский край, Краснодарский край, все Поволжье было абсолютно выжжено. Урожая не было и перебивались кто как. Но власти все делали для того, чтобы спасти народ.

Я учился, а в школе знали, что дома не у всех есть покусать. И вот в школе был поставлен котел, в котором каждый день варили затируху. Насыпали растертую ржаную муку, закипело – нас кормили. Еще в школе варили чечевицу, овес, горох, всякую всячину варили, чтобы нас хоть чуть-чуть поддерживать.

Когда наступила весна, мы брали в руки ведерочко, и шли в поле с водичкой. Мы там выливали сусликов. Налъешь водички, суслик сразу выскочил, раз его прикончишь, сдерешь шкуру – и тут же в это ведро одного, второго, третьего. И сварили такой суп, такое мясище, с костями их ели.

Кроме того, у нас был огород, сад, а рядом с хатой речушка протекала. И мы из реки воду таскали, чтобы поливать огород и сад, чтобы хоть что-то уродилось. Это очень здорово помогало. Капуста была своя, огурцы, помидоры...

А в 1934 году все встало на место.

А перед войной у нас такой был богатый колхоз. Председатель колхоза всем детям, кто летом трудился в колхозных бригадах, к осени заказывал в городе костюмчики, обувь, мы все шли 1 сентября в новых костюмчиках. А уж на трудодни давали все, что вырастили. Помню, как-то к дому подъехала подвода, развозили все, что причитается по трудодням. Яблоки, арбузы, мед. Отец говорит: «Зачем вы привезли? У меня все это есть». У нас до войны и своя пасека была, пятнадцать ульев.

Вообще, наше село богатое было. Старший брат, он шахтером был, купил мне велосипед. Кроме того, в селе два мотоцикла было. Первые трактора у нас появились в 1934 году,

«фармазоны». Так мы за ними бегали, интересно было – как же человек управляет этим трактором. Спрашивали: «Дядя, расскажи». Он нам подробно про трактор рассказывал, а бабки говорили: «Там сатана сидит». Потом наши появились – универсалы, на них работал один из моих братьев и брал меня прицепщиком. Я сам водил этот трактор, даже делал перетяжку. Вот так жили до войны. А потом началась война.

20 июня мы сдали последний экзамен, у нас в селе была семилетка, которую я окончил в 1939 году, а в семи километрах от села, на шахте № 9, была десятилетка, в которой я учился в 1940–1941 годах, восьмой и девятый классы. И вот, 20 июня сдали последний экзамен, а 22 с утра мы с ребятами пошли в избу-читальню при клубе, там можно было поиграть и в шашки, и в бильярд. Вытащили на улицу бильярдный стол и играем. И вдруг пацанишка подбегает: «Ребята, началась война». У меня в руках был кий, я на него замахнулся кием: «Да ты что!!!» «Сейчас позвонили с города, председатель сельсовета, чтобы собирал все село на площадь, там установлен большой черный репродуктор, будет из Москвы передача». И действительно, мы увидели, что на лошадях по всему селу бегают рассыльные, сообщают всем, чтобы сходились к двенадцати часам на площадь. Все взрослые и дети пришли. И рупор нам сообщил о том, что началась война. По радио выступал товарищ Молотов. «Вероломно в 4 часа утра фашистская Германия напала на Советский Союз. Нарушила все пакты и договора. Началась Великая Отечественная война. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!!!»

У нас, пацанов, настроение вроде того, что: «Ура! И мы пойдем сражаться». А женщины, взрослые мужчины сразу поняли, что такое война. Мы-то, сопляки, еще не вразумели, что такое война.

Пожилые женщины начали плакать, мужчины опустили головы. И тут председатель сельсовета объявил: «С такого-то по такой год присутствующие здесь мужчины заходите в сельсовет, получите повестки». И на второй день войны мы уже провожали их в военкомат. Конечно, слезы, плач. У некоторых на руках остались маленькие дети...

А мы, пацаны, лелеяли такую мечту, что тоже должны пойти на фронт. Когда были в городе, заходили в военкомат, а нам там говорили: «Ребята, ваше время еще не пришло, а вот на окопы поедете. Сейчас формируется эшелон со всего района, и поедете на окопы под Днепр». В результате до 10 июля был сформирован эшелон, и мы поехали на окопы. С собой нам приказано было взять лопату или кирку, провизии на 10 суток, запасное белье. В основном туда ехали молодежь, девятые-десятые классы, женщины и не подлежащие по состоянию здоровья мобилизации.

На станции Лозовой, под Харьковом, началась бомбежка. Наш эшелон тоже бомбили и обстреляли, хотя было видно, что в нем только женщины и дети. двадцать восемь человек из нашего эшелона погибло, в том числе четверо моих одноклассников. Мы воочию столкнулись с тем, что такое война, что такое фашизм, что он несет.

В днепропетровской области мы больше двух месяцев рыли окопы, противотанковые рвы, дзоты. Нами руководили саперы, а немцы нас бомбили, обстреливали, бросали листовки. «Советские дамочки, зачем вы роете ямочки, через ваши ямочки перейдут наши таночки!» Для военных бросали листовки, на обороте которых был пропуск, на проход в плен.

Когда началось отступление, нас отпустили домой.

Туда мы на эшелоне ехали, а обратно нам сказали: «Добирайтесь как хотите». И мы, кто как мог, стали добираться: и с военными ехали, и на товарном. В конце концов добрались домой, а там меня ждало новое комсомольское поручение – надо было угнать колхозное стадо, чтобы оно не досталось противнику. Гнать мы его должны были в станицу Сиротино Сталинградской области, а это триста с лишним километров. И мы погнались, а это же коровы, быки, они идут медленно, за сутки может и пяти километров не пройдешь. И вот сентябрь, весь октябрь и ноябрь мы гнали это стадо по дорогам.

В конце ноября пригнали стадо в станицу Сиротинскую, прямо на Дону. Думаем: «Сейчас скотом. Мужчин забрали в армию, остались одни женщины, своих забот хватает. Давайте, сами ухаживайте». И до весны 1942 года мы там этим занимались. А весной началась мобилизация в Сталинградской области на окопы. И нас, мобилизовали вместе со всеми на окопы. До июля мы рыли окопы под станицей Клетцкой, потом начались жестокие бои. Нас перебросили под Сталинград на внешний отвод, потом на средний отвод, а потом и в сам Сталинград. У нас были батальоны оборонительных работ, которые принадлежали дивизиям. Я входил в батальон оборонительных работ, который входил в состав 35-й Гвардейской стрелковой дивизии.

Раньше эта дивизия была воздушно-десантным корпусом. Десять воздушно-десантных корпусов были переименованы в гвардейские стрелковые дивизии и брошены под Сталинград. Это был резерв верховного главнокомандования, резерв Сталина – прекрасно обученные, воспитанные, мужественные молодые люди. Они показывали образцы мужества и массового героизма.

Там в Сталинграде мы продолжали рыть окопы, а потом рыли ямы, хоронили убитых.

23 августа была страшная бомбежка Сталинграда. Сотни самолетов, волна за волной. Отбомбили, вторая волна. Шедшие по Волге баржи с нефтью взрывались. Казалось, горит сама Волга. От гари было нечем дышать, все задыхались. В начале битвы за Сталинград наша дивизия находилась в районе поселка Рынок, потом в районе Тракторного завода.

4 сентября в бою погиб сын генерального секретаря компартии Испании Рубен Ибаррури, он был командиром пулеметной роты нашей дивизии. На командном пункте погиб командир дивизии, в его шинели потом насчитали сто шестьдесят одну пробоину.

В Сталинграде я там стал солдатом. Начальник особого отдела мне и еще трем моим товарищам сказал: «Вы еще успеете навоеваться, вы уже все видели, тут вы уже такую проверку прошли, мы посылаем вас учиться в запасной воздушно-десантный полк». И в ноябре 1942 года нас направили на станцию Макроус Саратовской области, там проходила подготовку разведывательно-диверсионная группа.

Мы проходили обучение в селе Ивановка Саратовской области, там жил пасечник Головатый, который после начала войны передал свои сбережения на постройку самолета. Мы изучали десантное дело, снайперскую винтовку, совершили три прыжка с самолета.

Вообще, подготовка там была на высшем уровне. Кроссы, упражнения, рукопашный бой, десантник должен уметь и штыком, и прикладом, и кулаком драться, чтобы в любой обстановке завоевать победу. Мы изучали подрывное дело, знакомились с рацией. Изучали немецкое оружие, учились снимать часовых, захватывать языков, чтобы как дал, куда надо, шок, кляп в рот и потащил.

Из запасного полка нас направили в 3-ю Гвардейскую воздушно-десантную бригаду, которая формировалась в городе Фрязино Московской области. Я попал в роту ПТРов, наводчиком ПТРа.

В мае 1943 года она была уже сформирована и до сентября прошла полный курс воздушно-десантной подготовки. Помню, как во время учений вся бригада была выброшена на правый берег Москвы-реки в районе Раменское.

Боевое знамя в бригаде получали в июле, в честь этого было большое торжество, состязания военно-прикладного характера. И вот на штурмовой десантной полосе я занял первое место. А комбриг видел все это дело, подозвал меня и говорит: «Ну ты и шустряк!» И приказал поставить меня командиром отделения, а потом я уже стал пом. ком. взвода.

Первоначально мы прыгали с аэростата, у нас в бригаде свой аэростат был. Совершили с него дневные прыжки без оружия, потом дневные с оружием, ночные без оружия, ночные с оружием. А потом в полной боевой, с основным и запасным парашютами пехом выдвинулись на Медвежьих озера, сейчас Чкаловский аэродром. Основной парашют – семнадцать килограмм-

мов, запасной двенадцать – тринадцать килограммов, да еще вещмешок, гранаты, автомат с двумя дисками. Полная боевая...

В четыре часа нас подняли, мы позавтракали и пешочком туда, а это километров пятнадцать. Все на себе и все вперед без всяких привалов. Там первый раз прыгали с ТБ-3. Несколько человек разместили в бомбовых люках, а в основном размещали на крыле на тросах, ты должен за эти тросы держаться или карабином пристегиваться. Когда моторы завели – все трясется, мандраж...

Некоторые ребята отказывали от прыжков, и их отправляли в пехоту. Их не судили – не хочешь не надо.

Позже мы прыгали уже с Ли-2, ПС-84 и «Дугласа». Прыгали мы на парашютах ПД-41 – он мог самостоятельно разворачиваться по ветру.

С мая по сентябрь у нас в бригаде на прыжках погибло четыре человека.

20 или 21 сентября нам объявили боевую тревогу. По боевой тревоге мы стали укладывать на парашют, на боевой прыжок берется только один парашют, запасной парашют не берется, потому что на тебя будет навешано столько... Упаковали оружие в ПДММ (парашютно-десантный мягкий мешок). Парашюты и ПДММы были погружены на машины и отправлены в Щелково, где их погрузили в эшелон, а мы пошли до Щелково пешком. Парадным маршем прошли через Фрязино, оркестр играл «Славянку», некоторые женщины плакали. Погрузились в эшелон и уже 24 мы прибыли на станцию Лебедин, это тупик, это Сумская область, там полевой аэродром был, на котором сидел полк Валентины Гризодубовой. Надо сказать, что мой тесть служил всю войну летчиком в этом полку. Когда я поженился, я ему рассказал, где воевал, рассказал, что нас выбрасывал полк Гризодубовой, а я летел на 57-м самолете. Он мне: «Да ты что? Я был за штурвалом этого самолета». Я ему не поверил. Говорю: «Расскажи, что было с нашим самолетом в воздухе? Какие перипетии?» Он все точно рассказал. Я говорю: «За чем же ты бросал нас на огонь противника, хотел, чтобы у тебя не было зятя?» Посмеялись.

Когда взлетели, командир взвода говорит: «Может, запоем?!» Мы один куплет нашей песни спели: «Прощай, земля большая, десант наш улетает, и во вражьем тылу за землю свою десантник не дрогнет в бою». А часа полтора-два больше не пели.

Когда к Днепру подлетели, немцы открыли заградительный огонь, командование фронта за три дня до нашей выброски прекратило доразведку тех мест, куда нас должны бросать, а противник в это время сосредоточил там свои войска. Там было сосредоточено шесть дивизий и два танковых корпуса. И вот на них нас и бросили... Мы шли с неба в бой и погибали в небе... Там все горело, ночь в день превратилась...

Мы должны были прыгать с трехсот метров, чтобы быстрее приземлиться и чтобы нас не разбросало, а летчики, уходя от зенитного огня, поднялись на две тысячи метров.

Нам сказали, что мы три-четыре дня будем в тылу врага, мы должны были захватить плацдармы и удержать их до подхода резервов.

Приземлились на расстоянии двадцать пять – тридцать километров от расчетной точки. Вся бригада должна быть сдесантирована в радиусе семь – десять километров, а летчики ее разбросали на сто километров, от Ржищива до Черкасс... И вместо действий бригады, нам приходилось действовать маленькими отрядами, которые легко уничтожить.

Приземлился я прямо на окраине села, а со мной рядом еще шесть человек. Приземлились, подали сигналы. А сигналы у нас были цифровые пароли – я кричу пятнадцать, он должен ответить десять, все ясно – двадцать пять. Ты мне кричишь: десять, я – пятнадцать, все ясно – двадцать пять, свой брат, все ясно. Кроме того, у каждого десантника были фонарики, чтобы подавать световые сигналы.

Приземлились мы на окраине села, отстегнули парашюты и сразу же вступили в бой с полициями, наверное, они не заметили нашу выброску. А потом ушли в лес. У нас в отрядике такой хороший парень был, Николай, он показал нам, как форсировать реку Рось.

Утром немцы стали нас искать с воздуха. Летал маленький такой самолет – «костыль», летает и высматривает, где парашюты, где маленькие отрядики и нацеливает на нас подвижные отряды немцев. Один парень выстрелил из автомата в самолет, но не попал. Если бы у нас было ПТР, мы его бы сразу сбили, а из автомата не попал.

Спустя некоторое время в наш район подъехала машина, а на ней человек двенадцать – пятнадцать человек немцев. Сошли и начали ходить по кустам. Они направились к нам, а нас всего шесть человек. Мы залегли, а немцы идут, разговаривают, думают, что тут никого нет. Быстренько распределили кто по кому бьет, подпустили их метров на 20 и открыли шквальный огонь из автоматов. Всех положили. Водитель что-то заорал, закричал, а я послал десантника, чтобы он его пришиб. А то сообщит, а потом немцы нас окружают – и нам хана...

Он прикончил шофера и бросил гранату под машину. Мы забрали у немцев документы, автоматы и ходу оттуда, понятно же, что немцы сразу по нашим следам пойдут.

Вечером мы встретили одного деда, Игната и спросили: «Где тут партизанский отряд?» – «А вы кто такие?» «Мы десантники». – «Почему вы в погонах?» «Уже с февраля 1943 года ввели погоны».

Показали ему документы, он говорит, ну, тогда пойдете. А его специально послал командир партизанского отряда, встретить десантников, партизанам по радио сообщили и попросили оказать нам помощь.

Дед Игнат привел нас в партизанский отряд, он небольшой был, с полсотни человек. Но в отряде к тому времени было уже за сотню наших десантников, во главе с парторгом нашей бригады капитаном Михайловым. Так мы начали партизанить. Изучили всю округу, что нас окружает, где какие части. Провели разведку, а потом решили организовать засаду. Поймать какого-нибудь хорошего фрица, чтобы с него все вытащить, карты, документы и так далее. Назаревич, командир моего взвода, отобрал двадцать человек, и в первую очередь меня – я же был заместителем командира взвода. Мы взяли два ружья ПТРа и ушли километров на тридцать от базы отряда, на дорогу, которая вела с Корсунь-Шевченкова на Черкассы. Там в лесу мы сделали засаду.

Сначала проходили такие колонны, что нам были не по зубам. А потом наблюдатель на дереве доложил, что идет небольшая колонна. Мы распределили, кто что бьет: ПТР справа бьет последнюю машину, слева – первую, а саму колонну мы забрасываем гранатами.

Колонна подошла, я в головную машину выстрелил, а у ПТРа пули зажигательные, только попади, сразу мгновенно вспыхивает любой танк, за исключением «тигра», «пантеры» и «Фердинанда».

Головная машина запылала. Потом ударили по грузовой машине, в которой солдаты сидели, а потом по БТРу. Один немец как выпрыгнул и прямо на меня бежит, я сразу из автомата одну, вторую очередь, третью и он упал прямо чуть ли не на ствол ружья ПТР. Я потом, может, ночи три не мог заснуть. Как закрою глаза, он передо мной.

В головной машине ехал полковник, его убили. Потом все облазили, видим планшет, в планшете карта. Забрали трофеи и сразу деру оттуда, наблюдатель сообщил, что идет еще одна колонна. Вот так мы выполнили эту миссию.

Потом с нами соединился большой отряд под командованием командира 5-й бригады подполковника Сидорчука. Наш отряд насчитывал уже больше 1000 человек. Командир стал подполковник Сидорчук. Разбил отряд по батальонам, ротам, взводам. Все, как положено.

Потом появилась связь с фронтом, у нас сперва рации не было, а тут пришел к нам один с рацией. Вышли на связь с фронтом, а у нас кодов и шифров нет, так Сидорчук открытым текстом разговаривал. А штаб фронта не хочет с нами говорить. Так Сидорчук матом, и радистка

доложила одному подполковнику, который знал Сидорчука. Договорились, что к нам пришлют самолет, привезут боеприпасы, оружие, врачей, наши-то врачи все погибли, вывезут раненых.

После этого начали планомерно вести боевую деятельность. Подрывали эшелоны, громили гарнизоны, рвали коммуникации. Немецкое командование почувствовало, что здесь сила такая, и бросило против нас части, снятые с фронта, власовцев. 23 октября окружили, прижали так, что мы думали, нам хана, конец. За день мы выдержали пять атак. Причем первая атака была такая. Впереди шли с мегафонами власовцы и кричали: «Сидорчук, мы прекрасно знаем, сколько вас, – они однажды захватили наше боевое охранение, наверное, все выпытали. – Мы знаем, на сколько у вас хватит боеприпасов, поэтому сдавайтесь, пока не поздно, иначе, вы сами знаете, что мы с вами сделаем. На спинах вырежем звезды, уши обрежем, глаза выколем». Прямо такое психологическое давление. Мы молчали, а потом, когда они подошли поближе, мы им вдарили.

Надо сказать, что боеприпасов у нас не слишком много было, но пять атак мы выдержали! В последнюю атаку они уже по своим трупам шли! У нас, конечно, тоже появились убитые.

К вечеру в моем автомате осталось десять патронов, в пистолете два патрона, гранаты кончилось. Хорошо, что они ночью напились и многие уснули, а там был ров, по которому тек ручеек, и мы по этому рву просочились через их окружение, неся на себя все, что могли.

Вышли из окружения и за ночь прошли сорок или пятьдесят километров и пришли в Черкасский лес, где соединились с партизанским отрядом, которым командовал Ивашенко, в нем тоже было около четырехсот десантников. А немцы, когда утром кинулись, штурм – куда десантники делись. Все трупы, которые там нашли, развезли по всем селам, развесили на виселицах, объявили, что с десантом покончено. И Гитлеру даже доложили.

А мы соединились с партизанским отрядом и с этими десантниками, севернее города Черкассы, там очень большой, крупный, хороший лес. Приказы теперь мы получали от штаба 3-го Украинского фронта, мы в его полосе действовали. Помню, к нам на самолете прилетел офицер оперативного отдела штаба фронта майор Дергачев, согласовать боевые действия. Когда и куда мы должны были ударить по немцам, чтобы помочь нашим войскам захватить плацдарм.

Нам приказано было в ночь на 13 ноября штурмом овладеть селами Седовок и Лозовок. Мы подготовились, я, например, вел разведку села Лозовок. В ночь на 13 ноября штурмом овладели селами Седовок и Лозовок, а войска не сумели переправиться. Немцы собрали в кулак все свои силы и нас оттуда вышибли. Пришлось отступить. А потом обратно, нам приказали снова захватить эти села, обещая, что войска обязательно переправятся. И вот через две ночи, собравшись с силами, мы их вышибли и соединились с войсками. После чего начали освобождать Черкасский район. В боях за этот плацдарм я был ранен в голову и контужун, потерял сознание. Когда открыл глаза, увидел незнакомые лица. «Кто вы такие? Где я нахожусь?» – «Ты находишься в партизанском отряде «Истребители». «Как я сюда попал?» – «Тебя притащили на плащ-палатке твои десантники и сказали: «Вылечите нашего командира». И вот они меня вылечили, а потом говорят: «А теперь отработывай». Наша бригада к тому времени была отправлена на переформирование, а я остался в тылу у немцев, в партизанском отряде. Нас там человек восемь десантников было.

Когда я выздоровел, командир отряда сказал прямо: «А теперь, ребята, вы же опытные, подготовленные люди, берите и в боях учите партизан, как надо воевать». 15–20 ноября меня ранило, и до конца февраля я воевал в партизанском отряде. Через сорок лет мне прислали партизанский билет, наградили партизанской медалью. А потом еще медалью «Партизан Украины».

И 17 февраля 1944 года закончилась Корсунь-Шевченковская. Партизаны соединились с армией. А в армию поступил приказ: в тех частях, где будут встречаться десантники, их

немедленно отправлять в Москву в штаб ВДВ, а партизан – кто был годен к службе призвали, в армию, а негодных отправили домой.

Нам выписали проездные документы, проаттестат, и мы поехали в Москву в штаб ВДВ. Оттуда меня направили в 5-ю бригаду, а потом меня переправили в 98-ю Гвардейскую воздушно-десантную дивизию, в составе которой я воевал в Южной Карелии.

Наша дивизия и вся 7-я армия Карельского фронта, в состав которой мы входили, располагалась на левом берегу Свири в районе Ладейного Поля. Надо было форсировать реку, а она очень быстрая, широкая, глубокая, даже в июне холоднющая. А на правом берегу финские укрепления. Там такое было, что не пройдешь, не пролезешь, не пролетишь...

Саперы сделали двенадцать плотов и, после того как наша артиллерия и авиация отработала по финскому берегу, началась переправа. Командир 300-го полка получил такую задачу – подготовить смельчаков. Выстроил разведроту, сто с лишним человек, объяснил задачу и «Добровольцы – шаг вперед!» Сто пятьдесят человек, вся рота, шагнули вперед!

Потом командир полка низко поклонился, заплакал: «Спасибо, мои сыновья». Пацаны восемнадцать – девятнадцать лет. Отобрал самых сильных, тех, кто умел хорошо плавать. Переправились, а там финская оборона – завалы, железо, бетон...

Я был в 296-м полку, который участвовал в освобождении Олонца. Вообще, командир дивизии очень умно построил дивизию, мы Олонец охватили – один полк с одной стороны, другой с другой стороны заходит, и еще один полк в лоб идет. 25 июня 1944 года мы освободили Олонец, понеся очень небольшие потери.

После войны с 1970 года мы в Олонец каждые пять лет ездили.

Петр Николаевич, вы что-нибудь знали о ваших родственниках, которые остались на оккупированных территориях?

Ничего не знал. У меня там остались старенький отец, ему за шестьдесят было, и мать. Отец у меня был коммунистом; и, когда немцы пришли, его арестовали и отправили в тюрьму, в город. Город часто бомбили, и в одну из бомбежек вся охрана разбежалась, и заключенные тоже выбежали из тюрьмы и бежать. А там недалеко станция была и на ней стоял эшелон с людьми для отправки в Германию. Возле эшелона были полицаи. Они решили, что бежавшие заключенные с этого, поймали их и посадили в эшелон, и повезли в Германию. Там отец был в концлагере. Вернулся, но вскоре умер. Мать оставалась дома. Все мои братья, у меня три брата, были на фронте.

Когда вы были в батальоне оборонительных работ, вам оружие выдавали?

Нет. Но вообще, там оружия было – бери сколько хочешь. Мы иногда брали оружие, вместе с солдатами стреляли. Ели вместе с солдатами, у нас только формы не было.

Какое было ваше моральное состояние?

Приказ был – ни шагу назад! Преамбула была такова, Сталин объяснил, какая сложилась обстановка, чтобы это уяснил каждый солдат, сержант, чтобы уяснили обстановку.

Вы же еще не были в армии.

Нам зачитывали приказ, чтобы мы тоже знали, во имя чего мы это делаем. Всем кто там был зачитывали. Люди все понимали. Стой насмерть и никуда, вот что должны были все понимать. Это все понимали, и победили. Брешут, кто говорит, что гнали под пулеметом.

Вы были в роте ПТРов. Как десантировалось ружье ПТР?

Есть специальный мешок, ПДММ – парашютно-десантный мешок мягкий. Туда входит три ружья ПТРС. Специально все завязывается и бросается. Приземлился – распечатавай и забирай. Так же выбрасывались и пулеметы, и минометы.

С каким настроением вы летели на боевое задание?

Настроение – в бой и только в бой. Хлюпиков не было, отказчиков не было. Если на учебных прыжках можешь отказаться, то тут – если ты откажешься от боевого прыжка – тебя можно судить.

В чем вы прыгали?

Как и все в форме. Тепло было, шинели побросали. А так – гимнастерка, автомат, сапоги. У некоторых были ботинки с обмотками, в обмотках лучше, чем в сапогах, они не слетают, не хлюпают.

Когда летели на задание, продовольствие брали?

Мало. В основном брали гранаты, боеприпасы. На аэродроме лежали специальные американские пакеты, в них было все – и консервы, и сигареты, даже жвачка была. Но нам сказали, что мы всего четыре дня в тылу будем, поэтому взяли немножко. А вообще, если есть боеприпасы, есть оружие, значит, ты будешь иметь и хлеб.

С земли по вам не стреляли, когда вы были в воздухе?

По нашему самолету не стреляли. Это нас спасло.

Прыгали с Судаевскими автоматами?

Были и такие и такие, но у меня был ППШ.

Председатель совета ветеранов 3-й Гвардейской воздушно-десантной бригады гвардии полковник Неживенко П. Н.

Кормили хорошо?

В запасном полку нас кормили очень неважно. Суп рататуй – это одна крупинка гоняется за другой. А в боевых частях кормили хорошо, летная норма.

Спасибо, Петр Николаевич.

Записал А. Драбкин.

Тимофеев Федор Васильевич

Я родился 25 августа 1926 года, на краю Оренбургской области в Ясненском районе. Родители работали в совхозе, я последовал по их стопам и перед самым началом войны стал трактористом.

До 1941 года было ли в стране ощущение надвигающейся войны?

Ну, я же на гражданке был, поэтому военных новостей знал мало. Одно скажу – тяжелая обстановка была, тогда как раз прошла война с Финляндией в 1939–1940 годах. Я помню, у нас в селе очень часто пели песню: «Если завтра война, если завтра в поход!» Что уж там говорить, мирное время заканчивалось, это ощущалось во многом, и даже мы, простые колхозники, понимали, что война неизбежна. А так, никаких политзанятий у нас не было, мы все время были в поле, я пахал на тракторе. Так что новостей о мировой политике лично я даже и не слышал.

В 1941 началась война, я продолжал работать на тракторе. Кстати, немецкие шпионы неплохо работали, и в 1942 году ходило очень много провокационных слухов о могуществе немецкой армии, ее боеспособности и непобедимости. По селу пошли даже такие разговоры, мне лично очень неприятные, что у немцев настолько развита техника, мол, есть специальные порошки, которые они засыпали вместе с водой, и не надо никакого бензина для танков. Естественно, делался вывод, что нам за немцами никогда не угнаться. Сейчас я прекрасно понимаю, какая это фантастика и брехня, но в то время мы почему-то верили в такие рассказы. Но все равно, паники не было, все понимали, что наша страна – могучая и рано или поздно победит фашиста. В то же время все осознавали, что борьба ведется очень жестокая, и мы сражаемся из последних сил. Так что в 1941–1942 годах было особенно тяжело в тылу, и уже только в 1943 году стало ясно, что мы победим.

В 1943 году я с группой товарищей добровольно отправился пахать целину. Мы уже знали, что в феврале 1943 года немцы капитулировали под Сталинградом, и теперь нужно восстанавливать нашу землю, где раньше хозяйничал враг. Вскоре мы погрузили всю колхоз-

ную технику на железнодорожный состав и выехали для проведения восстановительных работ в освобожденных районах. Условия жизни в то время были безобразные, продуктов не было, руководство совхоза нас направило, но при этом ничем не снабдило, мы ехали впроголодь и питались как попало. А нас ведь было очень много, весь состав загружен техникой, прямо на платформах стояли трактора, только в моей теплушке было человек двадцать. Кстати, именно там я впервые попал под бомбежку, так как по направлению железнодорожного пути летали немецкие самолеты. К счастью, все обошлось, и никого не убило, бомбы разорвались в стороне, но все равно, после этого случая мы ехали дальше в огромном напряжении.

Вскоре мы со своей техникой оказались под Сталинградом и воочию увидели, что там все было подчистую разгромлено, где-то неделю там стояли. И мы видели своими глазами разрушенные заводы, и разбитые вдребезги железные дороги. Здесь мне запомнилось самое страшное зрелище, увиденное на войне, – огромные груды трупов, которые собирали похоронные команды и сваливали прямо на площадях. И чуть ли не вместе в обнимку лежали погибшие: наши солдаты и немцы. Кроме того, вокруг имелись настоящие завалы танков и самолетов. «Ни шагу назад!» – гласил приказ № 227 Сталина, и мы видели, какой ценой досталась победа в Сталинградской битве. До сих пор мне снится один эпизод: стоит весь взорванный и простреленный дом, а из окна висит тело погибшего солдата, не знаю, нашего или немецкого.

Остановка в Сталинграде была вызвана тем, что нас везли по одноколейке на железной дороге, и все вокруг изувечено до предела, рельсы изогнуты, такие были взрывы, не было ни одного метра чистой земли. Поэтому дорогу восстанавливали, но нам так и не дали ни хлеба, ни супа. Мы голодали, и отправились искать провизию среди погибших, решили, что, быть может, у кого-то остались консервы или сухпак. Город на Волге производил гнетущее впечатление, кроме как на станции, мы не встретили ни одного живого человека. Только потом, когда мы начали свои поиски, встретила небольшая группа саперов, которые возвращались со стороны степи и искали немецкие мины и снаряды. Там я попросил у одного солдата еды, и он дал мне часть своего пайка.

Кое-как пробыли в Сталинграде неделю, после чего отправились дальше. Мы были в дороге целый месяц, при этом подолгу стояли на одном месте, потому что некоторые эшелоны все еще бомбили немцы. В итоге прибыли на станцию, выгрузились, и потом трое суток мы гнали машины в совхоз Кагальник, расположенный на одноименном хуторе. Добираться было очень тяжело, в голоде и холоде, после чего мы начали весенние работы, пахали и сеяли. Первое время было много случаев, когда и снаряды, и мины, и ящики с патронами или гранатами нам в поле попадались, поэтому мы были очень внимательны, и в итоге в ходе посевной удалось избежать наездов на такие вот «подарки с фронта». Затем посевная закончилась, взошел урожай, и стало полегче. Собранное нами зерно хранилось в амбарах, все, что мы посеяли, было собрано, и нам выделили дополнительные пайки, поскольку мы очень удачно собрали урожай. Деньги не получали, только продуктами. Зимой занимались ремонтом, восстанавливали технику и приводили ее в порядок. В целом, этот период мне запомнился тем, что и мы, и местное население очень голодали. И кроме того, иногда над нами летали самолеты, как наши, так и немецкие.

Также в это время мне довелось помочь нашей армии – на тракторе пришлось вытаскивать «студебеккер», который вместе с пушкой застрял в овраге. Там находились наши солдаты, они поблагодарили меня и поехали дальше.

В начале 1944 года я добровольно пошел в армию. После прохождения комиссии я попал в учебное заведение в село Прохладное Краснинского района Смоленской области, отсюда нас перебросили в Белоруссию. Всего же учили где-то около полугода, мы были курсантами-пулеметчиками. В конце обучения приняли присягу и попали на ст. Орша, где нашу группу, как отличников боевой подготовки определили в воздушно-десантные войска, и мы начали совершать учебные прыжки. Классические прыжки – это когда с самолета прыгаешь, а у нас было

так: прыгали с сараев, при этом сжимали небольшую палку между ног, и с ней прыгали с высоты в три – четыре метра. Главное, чтобы палка оставалась зажатой между ног, чтобы они при падении были сведены вместе. При этом приземляешься на носки, а не на пятки, чтобы смягчить падение. Отрабатывали эти движения до автоматизма. Если упал на одну ногу – то все, сломаешь ее. В одной из тренировок я увидел, какими были десантники, имевшие довоенную подготовку. Один из сержантов, который начал служить еще до войны, в учебном бою схватился с командиром, тот его подсечкой подрезал, и после раз шесть пытался подняться на ноги, но так и не смог – наш десантник мертвой хваткой держал его, и его пальцы было не разогнуть. Потом кое-как их разняли. Кстати, сам командир боялся прыгать с парашютом – только увидит с самолета землю, сразу впадает с полубоморочное состояние и не прыгает, отказывается. В конце учебы мы совершили несколько прыжков с вышки и самолета и после этого попали на фронт.

Сначала я попал в расчет ПТР. Вооружили пятизарядными ПТРС Симонова, они были более мощными, чем однозарядное ПТР системы Дегтярева. Наша дивизия была дивизией прорыва, поэтому мы постоянно находились на острие наступления. Были очень жестокие бои, особенно мне врезался в память один из боев, когда весь наш батальон оказался под угрозой уничтожения. Мы наступали к траншеям противника, и внезапно перед нами выскочили два немецких танка и начали нас обстреливать на расстоянии не более ста метров. Естественно, никто не успел окопаться, быстро появились раненные и убитые. Тогда мы вдвоем с напарником, Василием Воскресом, в составе расчета ПТР начали борьбу с этими танками. Немецкие танки были практически неуязвимы для наших бронебойных патронов, но стояли боком, и мы стреляли не в лоб, а в бок, они же в свою очередь били по пехоте из пулеметов. Затем, видимо, немецкие танковые стрелки-радисты вызвали огонь артиллерии и сами начали бить уже по нам, снаряды начали рваться прямо над нашей позицией, и вскоре один из снарядов разорвался очень близко от нас, более сорока осколков попало в моего напарника. При этом самый большой оторвал ему ногу. Потом, уже после войны мне удалось списаться с ним, он после того боя был демобилизован. В тот же бой я продолжал вести огонь без второго номера, активно используя зажигательные пули – просто потому, что я не мог проверить, какие патроны вставляю, а мне попались зажигательные. И несколько строений, которые находились неподалеку от танков, в результате обстрела загорелись. В том бою мой расчет фактически остановил танки, так как они боялись двигаться вперед, ведь мы били и били по ним. Ввиду того, что место было равнинное, они никак не могли нас поразить, так как перед тем, как открыть стрельбу, мы наскоро окопались, поэтому все пулеметные очереди прошли над нами. Затем получилось так, что в тылу у немецких танков оказались три танка Т-34, которые выскочили откуда-то сбоку и тем самым спасли батальон. После боя начали подсчитывать потери – оказалось, что у нас много раненых, потому что бой получился очень тяжелым. Наш расчет стал скорее моральным, чем фактическим препятствием, ведь мы вели огонь по танкам, броня которых не позволяла их поразить. Мы пытались найти смотровые щели, но так и не попали, ведь ее в бою трудно просто найти на танке, что уж говорить о том, чтобы поразить ее. Кстати, после появления наших Т-34 немецкие танки быстро развернулись и исчезли за горящими строениями, а наши танки пошли на другой участок.

Мой второй номер сильно истекал кровью, поэтому я взвалил его на спину и потащил в медсанбат, километра полтора тащил на себе и так его спас, у меня же было несколько легких ранений в руку и голову, остальные осколки Василий получил в свое тело.

Затем, после того боя, меня перевели в пехоту. Снова в наступление, бывали и жестокие сражения, днем и ночью мы находились в окопах на передовой, и очень многих товарищей я потерял. Это Владимир Желтов из Пензенской области, после того памятного боя всю ночь мы шли вперед и к утру обнаружили немцев, вступили с ними в перестрелку, в результате которой он погиб. Потом погиб Николай Клюев, в другом бою. И очень много других ребят

пало. Вскоре погиб мл. лейтенант, командир нашего взвода. Из вооружения у нас были автоматы ППС. Но это был не очень надежный автомат – гораздо лучше был немецкий «шмайссер», у него прямой магазин, а у нас изогнутый рожок, его и при беге, и при стрельбе труднее держать. И больше огрехов и поломок было у нашего автомата. А так, у большинства солдат были винтовки Мосина, более надежные, чем автоматы. Были в роте и самозарядные винтовки СВТ-40, они хорошие, но боялись мусора и пыли, а также грязи. Поэтому их было совсем мало, я СВТ-40 видел в основном у снайперов. Мосина во многом им уступали и заряжались всего на пять патронов, зато эти винтовки были безотказными.

Кстати, сейчас я часто думаю, что ведь много раз я мог погибнуть – в пехоте солдаты долго не жили. Но что-то хранило меня. Причем не знаю, от чего это зависело, приведу несколько интересных моментов. Как-то раздалась команда «Вперед!» Мы должны были всем отделением вскочить из своих окопов и побежать на врага. И тут как будто что-то кольнуло меня и я решил оглянуться. Смотрю, один из солдат лежит на дне окопа и при этом он что-то делает. Оказалось, парень достал образок и молится. Я не стал его ждать, побежал вперед, прошло совсем немного времени, и прямо в окоп упала мина. Как говорится, помолился – и все. Понятно, что от него почти ничего и не осталось. Так что Бог-то Бог, но ты и сам в бою неплох.

Второй случай: один солдат вначале выскочил из окопа, и только потом, вопреки Уставу, взял винтовку за ремень и за собой потащил. Обычно, когда роют траншеи, то корни деревьев тоже вырывают, а он поленился, в итоге зацепился за сучок, тот впился ему в бок, и он умер от потери крови. Много таких было случаев, когда по дурости погибло много наших ребят.

Как-то я находился внизу в овраге в трехстах метрах от нашего расположения, так как траншеи проходили по возвышенности – и там находилась полевая кухня, я туда побежал с котелком, чтобы получить еду, и черпак в левую руку взял, а котелок в правой находился. Подхожу – места нет, солдаты расположились вокруг походной кухни. Я решил не толкаться и пошел на свое место на передовую. Метров сто я отошел, не больше, и прямо туда на место, где располагалась кухня, попал снаряд 122-мм пушки, наш снаряд, был недолет, и очень многие погибли. На войне все может быть, ребята, которые хотели в тылу поесть, погибли, а я, пошедший на передовую, остался жив месте со своим котелком. Там я покушал, и снова началось наступление.

Еще один такой момент был. Мы на передовой вели себя зачастую как дети, многим было по восемнадцать лет – из-за этого ребячества нередко и погибали. Дело в том, что у каждого из нас, как же, мы ведь десантники, была финка. Когда мы с парашютом прыгали с аэростата или самолета, то финки были необходимы, бывали случаи, приземлялись кто где, некоторые на дереве, или на строении, и надо было обрезать стропы, а затем прыгать на землю, иначе парашют тебя закроет и ты можешь в нем запутаться. Как-то в одном из боев началась сильная бомбежка, и получилось так, что свои же самолеты нас бомбили, тогда один из командиров выстрелил из красной ракетницы по направлению к немцам – только тогда наши самолеты уже начали куда надо бомбить. У одного из наших солдат на финке была красиво сделана ручка – из-за этой ручки четыре человека погибло. Его убил немец, один из товарищей полез за этой финкой – его убило, другой полез за той же красивой ручкой от финки, все боялся, что опередят, – и его убило, за ним пополз следующий с тем же результатом. Видимо, немецкий снайпер засек позицию и всех отстреливал. В итоге четыре трупа из-за ручки от финки.

Как-то в наступлении впереди меня буквально в трех метрах бежал казах, мы дружили с ним, раздалась очередь, и он упал, ему пуля попала в рот. Если бы не мой друг, то в меня бы точно эта пуля попала. Я его перевернул, думал, что он ранен, но пуля прошла навывлет, и он был убит наповал. Несмотря на то, что он был снайпером и имел значок «Ворошиловского стрелка», все равно погиб. Я себе на память этот значок взял и до сих пор его храню в память о войне и товарищах, которых потерял.

Последним расскажу тот случай, когда погиб наш взводный. Постоянно были очень тяжелые марш-броски в прорыв немецкой обороны, мы всю ночь шли, и чтобы не звенело оружие, лопаты саперные и прочее имущество, мы его укутывали. Ночью продвигались в глубину немецких позиций, в это время все мы от усталости дружно заснули прямо на ходу. Я в это время настолько крепко заснул, что вышел из строя и попал в воронку. Потом очнулся и смотрю, не могу понять, где нахожусь. Потом пришел в себя и догадался, выбрался из воронки, чуть-чуть начало светать, ничего не слышно, все идет тихо, и я еле нашел ребят и занял свое место в строю. Через час немцы нас обнаружили, открыли минометный и пулеметный огонь, пошли первые жертвы. Мы тогда наступали в лесистой местности и вышли им в тыл, внезапно атаковали резервные окопы, прошли простреливаемую зону и использовали немецкие окопы, откуда они драпанули. Тут опять приказ – надо двигаться вперед. Хорошо помню главное чувство, которое мною тогда овладело – очень не хотелось выбираться из окопов, ведь впереди ждет новый бой. Тем не менее, вместе со всеми побежал и снова залег под пулеметным огнем. Тут командир нашего взвода, мл. лейтенант, фамилию сейчас не могу вспомнить, с нами находился. Здесь он и погиб – намеревался в сторону немцев бросить гранату, но немецкий снайпер выстрелил и попал ему прямо в лоб. Так что ты на войне должен поразить быстрее врага, чтобы остаться в живых. А так, все мы постепенно набирались боевого опыта, терпели военные невзгоды и выходили победителями из боев. Но давалось это очень и очень непросто.

Где находились командиры во время наступления?

Откровенно признаюсь: за исключением взводных остальные лежали в окопах, нас посылали вперед, а сами руководили из траншей. Это, конечно, было не очень удобно, потому что в бою без командира сложно. Так что нами командовали, в основном, сержанты – к примеру, моим отделением командовал сержант Тараскин, до сих пор его помню, сибиряк, очень волевой и сильный командир. Делил с нами все солдатские невзгоды. Ближе могу знать только своих командиров роты, как вел себя батальонный штаб, не знаю. Но так, в принципе, я их понимаю, ведь никому не хотелось умирать. Единственное, когда мы общались с ротными, – это перед боем, они приказывали кричать в наступлении «вперед!» и «ура!», а также заставляли кричать «за Родину!» Не то чтобы мы не хотели так кричать, просто «за Родину!» кричать дольше, чем «ура!»

В пехоте я получил ранение и после выздоровления вернулся уже в артиллерию. Попал в расчет 76-мм орудия. Война уже шла на территории Венгрии и Австрии. В заключение своего боевого пути мы проходили тем маршрутом, где шли войска Суворова. Там же мы и закончили бои, когда тащили орудия по горам, узнали о том, что Великая Отечественная война наконец-то завершилась.

В артиллерии очень хорошо помню два случая. Как-то наше орудие стояло в двадцати метрах от дерева, было замаскировано. И тут надо стрелять, а нельзя, снаряд же разорвется при попадании в дерево, и я полез на него для того, чтобы макушку срубить. В это время со стороны немцев начался такой шквальный минометный и пулеметный огонь, что брал страх при одном только звуке. Но я не имел права не выполнить приказ и не срубить макушку дерева. Вся одежда была в дырках, и только когда командир приказал мне спрыгнуть, только когда я спрыгнул на землю, в полной мере осознал тот простой факт, что в любой момент меня могли убить. А как получилось, что не попали, но всего изрешетили – когда я залез на дерево, сильный ветер растрепал шинель и все ее полы пробил пули. А так, немного отвлекусь, ведь в каждом бою могли убить. Кстати, нас обязывали, когда убьют товарища, чтобы ты не останавливался и не вытаскивал документы из карманов, иначе никто не будет воевать, а только документы товарищей искать.

Теперь второй случай. Была небольшая тропа, и крутой спуск. Мы решили спуститься вниз, сократить дорогу, пушку толкаем, а с левой стороны из соседней части бойцы вместе с

нами топали. И в это время начался дикий непрерывный обстрел из автоматического оружия. Как раз был выступ, мы туда подбежали и не можем высунуться, нужно же поразить автоматчика, а он бил непрерывно. Затем мы с командиром орудия решили по нему ударить, я принес снаряд, зарядил, и он произвел выстрел. На время противник перестал бить, мы решили, что поразили его, но только начали двигаться, он опять бьет. В итоге мы вызвали огонь минометчиков и автоматчик был уничтожен. После боя мы подошли к его окопу и увидели, что он был прикован. Немцы его приковали прямо к стенке окопа, на цепи сидел, как барбос. И дали ему в руки автомат, плюс много патронов, и он все время стрелял, а враги в это время отступили, видимо, он обеспечивал подход. Чтобы не сбежал – приковали. Кстати, нам уже открылся после него путь, и мы потом долго наступали вперед, но все-таки кое-кого он поразил в том бою.

Ваше отношение к партии, Сталину?

Высокое, мы все верили, что под руководством Сталина победим, и все, что от нас требуется, сделаем для Родины.

Если сравнивать наше оружие и немецкое, какому бы вы отдали предпочтение?

Что уж сказать, лучше было немецкое, они ведь загодя готовились, у них даже на пряжках на ремне было написано «С нами Бог!» Им внушали, что гитлеровские войска непобедимы, ведь они пол-Европы покорили. И Австрия, Венгрия, Румыния, Болгария были их союзниками. Только в 1944 году бывшие союзники Германии перешли на нашу сторону, кроме Австрии. Их самолеты были лучше, а для нашей пехоты немецкие пулеметы стали настоящим бичом. Уже в дальнейшем, к 1944–1945 годам, у нас было прекрасное оружие. Кроме того, в последнее время боевой дух у немецких войск ослаб, они начали массово сдаваться в плен, только и слышно было: «Гитлер капут!» И всю ночь над их окопами светились ракеты, боялись они нас, особенно нашей разведки. У нас ни одной ракеты над окопами, а у них непрерывно светились, всю ночь. Но и под конец войны у нас в дивизии первое время сильно ощущался недостаток боевой подготовки, немцы были намного профессиональней.

Самое страшное немецкое оружие?

Шестиствольные минометы «небельверфер». Кроме того, у них были очень сильные пулеметы и минометы. Вот наши танки Т-34 превосходили средние немецкие. У них могли противостоять «тридцатьчетверке» только «тигр» и «пантера». Когда в том бою, о котором я вам рассказывал, наши три танка выскочили сбоку, немцы сразу развернулись и отступили. Ну и еще нас, пехоту, сильно донимали немецкие «мессершмитты».

По телефону вы рассказывали, что как-то столкнулись с немцами лицом к лицу. Не расскажите подробнее, как это происходило?

Конечно. Я тогда был уже в артиллерии. У нас вышла из строя матчасть, и я был послан в тыл, чтобы найти запасную часть на замену. Иду ночью, в лесном массиве. До военных мастерских идти было довольно долго, и когда я возвращался обратно, получив все необходимое, а шел всю ночь, то подумал и прилег на копну сена, чтобы отдохнуть. Когда утром голову поднял, какое-то непонятное ощущение появилось – вижу, рядом лежат солдаты в касках. А у нас, несмотря на то, что по Уставу полагалось каски носить, на фронте их почти никто не носил. Приглядываюсь – смотрю, вокруг немцы, рядом, не более чем в ста метрах. Видимо, они где-то вышли из окружения, их вокруг было не меньше, как сто пятьдесят человек. И я с ними оказался лоб в лоб, быстро отполз и побежал, они начали стрелять – до своих было больше километра, я быстро-быстро бежал, и сообщил что в тылу немцы. Они же, видя, как я драпаю, радовались и кричали «ура!» на своем языке. Видимо, надеялись, что вышли к своим. Мы

развернули свои орудия и пулеметы и начали вести огонь по немцам. В итоге все они были уничтожены.

Противогазы носили с собой?

Нет, мы их выкидывали, оставляли только сумки. В вещмешках носили свои необходимые вещи, а сумки набивали патронами. Надо было побольше места под патроны. Противогаз – это лишний груз, а в вещмешках носили белье и котелок, в сумках же было очень удобно таскать патроны.

Как поступали с пленными?

До сих пор сейчас вспоминаю, что русский солдат – другой, нежели немцы. Они нас расстреливали, а мы их не трогали. Был жесткий приказ о том, что к пленным надо относиться соответственно. Но, честно признаюсь, два случая на передовой помню. Один раз командир приказал солдату восемь пленников сопровождать в тыл – и не знаю, как дальше с этим солдатом поступили, но он, причем не из автомата, а из ракетницы, их всех по дороге уничтожил по одному – зачем их доставлять, решил, кому они нужны. Не знаю, как его судьба дальше сложилась, судили или нет.

В бою всякое происходит, забываешь даже о страхе, бежишь вперед и все, думаешь только о том, как убить врага до того, как он сам тебя достанет. Мне особенно врезался в память такой момент – один раненный в ногу немец оказался в траншее, наш солдат по фамилии Черноморец достал пистолет и хотел уничтожить, чтобы не возиться к нему. А немец был молодой паренек, это до войны их обучали, что ариец должен быть стойким, а под конец в армию призывались молодые и необстрелянные. Он крутится, Черноморец наставил пистолет и орет: «Умри ты по-настоящему! Будь солдатом!» В конце концов он рукой махнул и пошел вперед за нами, а немец все визжал от страха, так он не хотел умирать. Тут надо сказать, что у немцев сильно работала пропаганда – когда мы находились в населенных пунктах, не было ни одного мирного жителя, они бежали из-за гитлеровской пропаганды, которая рисовала нас жестокими людоедами. Так что даже ни кошек, ни собак не было. На чердаках было много всевозможных заготовок и консервации, но мы их не брали, так как нас строго-настрого предупредили: они могут быть отравлены.

Были ли случаи спекуляции, мародерства в войсках?

Такие попытки были. Но это очень сильно пресекалось, наказывали жесточайшим образом, собирали военные трибуналы, СМЕРШ допрашивал. Жестко было, так что мы особенно не баловались. Но мы, десантники, были в этом отношении очень боевыми, и никогда ни с поля боя не бежали, и мародерством не занимались.

Как складывались взаимоотношения с офицерами?

В бою всегда вырабатывается хорошее товарищеское отношение, так что появляется взаимовыручка, на каждом шагу друг друга прикрывали.

Как мирное население к вам относилось?

Те немногие, кто оставался, относились к нам довольно миролюбиво, ведь мы их не трогали. Интересный момент был в Австрии, там была в основном там гористая местность, некоторые дома стояли на высоте в двести – триста метров, когда смотришь на него, то так задраешь голову вверх, что даже шапка падает. И вот, у одного из таких домов стояла большая объемная бочка, видимо, они там животных поили. Когда мы туда поднялись, оказалось, что все свои вещи хозяева скинули в бочку, потому что их предупредили, что мы все ограбим – и они бросили в воду, чтобы нам не досталось. Но при этом твердо скажу: не было ни одного

случая, чтобы кого-то из мирных жителей расстреляли. Немного безобразничали только в тех домах, которые были оставлены, могли что-то взять, но немного. Что еще сказать, мирные люди беспрерывно повторяли нам: «Гитлер капут! Гитлер капут!»

Неуставные взаимоотношения в роте были?

Нет, у нас были очень дружественные взаимоотношения. А так в основе всего лежала взаимовыручка. И куда нам в самоволки ходить?! Может быть, кто-то бы и пошел по местным девчонкам, но нас предупреждали, что с ними нельзя связываться – если что, немки сразу же бежали в комендатуру и жаловались. А тут недалеко и до военного трибунала – кому охота под конец войны срок получить?!

Какие-то посылки домой с фронта посылали?

Знаете, кто думал о себе, тот находился в тылу, он и посылал, а мы вместо трофеев предпочитали свои вещмешки патронами набить, чтобы боезапас был. Хотя некоторые собирали немного трофеев, им разрешали одну посылку домой послать. Я ни одной не посылал.

Были ли приметы, предчувствия?

Конечно, мы же находились на передовой и все хотели остаться в живых. И каждый знал на передовой, что в этом бою он может погибнуть. Мы даже так делали – солдатские шутки, на свою жизнь перед боем бросали монеты – если «орел», то жив останешься, если «решка» – то погибнешь. Были на каждом шагу трупы, наши и немецкие. Но приказ есть приказ, надо идти вперед.

Как хоронили убитых?

В своих же окопах или под деревом закапывали, бросали туда после боя. Даже не было возможности оставить данные на могиле, не хватало куска картонки. Мне вспоминается это как один из самых жестоких моментов войны. Там же, где и убивали, там и хоронили. Иногда, когда была возможность, то огрызком карандаша писали имя, отчество и фамилию, прикрепляли на палку и втыкали в могилу. Но это же ненадолго. У немцев все было совсем по-другому – обязательно на могилке ставили березовые кресты. Причем мы видели только березовые, не могу понять, почему, ведь береза – это, в основном, русское дерево. И как-то мы вышли на импровизированное немецкое кладбище, оставшееся после одного из боев, – так все поле в Австрии было сплошь утыкано этими крестами. Все-таки под конец войны немцы несли очень большие потери.

Что было самым страшным на фронте?

Артиллерийский обстрел в пехоте. А в артиллерии – артиллерийская дуэль, мне только раз довелось принять в ней участие. У нас была новая длинноствольная, а не короткоствольная пушка, и напротив нашей позиции, примерно на расстоянии в полтора-два километра, обнаружили немецкое орудие, мы стреляли друг в друга. Причем, видимо, у них был наблюдатель-корректировщик, и один снаряд разорвался от нас слева метрах в ста, второй – справа, примерно на таком же расстоянии. Так что они взяли нас в классическую «вилку». Командир орудия говорит: «Третий будет наш!» И тут мы услышали выстрел, я начал считать под визг, – когда снаряд высоко, то слышен визг, а когда он на тебя падает, то как какое-то шипение раздается, мы во время этого шипения как раз и отпрыгнули. Оказалось, что фугасный снаряд разорвался в пяти метрах от меня. А если бы я остался на месте, то он осколками меня поразил бы. А там же толща земли, и я был спасен. К счастью, и боеприпасы, которые вокруг нас были, не взорвались. А немецкий снаряд, из-за того, что он был фугасный, и земля была мягкая, даже в нее на небольшую глубину уткнулся – и там же взорвался. Меня тогда завалило землей

в окопе. И по голове сильно ударило, сотрясение я получил и руку сильно ушиб – зато остался жив. Солдаты меня вытянули, я отряхнулся, грязь сбил и занялся своими делами. В любой час во время боя смерть и тебя, и товарища, и справа, и слева ждет – трудно определить, как ты должен спастись – сверху бомбы, на земле мины, пули и снаряды. Конечно, война – это штука такая, никак не сахар. В тоже время могу с гордостью сказать – у нас в дивизии не было случая, чтобы кто-то побежал, дезертирства не было вовсе. В каждом наступлении раненые или убитые – но мы не бежали назад.

Как мылись, стирались?

Мы были в ботинках с обмотками, и от грязи они стали настолько засаленными, что на солнце блестели, как будто хромовые сапоги. Не снимали их неделями. Какие на передовой могут быть купания? Где купаться? Если попадались речки, только тогда и бултыхались. Ну и, конечно, и под дождем, и под снегом шли вперед. Такая была наша судьба. Неприятно мне вспоминать, но я расскажу, так как это военная правда. У нас вши грызли тело, как хотели, и я с товарищем облюбовал два немецких трупа, мы свои кальсоны со вшами сняли, с немцев содрали и начали на себя напяливать. У них был особый материал, на котором вши не могли держаться. С другой стороны, их кальсоны были очень холодными, а наши – теплые. Поэтому немцы сильно мерзли, хотя были одеты так же, как и мы. В это время мимо проходил ротный старшина и увидел, что мы делаем, отчитал нас: «Что вы творите? Наденете немецкое – значит, вас убьют. Бросьте это дело и наденьте свое. Тогда будете знать, что вас не убьют». Послушались мы его, надели свое со вшами и пошли опять воевать.

Выдавался ли сухой паек?

Да, конечно. В него входили консервы, знаменитая американская тушенка, очень вкусная. Кстати, немцы под конец войны питались намного хуже, чем мы – все было эрзац – и кофе, и сигареты, и еда, химия одна.

Деньги на руки выдавались?

Когда я прыгал с парашютом, выдавали по 13 рублей за прыжок, тогда парашюты давали, главный сзади, а впереди запасной. Деньги давали на руки уже после прыжков, когда нас собирали на аэродроме, отводили в часть и выдавали в расположении. Но что это были за деньги, если тогда 150 рублей стоил килограмм хлеба, так что же можно было купить на эти деньги? Хорошо только, что еще махорку давали, я тогда ее на передовой так накурился, что после войны сразу же бросил курить. И сахар выдавали в пайке.

Что вам больше всего запомнилось в освобожденных странах?

Мы видели, как люди были обустроены на Западе. Какие культурные у них были взаимоотношения между собой. Что характерно, надо сразу это отметить, – у нас поля в Оренбургской области тянутся до пяти километров, а у них клочки земли – нигде ничего не увидишь, а урожай такой же. Кроме того, нет никаких колхозов. Еще у них в Австрии поезда были уже тогда спальные, а у нас сидели в вагонах друг у друга на головах. И с одного конца границы до другого – у них два часа, вот и вся дорога. Кстати, мы вынуждены были учить венгерский и немецкий языки. Мы с ними общались, в основном, насчет хлеба и водки. Ведь на фронте каждый понимает, что в любой момент может погибнуть, поэтому живет одним днем. Расскажу такой случай: какие-то умельцы обнаружили в нашем составе на железной дороге цистерну спирта объемом в 50 тонн, добрались до крана, открыли его, и струя начала литься. Услышав звук, солдаты сбежались с котелками. Практически вся цистерна спирта ушла в землю. Начали нас потом таскать, приходили железнодорожные войска, смершевцы изгалялись, суки, больше суток нас держали, все выискивали, кто первым открыл кран. А мы, сразу же пропив весь

спирт, запели песни. Рядом тоже стоял эшелон, и эти ребята находчивые его тоже открыли – там оказались туши баранов, но мясо нужно варить, это длинная песня, так что мы не стали связываться. Я тогда спирт еще ни разу не пробовал, когда глотнул – как рыба на песке начал хватать воздух. Причем на передовой смершевцы боялись нас трогать, а в тылу – да, могли, тут они все сразу героями становились.

Вы рассказывали о личных документах погибших. Вам что-то выдавали перед боем?

Да, нам запрещали их искать, а после боя проходили похоронные команды, они и проверяли карманы. А так нам выдавали «смертники», металлические капсулы, где были записаны твои данные. Раньше у нас были бумажные листки, они часто рвались или заливались кровью, поэтому мы по примеру немцев стали делать металлические. Бумага находилась прямо внутри и крышкой закреплялась, чтобы вода не поступала и кровь. Разные были, но в основном цилиндрические небольшого размера. Кстати, солдаты их преимущественно выбрасывали и не хотели носить, считали, что это плохая примета.

Сейчас я порой задумываюсь над тем, сколько раз я мог погибнуть – бесчисленно. Но остался жив, потом уже в ходе последние бои мы чувствовали, что вот-вот война закончится. Кстати, расскажу еще один случай. Недавно уже в Симферополе встретил одного солдата, который, как я знаю, служил в похоронной команде – он прицепил себе на грудь пять медалей «За отвагу», три ордена Красной Звезды, три ордена Красного Знамени – чужих, он ведь и на фронте не был, и не видел ни одного живого немца. Милиции до него дела нет, я даже обращался, мне не ответили. И тогда я его спросил: «Чего же ты себе Героя Советского Союза на грудь не повесил? Чего же мелочиться!» Он настолько любит это все надевать – мол, во какой я боец, бабушкам нравится. К сожалению, сегодня и такие ветераны есть. На войне все истекают кровью во время боя, пусть я и не дослужился до каких-то званий, но считаю себя настоящим фронтовиком.

Как вы узнали о том, что закончилась война?

Финал войны для меня произошел в Австрийских Альпах в девятнадцати километрах от Вены. В ночь на 9 мая 1945 года я дежурил у орудия и сделал последний выстрел, чтобы разбудить сменщика. Утром уже слышим, мол, конец войне. Отмечали, естественно, в первую очередь начали стрелять из всех видов оружия вверх, обниматься, целоваться, большая радость, подбрасывали вверх пилотки. Поняли главное – что все мы остались живы.

Записал А. Гарькавец.

Евстратов Иван Яковлевич

Я родился 22 июня 1922-го года, в селе Новый Курлак, Анненского района Воронежской области.

Семья у нас была большая, моя мамочка родила пять девочек и четыре мальчика. В 1928 году мы переселились ближе к Борисовлебску, там чернозем был и мы эту местность как целину осваивали. Всего туда переехало тридцать семей, создали колхоз имени Молотова.

Безграмотность тогда была страшная, у меня бабуля ни читать, ни писать не умела. Для ликвидации безграмотности были созданы ликбезы. Преподаватели в них были те, которые окончили четыре класса церковно-приходской школы. Так что я с бабулей ходил на эти курсы. За три месяца она стала читать, писать, а потом и говорит: «Внучек, а немецкий будем изучать?» Я говорю: «Бабуля, слава богу, что ты русский то изучила!» – «А я бы и немецкий...» Потом у нас в поселке организовали четырехлетнюю школу, а семилетка находилась в трех километрах от нашего поселка.

Я был пятым или шестым ребенком в семье. Мой отец был участником Русско-японской и Гражданской войн, во время Гражданской он воевал в Чапаевской дивизии. Старший брат окончил артиллерийскую школу, участвовал в боях на Халхин-Голе и в 1942 году погиб. Другой брат был авиационным штурманом, старшая сестра во время войны была бригадиром тракторной бригады, младшая сестра окончила педучилище.

2 августа 1930 года, недалеко от нас, был совершен первый в Советском Союзе групповой десант. Мне тогда было восемь лет, и у меня появилась мечта – летать, как птица. Детское такое мышление было – крылья пришивал, с крыши прыгал, с моста прыгал. Мама за меня так переживала, и сестра и сестра тоже, а отец... Он во время Гражданской войны в Чапаевской дивизии служил и воспитывал нас. Помню, я его спрашивал: «Слушай, пап, как же это, казалось бы, в таком пекле не могут выдержать человеческие нервы, а ты остался?» А он: «Ванек, пока не поздно, закаляй себя с детства. В истории твоей жизни будут и благоприятные, и экстремальные условия, а чтобы выживать в экстремальных условиях, надо готовить себя ко всем

невзгодам, и хорошей и плохой жизни. Закаляй себя и не отказывайся, не в коем случае, от физического труда». И я с детства закалял себя. Позже я часто вспоминал его слова.

После окончания седьмого класса я поступил в техникум, отец хотел меня агрономом сделать, и одновременно, стал заниматься в Воронежском аэроклубе. В 1940 году я совершил свой первый прыжок и стал такой известностью у нас в районе. Был у нас такой секретарь комсомола Мобрыкин Иван Петрович, так он посадил меня в свой лимузин, это уже в 1941 году было, и возил по совхозам и колхозам – рекламировал: «Комсомол на самолет!»

22 июня мы услышали выступления Юрия Левитана: «Внимание, внимание! Говорит Москва, работают все радиостанции Советского Союза!» Так мы узнали о начале войны. Сразу же началась мобилизация, в деревне остались одни женщины. В военкомате я военкома попросил направить меня в десантные войска, ну и попал в Марксштадт, где проходило формирование.

В марте 1942 года наш батальон выбросили на Волховском фронте в тыл к немцам. Бросали ночью, с минимальной высоты, с принудительным раскрытием. У нас задача была – построить площадку, чтобы на нее могли планеры приземляться. Командование считало, что в районе нашего приземления будут немцы, но их, слава Богу, не было. Мы базировались в местечке Александрия, там немцев никогда не было, там даже колхоз сохранился. Мы начали строить площадку, боеприпасами и продовольствием нас обеспечивали партизанские отряды. Площадку мы построили, но в мае месяцев командование приняло решение о нашем выходе. Часть батальона вывезли самолетами, часть вышли сами.

Прибыли в Капотню и там нашу 1-ю воздушно-десантную бригаду преобразовали в 109-й гвардейский стрелковый полк 37-й гвардейской стрелковой дивизии. В августе 1942 года нашу дивизию направили под Сталинград. В середине октября наша дивизия дралась в Сталинграде. С четырнадцатого на пятнадцатое октября – это был самый тяжелейший день. Мы держали оборону в районе Тракторного завода.

Старший политрук Петр Иванов, он потом там погиб, обвешанный гранатами, ходил по ходам сообщений и говорил: «Товарищи, разведка доложила, что на нашем участке идут шестнадцать фашистских танков с танковым десантом! Нам приказано удерживать позиции до наступления темноты, чтобы обеспечить переправу частей 62-й армии». Фашисты превосходили нас в людях один к десяти, в танках один к двенадцати, но никак не могли прорваться к переправе. Командующий 62-й армии, Чуйков, в своих воспоминаниях так написал: «Хорошо, что вовремя прибыли десантники. С десантными кинжалами там, штыками, в десантной форме, и так фашистов встречали, через плечо бросали, как мешки с соломой. Но весь полк погиб, но никто не скажет, что они не выполнили наказ Родины!»

Шестнадцать танков прошли через наши головы, бой всю ночь шли, а утром смотрим – трупы у стен навалом валяются. Командир нашего 109-го гвардейского полка был ранен, командование на себя взял лейтенант Иванов. Я был легко контужен, но отказался от госпитализации, и начальник штаба полка, полковник Комалков, назначил меня делопроизводителем полка, я писал донесения, наносил на карту обстановку. Потом Комалкову потребовалось уточнить обстановку, он ушел и не вернулся, погиб... Начальником штаба полка стал один младший лейтенант. Я сформировал и возглавил команду из писарей, команды охраны КП, нас человек девятнадцать.

Комдивом у нас генерал Жолудев был, хороший десантник такой, с орлиным носом – красавец. Его командный пункт при бомбежке завалило, воздуха не хватает и по радио просил: «Подайте мне воздуха по трубе, чтобы руководить подразделениями боя и наладить связь».

А у меня в подчинении двое местных было, юнцы совсем, и они пошли разведывать путь, чтобы раненных отвести. Они вернулись, а мы уже в окружении были. Я приказал переодеться в немецкие шинели и так мы вышли. Отправили раненых на другой берег, нам в помощь разведроту дали и приказали вывести наш 109-й полк. Мы его вывели и снова заняли оборону.

Я к тому времени уже дважды был ранен, и тут меня еще раз ранило, тяжело. Очнулся я уже в госпитале в Ленинске, меня в палату для безнадежных положили. Там я еще брюшной тиф подхватил.

Помню, голова кругом идет, в ушах сплошная музыка и артиллерийская канонада... Но врачи... Я очень благодарен врачам. Помню, ко мне подходила капитан медицинской службы, женщина, и с ложечки поила меня рыбьим жиром. Подойдет, откроет мне рот, а он противный, так она по головке погладит: «Сынок, сынок! Будешь живой, пей!» – и ложку в рот...

После госпиталя меня направили в Нахабино, на курсы командиров стрелково-парашютных взводов. Там я встретил Победу. Радость была огромная. 24 июня я участвовал в Параде Победы. Прошли Красную площадь, потом идем по улицам Москвы, в нас букеты цветов бросают, завалили, невозможно было пройти. Я один букет схватил, смотрю, бумажка там: «Хочу познакомиться с победителем! Сокольский переулок, дом такой-то». Елки-палки, думаю, москвичка, ну как тут с ней встречаться! Я двух слов связать не могу! А правофланговый со мной шел Федя, царство ему небесное, и он говорит: «Вань, да ты что, фашистов не боялся, а тут... Да ты что!»

А нас, когда мы к параду готовились, от метро Сокольники разместили. Вернулись мы туда, нам привезли водку в ящиках, накрыли стол, ну, закуска там была, икра черная, икра красная... Я немножко поддал, смелости набрался и пошел. Деревянный одноэтажный дом, я подхожу, стучусь мне дверь открывают, смотрю – капитан, весь в орденах. Прошел в комнату, там стол, на столе бутылка «Столичной», закуска: «Ох, победитель, давай, а то один сiju. От Москвы до Берлина прошел. Как тебя зовут то?» – «Иван Яковлевич». – «А меня Иван Иванович». – «Так я по записке!» – «Так моя дочка тут чудит! Давай, дорогой, выпьем за победу!» – и тот первый тост я никогда не забуду: «Много нас Иванов, на святой Руси, выпьем сто стаканов, только подноси!»

Потом и девушка пришла, так я со своей женой и познакомился. 24 июня 1945 года познакомился, а в октябре 1946 года поженились. Я парашютный шелк достал, и ей из этого шелка свадебное платье сшили. Мать ее, она была против, чтобы дочь за десантника выходила: «Дочка, я не советую тебе ни за летчиков, ни за парашютистов, сломают голову, останешься вдовой преждевременно!» Но она мать не послушала. Потом даже вспоминала: «Вот, мамочка, ты не советовала мне за Ванечку, а мы с ним так душа в душу!»

После войны я сперва на интендантских должностях служил. Но потом настоял, говорю: «Я окончил курсы командира парашютно-десантных взводов. Прыгать хочу, хочу быть начальником ПДС». Мне генерал говорит: «Давай я тебе внеочередное звание присвою, только останься». Я говорю: «Нет, не пойдет!» В 1953 году окончил отделение начальников парашютно-десантной службы Высшей офицерской школы. Служил начальником ПДС, испытывал новые парашюты.

В 1963 году у меня очень неприятный случай был. Я тогда организовывал показательные прыжки для космонавтов, и был у нас такой парашютист – Никитин Николай Константинович, он был парашютистом-инструктором Центра подготовки космонавтов. Я был выпускающим и вел всю предпрыжковую подготовку. Я первого выпустил, нормально. Второй прыжок выпустил, потом полторы секунды интервал, скорость была двести – двести десять километров в час, и третьего.

Николай Константинович, он рекордсмен, хорошо умел свободно владеть телом, свободно планировать, но у него и раньше были такие ошибки, при испытании парашютов он часто падал на купол. И тут они голова в голову столкнулись с Новиковым и оба погибли.

Это было семь часов утра. Я в шоковом состоянии. Потом приехали из прокуратуры Московского гарнизона, просмотрели все мои журналы по предпрыжковой подготовке, посмотрели приборы и прокурор сказал: «Ну, делать здесь нечего». И все.

Спасибо, Иван Яковлевич. Еще несколько вопросов. Голод 1933 года вас коснулся?

Да, голод был, но мы, как говорится, на подножном корме его перенесли. Вокруг щавель рос, чеснок дикий, крапива. Потом, рядом с домом у нас водоем был, я очень любил рыбачить, и вот это нас спасло. Ну и, кроме того, колхоз многодетным семьям помощь оказывал.

А корова была у вас?

А без коровы там невозможно! Корова обязательно. Я сейчас не помню две или одна у нас была, но корова была. Потом кроликов было навалом. Вообще семья у нас трудолюбивая была, мы даже иногда дрались, чтобы выполнить работу взрослого.

Наверное, все это и заложило фундамент моего организма. Потом уже, во время войны, нам на Волховском фронте пришлось поголодать, но ничего, перенес.

Когда вас призвали и направили на формирование, что входило в обучение?

Круговая оборона, в тылу противника, да и в уличном бою там же неизвестно откуда будет противник. Освоили мы все виды вооружения десантных войск, изучали танки противника.

Кстати, в Сталинграде случай был. Там у стен тракторного завода немецкий танк стоял, немцы его бросили. Мы с переводчиком, Сашей Халамайзер, в этот танк сели. Я на приборную доску смотрю и говорю: «Слушай, давай запустим». Он мне показал, вот на эту кнопку запуск и так далее. Мы танк легко запустили, а потом я за рычаг взялся, так танк как развернулся и стену разрушил и сразу заглох.

Прыжки были?

Обязательно. Мы прыгали без запасного парашюта, во время войны никаких запасных парашютов не было и никаких отказчиков не было. В общем, прыжков пять-шесть мы, наверное, сделали...

С аэростата не прыгали?

Нет, на формировке сразу с самолета. С аэростата я уже после войны прыгал.

Как на формировке кормили?

Отлично. И на фронте тоже. Только на Волховском поголодать пришлось. В Сталинграде, если не было горячей пищи, выдавали десантный паек трехсуточный. Там и спирт в шоколадке был: чайком запьешь – и в голове зашумело. Десантные пайки были очень хорошие. Питались мы, конечно, лучше, чем в тылу.

А оружие у вас какое было?

У меня ППШ с диском. Вообще, у всех писарей ППШ были, но в полку все владели всеми видами оружия. В Сталинграде я с ПТР воевал.

Спасибо, Иван Яковлевич.

Интервью и литературная обработка: А. Драбкин.

Водянский Григорий Давидович

Родился 11 июля 1924 года в селе Петроостров Кировоградской области в семье потомственного кузнеца, уроженца городка Шпола.

В 1933 году, спасаясь от голода, наша семья переехала в Херсон, где отец устроился на работу кузнецом на завод имени Петровского. Я со старшим братом Меером (Михаилом), он с 1922 г.р., пошел учиться в украинскую среднюю школу № 3, в которой потом учились и мои младшие братья Соломон, 1925 г.р., и Миша, 1928 г.р.

В июне сорок первого я перешел в десятый класс, и с началом войны всех школьников старших классов отправили на помощь в уборке урожая зерновых культур в один из колхозов Снигиревского района Николаевской области. К слову сказать, урожай пшеницы в том году выдался очень хорошим, и, к сожалению, почти весь собранный хлеб попал в руки к немцам. Мы работали в поле и плохо представляли, что происходит на фронте, и когда руководство колхоза распорядилось, чтобы мы в срочном порядке возвращались по домам, то это уже было сделать не так просто, так как узловая станция Снигирев-ка была полностью разрушена немецкой авиацией. Нам пришлось добираться до Херсона пешком и на попутных машинах. Домой я пришел утром 11 августа, но на дверях нашей полуподвальной квартиры висел замок. Я растерялся, но тут мимо проходит наш сосед и говорит: «Гриша, беги на завод Петровского, может еще застанешь там своих». Я побежал на завод и увидел отца, который вместе с другими рабочими обшивал фанерными листами железнодорожные платформы. Там же находилась моя мама с младшими братьями, ее родители и младшая сестра матери с двумя маленькими детьми. А мой старший брат Меер был призван в Красную армию еще в июне, воевал в пехоте лейтенантом, был тяжело ранен в 1943 году на «Малой земле» под Новороссийском и возвратился с войны инвалидом...

Наш поезд с оборудованием и эвакуированными отправился около полуночи в сторону Запорожья. Весь путь мы проделали под частыми бомбежками, погибали люди. Несколько раз состав останавливался для заправки паровоза водой и углем. В Запорожье мы прибыли только на пятые сутки, к тому времени немцы уже заняли Херсон. Наши платформы присоединили

к другому составу и только через три месяца, после долгих мытарств, стояния в станционных тупиках, голода и холода, наш эшелон в ноябре 1941 года прибыл в Челябинск. Начали размещать эвакуированных и нашу семью поселили в бараке дома № 2. Через несколько дней отец, я и младший брат поступили на работу на ордена Ленина завод имени Калющенко. Я был направлен во второй цех, учеником токаря, и после двух месяцев обучения стал самостоятельно работать на токарном станке ДИП-300. Завод изготавливал снаряды для реактивных установок «Катюша», все детали к снарядам делали пооперационно в различных цехах, откуда они поступали в сборочный цех. Дисциплина на заводе была строжайшей, мы, все три человека из нашей семьи, находились на казарменном положении, питаюсь в заводской столовой по талонам.

На заводе действовали законы военного времени.

Отцу уже тогда исполнилось 50 лет и в армию его не взяли.

27 декабря 1942 года я был уволен с завода в связи с призывом в Красную Армию, рабочие нашего цеха брони от фронта не имели. Кировский райвоенкомат города Челябинска проводил в те дни Сталинский призыв, набирали в армию, в основном, рабочую заводскую молодежь. Но призвали меня только в первых числах февраля, и после прохождения медицинской и мандатной комиссий я попал в команду новобранцев, направленных в поселок Фрязино Московской области, где формировалась 3-я гвардейская воздушно-десантная бригада. Сначала нас отправили в Казань, а уже оттуда – в Подмосковьё.

С чего началась подготовка десантников?

До середины марта подготовки не было, ждали, когда придёт весь личный состав. Многие десантники на формирование прибыли из Сибири. Меня зачислили в отдельный саперный взвод батальона, но первым делом мы изучали укладку парашюта. Нам придали на помощь инструкторов-профессионалов, опытных парашютистов, каждый парашют укладывали по два бойца, а позже, когда приобрели необходимый навык, один укладывал парашют другого. Учили, как управлять стропами, как правильно приземляться.

Одним словом, обычная первоначальная десантная подготовка.

Параллельно проводились занятия по рукопашному бою, стрелковой подготовке и минному делу. К нам все время приходили политработники и, помимо политинформации, вдалбливали в наши головы лозунг «Десантники в плен не сдаются!».

Дисциплина в бригаде была железной. Все учения были проведены в обстановке максимально приближенной к боевой и часто в присутствии командира бригады.

Нам заранее указывались район и место учебной высадки, план боевых действий.

Общевойсковых учений я не припомню, но дважды нас высаживали с воздуха всем батальоном, прыгали одновременно свыше пятисот человек, мы сразу собирались по подразделениям и выполняли поставленную учебную задачу.

Сколько прыжков Вы успели совершить за время формирования и подготовки бригады к боевым действиям?

Одиннадцать учебных прыжков с парашютом ПД-41. Среди них были прыжки с приземлением на лес и одно десантирование – на воду, мы прыгали в районе Медвежьих озер. Прыгали всегда с полным боевым снаряжением, кроме первого прыжка.

В основном, все прыжки производились с самолетов ЛИ-2, но был прыжок и с самолета ТБ-3, когда пришлось выбрасываться в «сидячем виде» из бомболюка. Отказчиков у нас во взводе не было, прыгали все, но был как-то один случай, что боец заартачился, испугался прыгать, так как у нас в тот день в батальоне двое разбились, парашюты у них не раскрылись и они «свечой» ушли к земле. Но отказчика наши инструктора с ТБ-3 сами выкинули.

Свой первый прыжок помните?

Первый учебный прыжок мы сделали без оружия, прыгая с аэростата. На вечернем построении объявили, что завтра прыгаем. Наши парашюты складировались в монастыре, на каждом была привешена бирка с фамилией десантника и датой укладки. Утром мы получили парашюты со склада, ПД-41 весил килограммов двадцать. Прodelали марш пятнадцать километров, до места прыжка. В аэростат запускали по четыре десантника, плюс инструктор в корзине-«люльке». В летающий аппарат положено заходить по ранжиру, и я оказался пятым, последним, сесть негде, стою прямо у дверки, страшно прыгать первым, но надо, в десанте любой приказ выполняется безоговорочно. Аэростат начал подниматься, и, когда прошли отметку четыреста метров, мне инструктор сказал: «Приготовиться!» – «Есть!» – «Пошел!» – «Есть!», и я шагнул в пустоту. Приземлился, но из-за сильного ветра меня понесло, я стал «пахать землю», не мог погасить купол. Сержант помог. После первого прыжка, каждый из нас должен был уже с собранным парашютом подойти к командиру бригады и доложить о выполнении прыжка.

Я подошел к месту, где стоял комбриг: «Товарищ лейтенант, разрешите обратиться к товарищу полковнику?» Комбриг Гончаров улыбнулся, похлопал меня по плечу: «Следующий прыжок будет вообще нормальным!»...

А какой была саперная подготовка отдельного взвода?

Нас обучили минированию и разминированию, работе с взрывчатыми веществами, изготовлению плотов, мы тренировались подрывать мосты, железнодорожное полотно и различные объекты. Мы умели делать все то же самое, что и обычные армейские саперы.

На сайте есть интервью с десантником из 3-й ВДБр М. Ц. Лихтерманом, и в нем затронуты общие вопросы по «Днепровскому десанту», участником которого Вы являетесь, а также приведены данные потерь воздушного десанта.

Так что, давайте сразу перейдем к сентябрьской выброске 3-й ВДБр в тыл врага за Днепр.

В сентябре 1943 года из Щелково нас перебросили на Украину, в Лебедин Сумской области, где мы расположились в районе полевого аэродрома и получили дополнительное снаряжение и вооружение. Каждый десантник из саперного взвода получил карабин с большим запасом патронов, по две гранаты, одну противотанковую мину.

У каждого финский нож, саперная лопатка, сухой паек из расчета на трое суток.

Выдали и карманные фонарики для беззвучного сбора. Двое суток мы ждали приказа на выброску. Задачу нам поставили прямо перед вылетом. Объявили, что мы высаживаемся в Каневском районе Черкасской области, в лесополосе под кодовым названием Урочище Цапли и наша боевая задача – захват плацдарма в тылу противника на правом берегу Днепра. Саперный взвод должен был высаживаться первым, по отделению (девять человек) на каждый ЛИ-2. Мое отделение попало в первый ЛИ-2 («Дуглас»), и, кроме нас, в самолет загрузили грузовые мешки с боеприпасами и ружьями ПТР. В темноте мы загрузились в самолет и ждали взлета. Только где-то в два часа ночи, наш ЛИ-2 оторвался от земли, взмыл в ночное небо.

Летели часа полтора. Страх перед выброской не было, но, когда уже в самолет сел, появились какие-то «нехорошие мысли», я думал: «Только бы в воздухе не сбили и в воду бы не упасть...» Высадились где-то в четыре часа утра, кучно, еще во мгле все отделение при помощи сигналов из фонариков быстро собралось вместе, и сразу за нами с двух «дугласов» были сброшены другие бойцы взвода. Но никакой лесополосы поблизости не было, мы находились на открытом свекольном поле и где-то вдали на рассвете мы увидели деревню. С нами находился замполит, капитан Топанов, он приказал немедленно окопаться и занять круговую оборону. Мы стали ждать, когда в небе появятся самолеты с десантом. Уже светало, как мы

заметили вдали двух верховых, которые вскоре скрылись в обратном направлении. Стало ясно, что мы обнаружены.

Все приготовились к бою, сразу организовали два расчета ПТР. Спустя полчаса появились несколько легких танкеток и бронетранспортеры, и завязался бой.

Наш первый бой, ставший для всего взвода последним...

Первым из нашего отделения погиб мой друг Архипенко. Мы уничтожили три танкетки, я был контужен и ранен в левую руку, пуля переломала кости в запястье. Потом рядом раздался взрыв, что-то ударило меня в голову, и я потерял сознание. Очнулся уже в плену. Рядом со мной были мои друзья Чернов и Вадим Зеркин. Они сказали, что бой шел двое суток и что погибли все ребята, кроме шестерых человек из взвода, взятых в плен, а замполит получил смертельное ранение. Когда закончились патроны и гранаты, и немцы спокойно взяли троих невредимых и троих раненых десантников в плен, то Чернов и Зеркин подняли меня с земли и понесли на себе, но я не приходил в сознание, осколок попал мне в голову, а немцы почему-то не стали меня добивать и позволили моим товарищам нести меня, тяжелораненого и беспомытного. Оказалось, что мы находимся в Смеле, в пересыльном лагере для военнопленных. Я обнаружил у себя в кармане свой комсомольский билет и немедленно закопал его в земле. Позже к нашей группе присоединили еще одиннадцать попавших в плен десантников из разных частей нашей бригады. Держали нас отдельно от всех, но в Смеле никаких проверок или допросов не устраивали. Никто поначалу не спрашивал наши звания и фамилии, но я уже приготовил для себя вымышленное имя и биографию, на регистрации перед отправкой из этого пересыльного лагеря решил назваться Гуриным Григорием Даниловичем (так звали моего товарища по заводу в Челябинске), все-таки надеялся, что еврея во мне немцы не распознают, а свои не выдадут. Лагерь охраняли власовцы и предатели из нацменов. Только один раз всех десантников построили полицаи-предатели и приказали: «Жидаы и коммунисты! Выходи!», но никто в строю не шелохнулся...

Так начались для меня девятнадцать месяцев страха и страданий в немецкой неволе...

В конце октября нас, в числе других пленных, погрузили в закрытые товарные вагоны и увезли в Германию, в крупный концентрационный лагерь в Штутгарте, считавшийся также фильтрационным.

Каким был лагерный режим в Штутгарте?

Военнопленных, под усиленной охраной надзирателей с собаками, ежедневно выводили на работу за пределы концлагеря, где рабочие команды находились на военных или промышленных объектах, а часть пленных использовалась в качестве сельскохозяйственных рабочих. Труд был каторжным, рабочий день длился по 12–14 часов. Кормили одной баландой из брюквы и гнилого картофеля, и смертность от голода и непосильного труда среди нас была очень высокой. В лагере находился за двойным рядом колючей проволоки, по которой был пущен ток, как бы «малый лагерь» – отдельные штрафные бараки, куда стогнали польских евреев и наших пленных, не прошедших фильтрацию, заподозренных в том, что они евреи. Сюда также попадали политработники и военнопленные, пойманные при побеге или зачисленные немцами в категорию «особо провинившихся». Фактически, это были бараки для смертников, и когда наша команда оставалась для работы внутри лагеря, то мы видели, как в снег и в дождь несчастных выгоняют из барачков во двор и надзиратели издеваются над ними, командуют: «Лечь! Встать! Лечь! Встать!», – пока люди не теряли сознание, а то и умирали.

Среди надзирателей был один суший зверюга, мы этого изверга прозвали Карнаухим, ему одно ухо оторвало на Восточном Фронте. Я все время находился в диком напряжении, а вдруг кто-то догадается и донесет, что я еврей. Или такая страшная вещь как лагерная баня, я ведь обрезанный, увидят – и все... И ведь попался я на очередной фильтрации. В апреле 1944 года лагерное начальство внезапно приказало построить нас в шеренги возле барачков, и мимо

каждого ряда проходили пять человек в офицерской форме вермахта, старший из них был в полковничьем звании. Рядом семенил поляк-переводчик. Они всматривались в лица военнопленных, и подозрительных заставляли говорить слова с буквой «р», проверяли, кто картавит, затем приказывали выйти из шеренги и строиться в отдельную колонну, которую немцы направляли в малый лагерь для прохождения телесного досмотра. Во время этой фильтрации возле меня остановился поляк-переводчик, внимательно взгляделся в мое лицо и спросил: «Ты жидовский?» Слегка улыбнувшись, я ответил: «Нет, я русский». Поляк тут же обернулся к полковнику, показывая на меня рукой: «Этот похож на еврея!» Полковник, мельком обратив на меня свой взгляд, только выругался: «Руссише швайн!», – махнул рукой и пошел дальше вдоль ряда военнопленных. На мгновение я вздрогнул, но, оказалось, напрасно, мне все же велели выйти из строя и встать в группу подозреваемых. Меня, вместе с другими, под конвоем привели к немцу, расовому специалисту, но я уже знал куда меня ведут, был готов к подобного обороту, и борясь за жизнь, приготовился к худшему, отдав себя на волю судьбы. Товарищи достали мне маленькую картонку немецкого искусственного эрзац-меда, по цвету похожий на телесный. Я просто положил слой этого эрзаца прямо туда, стараясь так скрыть отсутствие крайней плоти. Подслеповатый очкастый немец приказал мне приспустить шаровары, бросил быстрый взгляд на низ живота и заключил, что я не «юде». Меня отвели обратно в свой барак, и мои товарищи по взводу, увидев меня живым, как-то растерялись, лишь шепотом произнесли: «Не может быть». Потом сказали, что думали, что я уже на том свете.

Да я и сам не мог поверить в свою удачу, неужели на этот раз пронесло?!

В бараке пошли слухи, что из нашего лагеря на днях будет отправлен «транспорт» с военнопленными в Норвегию, и действительно, я с Черновым и Зеркиным оказались в этом транспорте. И кстати, в Норвегии, в лагере, немцы уже не охотились за «юде и комиссарами», там вообще не было никаких проверок, фамилий у нас уже не было, только порядковые номера на бирках, висящих на шее...

Что пришлось испытать нашим военнопленным в Норвегии?

24 апреля 1944 года нас погрузили в трюм грузового корабля в Штейнице, а выгрузили живых только в норвежском порту Лиллехаммере, где всех прибывших загнали в местный концлагерь. Сразу началась эпидемия дизентерии, и меня эта болезнь тоже не миновала, я оказался в лазарете. Многие больные дизентерией военнопленные не выжили, а тех, кто стал отходить от болезни, немцы отправили обратно в бараки. Пока мы лежали в лазарете, всех других пленных уже разбили по бригадам для работы на различных объектах за пределами лагеря, и из нас, вернувшихся из лазарета, создали бригаду из двенадцати человек, посадили на грузовик и повезли в лес, на рабочий объект. Им оказался склад – овощехранилище. Наша бригада работала в качестве грузчиков на этом складе и, несмотря на то что за нами постоянно пристально наблюдала охрана, иногда нам удавалось спрятать и пронести через проходную лагеря по две-три картофелины для товарищей, но если немцы при обыске бригады находили у кого-нибудь картофель, то пойманного переводили на другой объект. Мы продолжали голодать, но особых зверств здесь уже не было, лагерный режим в Норвегии был мягче, чем в Штутгарте.

Вот небольшой пример. Недалеко от складов находились уборные – будки из досок. Если кому-то из пленных необходимо было справить нужду, то, как правило, конвой сопровождал всю бригаду. Вблизи от уборных располагались во множестве деревянные клетки, в которых немцы разводили кроликов. В клетках оставались кусочки хлеба и овощей, не съеденные кролями, и нам часто удавалось, незаметно для конвоя, стащить из клетки кусочек хлеба.

Однажды, в мае, когда бригаду привели в уборную, я тоже решил тайком от охраны стащить хлеб из клетки крольчатника. Но не тут то было! Я открыл задвижку клетки, вытащил два кусочка хлеба, но не успел их спрятать, как передо мной из высокой травы появился высокий, здоровый немец в одних шортах, видно загорал на солнце, и заорал на меня: «Руссише

швайн!!!», – и приказал показать лагерный личный номер. И тут он увидел в моей руке два маленьких кусочка хлеба (а немец, видно, подумал, что я намеревался украсть кроля). Немец выругал наших конвоиров и приказал отвести всю нашу бригаду на собачью кухню и дать всем по пачке сухих галет... А в Штутгарте за попытку чего-то украсть охрана могла бы убить пленного на месте. В конце лета нас перебросили в лагерь Берген, где у самого побережья Норвежского моря немцы возводили крупный объект – железобетонное здание в три этажа, потолки и стены которого были три метра в толщину. На этом объекте также работали норвежцы.

Мне, как и другим, пришлось работать на разных участках этого строительства: вязать арматуру, таскать на носилках мешки с цементом к бетономешалкам. Потом норвежцы нам сказали, что этот объект предназначается для захода немецких подводных лодок на ремонт и в начале 1945 года мы сами увидели, как на недостроенный объект зашла первая субмарина. Этот объект подвергался бомбардировкам авиации союзников.

Однажды, в январе 1945 года, когда наша бригада работала на крыше «верхнего потолка», над портом появились англо-американские бомбардировщики. Мы их не видели, так как работали в закрытом отсеке. Внезапно появился немецкий офицер и криками приказал нам быстро спуститься на второй этаж. Тем самым он спас нам жизнь. Буквально через минуту началась сильнейшая бомбежка объекта, были многочисленные жертвы среди военнопленных и норвежцев, особенно возле бетономешалок, куда случились прямые попадания бомб...

У наших военнопленных была какая-то связь с местным населением или с норвежским сопротивлением?»

Норвежцы относились к военнопленным очень хорошо, при возможности помогали, чем могли. Бывало нас гонят на работу, а вдоль дороги лежат кусочки хлеба и мяса – так норвежцы поддерживали нас. Про подполье в нашем лагере военнопленных я не слышал, но в факте существования норвежских партизан, групп сопротивления, нам довелось убедиться. В одну из ночей они подорвали морской транспорт, стоящий в Бергене, и, видимо, этот транспорт перевозил продовольствие, поскольку утром в окрестностях кругом были разбросаны консервные банки со взорванного транспорта.

Норвежцы передавали военнопленным информацию о положении на фронтах, кто-то из них принимал английское радио. И, скорее всего, немцы об этом знали, поскольку на следующий день после покушения на Гитлера, весь наш лагерь был выстроен на плацу, и через громкоговорители была транслирована передача берлинского радио, чтобы мы, пленные, убедились, что Гитлер жив и война не окончена...

Когда выжившие узники концлагеря обрели свободу?

Седьмого мая 1945 года в лагерь вошли американцы. Мы сразу бросились вылавливать охранников, их убивали на месте, но часть немецкой охраны спасли сами американцы: они заперли их в одном из бывших наших барачков и не дали пленным добить всех немцев-надзирателей... Мы оказались на свободе, и не было в округе такой семьи, которая не пригласила бы бывшего пленного к себе домой. Я с тремя товарищами был приглашен в семью Эльзы Эрижен, где нас тепло приняли, накормили, одели, обули и дали с собой еще много подарков. Но все эти подарки у нас отобрали чекисты в ленинградском порту, в день, когда бывшие пленные на корабле вернулись на Родину.

Были бывшие пленные, которые решили не возвращаться домой?

Да. Таких было не так уж и мало. Норвежцы предлагали нам остаться у них, потом нас агитировали американцы – не возвращаться в Россию, обещали отправить каждого «невозвращенца», куда он захочет в Америку или в Западную Европу. Нам американцы сразу объяснили, что за плен пощады не будет, и если не расстреляют, то сибирских лагерей нам не избежать,

мы по-прежнему «изменники Родины, нарушившие воинскую присягу». Среди заключенных бергенского лагеря не было предателей, у нас даже не было лагерной полиции, составленной из бывших пленнх. И когда в лагерь приезжали представители власовцев, записывать добровольцев в РОА, то к ним никто из наших не пошел! Но никто из нас не думал, что на Родине нас просто отпустят по домам, ведь, как Сталин относится к попавшим в плен и что считает их всех поголовно предателями, мы уже знали. Некоторые серьезно задумались над предложением американцев, и в итоге согласились. Но для меня лично родина была превыше всего. В начале июня в город Берген прибыли советские офицеры, называвшие себя представителями советской миссии в Норвегии. Они приступили к составлению списков бывших военнопленных для депортации их на родину. Я записался под фамилией Гурин. Вскоре большую группу бывших пленнх направили в Осло, там уже ожидали отправки в Союз несколько тысяч человек. Было немало таких, которые были уверены, что по прибытии на родину нас или расстреляют за плен или дадут лагерный срок лет так на пятнадцать. И я сам вскоре так начал думать, но обратной дороги для себя не видел... С корабля нас в порту Ленинграда выводили на берег группами по сто человек, выстраивали за портовыми строениями, вдали от чужих глаз, забирали у нас все вещи и подарки, пленнх переодели в старое солдатское обмундирование б/у, переобули в ботинки и под конвоем вели на вокзал, где товарняками нас отправили в Муром Владимирской области, в проверочный лагерь.

С первых же минут на родной земле отношение к нам было, как к предателям.

Как проходила государственная проверка в Муроме?

Разместили бывших военнопленных в бараках, на голых деревянных нарах.

Бить никого не били, но все время в наш адрес раздавались угрозы со стороны охраны и следователей. Уже в первые дни проверки из бараков изъяли всех «подозрительных», отделили от рядовых бывший комсостав. Смершевцы вызывали к себе по одному и тщательно допрашивали, и где-то через неделю в следственный отдел лагеря вызвали и меня. Первое, что я услышал от следователя, было следующим: «Ты Гурин Григорий Данилович?! Садись, предатель родины! Давай, рассказывай, где, когда и при каких обстоятельствах сдался в плен?!». Я сказал ему: «Для начала я постою. А зовут меня не Гурин, а Григорий Давидович Водянский». На мой ответ последовала мгновенная реакция, резко поднявшись со стула, следователь в упор произнес: «Так ты хочешь сказать, что ты еврей?! Тогда почему, ты, еврей, находясь в немецком концлагере, остался в живых?!» Тогда я подробно рассказал следователю, в каких частях служил, какую задачу выполняла наша ВДБр и при каких обстоятельствах, будучи раненым, без сознания, я был взят в плен, и что два живых свидетеля могут все это подтвердить. Когда я закончил говорить, то следователь, выдержав долгую паузу, произнес: «Ну что же, пока ты свободен... Пока... Жди следующего вызова на допрос»... Спустя две с лишним недели охрана меня снова вызвала к тому же следователю, и в отличие от первого допроса, он вел себя по-другому. Сначала дружелюбно предложил сесть, однако сразу сурово произнес: «Ты почему родителям не сообщил о том, что жив и здоров?». Я ответил, что не знаю, где они сейчас находятся, в эвакуации были в Челябинске, но уже два года прошло. Следователь сказал: «Мы навели справки и установили, что твои родители живут сейчас на Украине, в городе Херсоне» Он сообщил мне адрес и велел немедленно связаться с ними. Закончилась эта моя встреча со следователем на том, что он сказал: «Жди, тебя снова вызовут, но уже в другой отдел». И действительно, следующий вызов был в отдел, занимавшийся дальнейшим направлением бывших пленнх на работу в народном хозяйстве. Мне вручили временное удостоверение личности, в котором было сказано, что я прошел государственную проверку, ни в чем не обвиняюсь и преступлений перед Советской Родиной не совершал. Являюсь гражданином СССР и имею право участвовать в выборах во все органы власти страны. Направили меня на работу в город Ростов Ярославской области, на лесосплав. 10 июня 1946 года я получил полный расчет в организа-

ции, занимавшейся лесосплавом, и поехал домой в Херсон свободным человеком. Но в Херсоне, как только я встал на учет, меня снова стали тягать на проверку уже в городское управление МГБ, которая продолжалась долгие месяцы. Гражданский паспорт мне выдали только через полгода.

А после 1953 года, за пребывание в плену были какие-то ограничения?

Нет, после сороковых годов меня никто пленом уже не попрекал. В 1946 году я начал трудиться простым рабочим в Цурюпинском винзаводуправлении, позже стал бригадиром, а после получения образования работал на херсонском совхозе-заводе «Янтарный» главным виноделом, и даже был исполняющим обязанности директора совхоза-завода, был заведующим лабораторией технической и технологической оценки по испытанию винодельческих машин, а эта лаборатория считалась союзного значения. Меня наградили орденами Знак Почета и Трудового Красного Знамени, в 1967 году я получил авторскую премию Совмина СССР, избирался депутатом Херсонского горсовета и так далее. Везде в анкетах честно писал, что был в плену, но, как сами видите, мне никто за это палки в колеса не вставлял, после последней проверки в 1947 году претензий ко мне со стороны властей уже не было. Но я думаю, что этот мой частный случай – просто редкое везение. Многим другим плен просто сломал дальнейшую жизнь и примеров тому я знаю множество. Ведь в конце сороковых годов я даже боялся начать поиски своих двух товарищей по саперному взводу, спасших меня и поддерживавших все время в немецкой неволе, я думал, что если напишу им, то подставлю: такая переписка сразу вызовет излишнее внимание к бывшим пленным со стороны органов ГБ...

Здесь, уже когда переехали на ПМЖ, кого из участников Днепровского десанта довелось встретить?

Телефон бывшего десантника Матвея Лихтермана вы мне дали, я ему вчера позвонил, говорили долго, вспоминали своих товарищей из 3-й десантной бригады, погибших за Днепром осенью сорок третьего года. Слезы сдержать не смогли...

Три года назад здесь умер еще один бывший десантник из 3-й ВДБр, Игорь Куликов-Лещинер, он был командиром саперного отделения во взводе другого батальона бригады. Во время выброски десанта, он оказался в группе из одиннадцати человек, которой удалось прорваться из окружения к партизанам, но его семья получила похоронку. Куликов был ранен, после госпиталя снова попал в десант, воевал на Свири, в Венгрии и в Австрии, получил два ордена и медаль «За Отвагу», но в 1945 году в его судьбе произошел случай, который полностью искалечил ему жизнь. В мае 1945 года, когда все отмечали Победу, Куликов, в ответ на оскорбление – «жидовская морда», застрелил пьяного замполита в капитанском звании, был за это осужден трибуналом, получил первый лагерный срок и в общей сложности провел в тюрьмах и лагерях двадцать восемь лет своей жизни, но годы заключения не сломили его дух, он до самой смерти оставался настоящим десантником...

Сегодня как раз очередная годовщина Днепровского десанта. Что хотелось бы Вам сказать по этому поводу?

Для меня и для большинства моих товарищей по 3-й десантной бригаде вся война сложилась в один прыжок в немецкий тыл и в один бой, ставший для многих последним. Мы не успели многого сделать на войне и не наша в том вина... Но когда надо было пойти на смерть ради любимой Родины, сделать шаг в ночную бездну с борта «дугласа» навстречу неизвестности и возможной смерти, когда пришло наше время выполнить приказ и пожертвовать собой – мы это сделали, все как один...

Хотелось, чтобы люди помнили о погибших бойцах 3-й ВДБр...

Интервью и литературная обработка: Г. Койфман.

Шишкин Василий Иванович

Конечно, многое, мы ветераны, могли бы рассказать, но, во-первых, прошло столько времени, а во-вторых, мы ведь были солдаты. А солдат спит, служба идет. Оно нам надо было тогда что-то узнавать, что-то запоминать? Мы не думали, что являемся свидетелями великих событий и что у нас потом будут брать интервью журналисты. Я даже командиров своих не помню. Вот помню Кальмутского – взводного. Потом он ротным стал. Нас называл «гренадерами». Веселый был, шумный. Мы его любили. А так... Мы ведь со многими командирами стали общаться только на встречах однополчан. У нас появилась потребность во встречах с однополчанами только в 70-х годах. Так что не взыщите, если что не вспомню или знать не буду.

Сколько вам было лет, когда началась война?

Когда началась война, мне и моему брату близнецу Григорию было шестнадцать с половиной лет. Все годы военную службу в ВДВ мы с братом были вместе, поэтому не удивляйтесь, что я все время буду говорить мы.

Жили мы в селе Садки Дубовского района Сталинградской области. Мы стали работать на строительстве оборонительных сооружений. Рыли окопы, противотанковые рвы, строили ДЗОТы. Потом нас послали на курсы трактористов, и мы, окончив, стали работать в колхозе. Вместе с братом по очереди работал на одном тракторе типа «Универсал» двенадцать часов он, а потом двенадцать – я. Работа была жесткая. Нас даже не пустили попрощаться с отцом, когда он уходил на войну в 1942 году. Когда фронт подошел близко, был получен приказ эвакуироваться. Пришлось своим ходом перегонять за 180 километров трактора, комбайны и другую сельхозтехнику. Переправа через Волгу осуществлялась в районе с. Горной Пролейки Дубовского района. Причем только после того, как мы перегнали колхозную технику, нам позволили эвакуировать свое хозяйство и мать. Мы были старшие в семье. Так что на наши плечи легла ответственность за мать и малых братьев и сестер. Перевезли мать с четырьмя детьми в безопасный район за Волгу и потом опять работали в колхозе до призыва в армию.

У нас под Сталинградом, еще до того, как нас эвакуировали, останавливались войска. Как правило, размещались в домах. И у нас останавливались офицеры. А часть была из Азии, наверное, потому что много было нерусских. Узбеки и таджики. И вот офицеры между собой разговаривали, а мы слышали, что многие солдаты запаслись дома зельем. Наглоताются и слепнут на время. «Моя ничего не видит, давай отправляй в тыл». Их за это наказывали. Но они пошли другим путем. Становится один за дерево, руку вытягивает и в него стреляет его товарищ. Несколько таких «самострелов» показательно расстреляли около нашей деревни.

Расскажите о довоенной жизни.

Жили, конечно, небогато, но и не голодали. Дом у нас был небольшой. Спать мы ложились на койку, а вместо подушки клали то, что носили. До войны мы были обыкновенными деревенскими пацанами. Правда из общей массы нас с братом выделяли отличная учеба и любовь к музыке, которую нам привил один старый еврей. В году сороковом или в тридцать девятом поселили в нашем селе общину евреев. Их переселили с Западной Украины, если я не ошибаюсь. Грязнули страшные были, но многие умели играть на музыкальных инструментах. И вот общение с одной из еврейских семей привило нам с братом любовь к музыке. Глава семейства хорошо играл на мандолине. С помощью этого еврея мандолина и стала первым музыкальным инструментом, которым я овладел. Григорий на мандолине лучше меня играл, с выкрутасами. В общем, это надо слушать. Зато я научился еще и на гармошке играть. Строй – звучание у гармони делился на немецкий, русский и хромку. Вот у меня хромка и была. Хромка отличается тем, что при растягивании и сжатии звук один и тот же, у русской при сжатии – один звук, при раскрытии – другой, а у немецкой наоборот. Со временем я овладел пятью музыкальными инструментами.

До шестого класса мы учились на «отлично». Шестой класс с почетной грамотой закончили, а в седьмом уже за девчонками стали бегать, стали похуже результаты. Так как мы имели красивый почерк и писали без ошибок, нас вызвали в военкомат, и мы с братом писали повестки и разные документы на наш призыв. Всех забрали ребят, а нас задержали. И вот призывали нас двоих только 5 февраля 1943 года, точно в день нашего восемнадцатилетия.

В какую часть воздушно-десантных войск вы попали?

Первые месяцы службы прошли на станциях Мокроус и Еруслан в Саратовской области во 2-м запасном парашютно-десантном полку.

Уже первый день нам показал, что такое армия. Выдали нам черную гимнастерку с петлицами, какие-то штаны ватные, телогрейку. Два ремня чтобы держать их. Раздавали нам кому – лопатку, кому – противогаз, кому – подсумок. Вот и носили все время с собой. Но не все сразу. Вот, к примеру, сегодня мне достался противогаз, а брату лопата, а завтра могло быть наоборот.

А все сержанты, которые нас тренировали, как на подбор были здоровенные хохлы. Они, конечно, из нас веревки вили. Они старались показать рвение, что бы самим не попасть на фронт. И вот эти хохлы нас построили в шеренгу. Команда – к бою, по-пластунски, вперед. А мы только надели все новое. Проползли метров сорок, команда – отставить, на исходную, и все снова. Только дождик прошел, и мы все с ног до головы в грязи, а так хотелось побыть немного в чистой новенькой форме. Как я понял, эти переползания было самым любимым упражнением наших сержантов. За день мы проползали приличное расстояние. Дальше. Тренируемся ложиться по команде «отбой». У нас были трех ярусные кровати. И вот за сорок секунд нужно раздеться, все аккуратно сложить и быть в кровати. Тренировались, пока все не уложились в норматив. Один раз меня подняли, так как я не уложил ровно противогаз. Сержант сказал, что на первый раз обойдемся замечанием. К слову, это было единственное взыскание за десятилетия моей службы.

Как вас кормили?

Были мы всегда голодные. Питались по тыловой, третьей норме. Это самая «дохлая» норма питания – 600 грамм хлеба в день. Правда, это был не хлеб, а черт знает что, что туда только не добавляли. Но помню хорошо, что муки там было немного, зато попадалось то, чего в хлебе быть не должно. И баланда – вода, размешанная с мукой или крупой подкрашенная. Приходим в столовую, жрать хочется страшно. Съел ту порцию, и только аппетит раздражил. Готов есть, а нечего. У нас железная дорога проходила рядом с частью, и вот утром к ней бегали на зарядку, а вечером на вечернюю поверку ходили с песней, так у многих сил не было ни бегать, ни ходить. Вот так кормили.

А сержанты – те жировали. Они получали паек воздушно-десантный, как я это понял. Когда нас привезли, на мне были хорошие офицерские галифе. Это мне подарили офицеры, что у нас останавливались, когда на фронт двигали. И вот сержант их увидел и захотел получить. После недолгих уговоров я согласился отдать их сержанту. За штаны я получил полбуханки белого хлеба. А белый хлеб входил только в летный и воздушно-десантный паек, и, если я не ошибаюсь в госпитальную норму питания. Мы с братом с таким удовольствием съели этот хлеб и после нормальной еды не видели до тех пор, пока не попали в 5-ю Гв. ВДБр.

В чем заключалась парашютная подготовка в запасном полку?

На спортивной площадке были тумбы установлены, вот мы с них и прыгали в песок – учились правильно держать ноги и руки при приземлении. Самая низкая – метр, самая высокая – три. Приготовились – пошел. Прыгали, аж в мозгах все переворачивалось. Вот и вся десантная подготовка. Зато часто были марши. Несколько десятков километров, причем с преодолением водной преграды, и все с полной выкладкой. И вот приходим к финишу, а нас встречают с музыкой. А кого встречают? От батальона пришло человек двадцать, а остальные все растянулись. У кого обмотки плохо намотаны, кто промежность растер, кто упал и не в силах идти.

«Только ляжешь – Пидымайсь! Только станешь – Пидравняйсь!» – была у нас присказка. Хохлы нас гоняли будь здоров.

Бытовые удобства какие были в полку?

Баня была, но одно название. Посещали ее раз в десять дней. Заводили нас в помещение и выдавали по котелку кипятка. А чтобы эту воду вскипятить, мы приносили на себе бурьян для растопки печи. Вот и этим котелком мы и мылись. Хочешь голову мой, хочешь зад, а хочешь все мой, если, конечно, сможешь. Вот такая у нас жизнь была в учебной части. Жизнь по третьей норме.

Когда в мае месяце приехали в Киржач, в 5-ю Гв. ВДБр, тут уже другая норма была. Давали компот, на завтрак кусочек масла сливочного, сахарку прилично. То есть мы готовились уже не просто к службе, а к бою. Тут, конечно, мы облегченно вздохнули по поводу питания, зато гоняли нас еще больше.

Как вас готовили к боевым действиям в 5-й бригаде?

Марши чуть ли не каждую неделю были. Ночью, днем, по-разному, километров пятьдесят-шестьдесят. Штурмовая полоса – это вообще, как «отче наш». Оружие изучали, конечно – собирали и разбирали, доводили действия до автоматизма. Тактическая подготовка, в атаку ходили, и так далее. Изучали парашюты, укладывали их. Мы были отличными укладчиками парашютов и нам доверяли укладку своих парашютов офицеры штаба батальона и роты.

Стреляли много?

Нет. Стреляли мало. Экономили на нас. Много уделяли времени парашютно-десантной подготовке. Она, конечно, была на высоком уровне.

Расскажите о вашем первом прыжке с парашютом?

Должны были прыгать с высоты четыреста метров. С меньшей мы не прыгали. Говорили, что это связано с устройством наших парашютов. Но что-то случилось, и гондола не набрала нужную высоту. Нас опустили и назначили прыжки на следующий день. Вот помню, стоишь, ждешь, когда твоя очередь, и сразу в туалет хочется. Многие просились в кусты от переживаний.

На следующий день поднимают нас на четыреста метров. Григорий мне: «Ты, говорят, братишка первый родился. Вот первый и прыгай!» Открывает дверцу аэронавт, становлюсь на площадку. Глянул вниз – ё-моё. Страшно сил нет. «Приготовиться!» – «Есть, приготовиться!» Я колени поджал, руки на груди и чувствую, что страх сильнее. Я аэронавту, которого все вышибалой называли: «Помогите, пожалуйста!». Он, вижу краем глаза, руку протягивает ко мне, а я сам оттолкнулся и провалился вниз. Посмотрел, сразу после рывка вверх, как учили. Купол раскрылся и я сразу песню запел. Опускаюсь, а сам усаживаюсь поудобнее в подвесной. Деловито лямки тяну, чтобы ветер в спину дул. Чувствую себя как уже опытный парашютист. Нам инструктор рекомендовал при приземлении падать на землю, а не пытаться устоять. Упал и сразу за нижние стропы подтягиваешь к себе купол, чтобы погасить. Но я устоял на ногах, а купол гасить не пришлось, потому что погода в тот день была безветренная. Снял парашют и доложил: «Рядовой Шишкин совершил первый прыжок с парашютом». Тут меня поздравили, вручили значок парашютиста и деньги. Не то семь рублей, не то червонец, точно уже не помню.

А брат нормально прыгнул?

Да куда он денется. Правда, потом я уже узнал, что первому прыгать лучше. Гондола после прыжка первого начинает раскачиваться, что прибавляет страху следующим. Тут от высоты страшно, а еще пол ходуном под тобой ходит. Я совершил за время службы 51 прыжок – и ни одного ЧП. А вот у брата было два неприятных момента. Один раз мы зимой прыгали, и парашют подмерз. Так получилось, что парашюты уложили, а прыгнуть в этот день не успели, вот основной и не раскрылся. Он запасной открыл, и его надо было в сторону выбросить, а он растерялся, и запасной у него между ног прошел и запутался. Вот он и летел вниз: один не раскрылся полностью, так как смерзся, другой в ногах запутался. И вот он только у самой земли расправил запасной парашют, но все равно его о землю шибануло крепко. Он о каркас чехла запасного парашюта разбил лицо. А второй раз у него купол раскрылся, но лопнул. И он полетел вниз. Я первым прыгнул и смотрю, братуха мимо меня вниз пролетел. Я ему, видя такое дело, ору: «Ни хрена не случится!» и он раскрыл нормально запаску и удачно приземлился.

Много разбилось парашютистов во время учебы?

Был у нас случай, когда во время прыжков сразу 12 человек погибло. А что получилось. Когда укладываешь парашют, то вот купол заканчивается стропами, которые укладываются в ячейки – соты, но что бы было нормально укладывать в том месте, где купол соединяется со стропами, делается привязка резиночкой. Вот эту резинку снять и забыли. Начальника ПДС (парашютно-десантной службы) перевели в другую бригаду. Вот и все наказание.

Была ли норма по количеству прыжков, которые десантник должен совершить за год?

Да была. Если мне не изменяет память, десантник в год должен совершить не менее восьми прыжков в различное время суток и погодных условий. Но это не всегда получалось. К примеру, в десант за Днепр я уходил с четырьмя прыжками. Пятый был боевой. То есть

за четыре месяца – четыре прыжка. А вот за десять лет службы в ВДВ я всего совершил 51 прыжок, а брат 53.

Вашим боевым крещением стал Днепровский десант. С чего он для вас начался?

Десант за Днепр начался для всех с тревоги. Нас подняли, мы собрались и двинулись на станцию. Естественно, мы не знали, куда и зачем идем. Понимали, что на фронт. Нас погрузили в телячьи вагоны и вперед. Вот поезд тронулся, и мы смотрели, как мимо нас проплывает перрон. Многие из нас понимали, что назад не вернуться и что эта часть нашей жизни остается в прошлом, а те, кто не понимал, то чувствовал, что мы уезжаем навстречу своей судьбе, и какова она будет для каждого из нас неизвестно. В общем, тоскливо было на душе у всех. Шли мы на верную смерть и если и не знали, то уж точно чувствовали это. Мы смотрели по сторонам, когда поезд нес нас к аэродромам в исходный район. Лошади убитые, с раздутыми животами лежат. Руины. Сожженные деревни. Трупы людей. И не договариваясь, как-то само собой, словно в едином порыве, мы выхватили оружие и стали стрелять в воздух, словно отдавая салют нашей загубленной юности. И затянули песню «Прощай, любимый город».

Я с братом был в 1-м взводе, 1-й роты, 1-го батальона 5-й бригады. Мы летели в одном самолете с майором Базылевым, он был замкомандира батальона. Брат был его связным, а я связным его адъютанта. И больше мы его не встретили. Летело нас 22 человека и один десантный мешок с грузом. С сухарями, салом, конфетами и разной едой и патронами. Забегая вперед, скажу что из двадцати двух нас собралось только восемь, а Базылев так до сих пор по моему и числится пропавшим без вести.

Вот когда мы прибыли на аэродром, уже перед выброской нам сказали, что немцев в этом районе, куда мы будем десантироваться, нет. А в итоге мы прыгали на немцев. Подлетаем к Днепру, а земля вся горит. Нам сказали, что прыгать будем с высоты 400 метров, а самолет как пошел вверх. И все равно, взрывы от зенитных снарядов вокруг нас были. Ну, приготовится, пошел. Бросили нас. Высота такая, что ощущение будто висим в воздухе и не опускаемся. Все как будто зависли. Я стал стропы тянуть – скользить. Скорость падения увеличилась и вдруг горизонт и земля. Я отпустил стропы и оказался в глубоком овраге. Как ноги не переломал, не знаю. И то, что с братом встретился, чудом считаю. Нас должно было сильно разбросать. Высота, скорость самолета и ветер.

Один из участников десанта мне рассказал, что когда он был в госпитале, один из раненых узнав, что он десантник сказал, что вам только за то, что вы согласились прыгнуть с парашютом в тыл врага нужно давать медаль «За Отвагу» всем без исключения. Насколько верно такое утверждение, на ваш взгляд?

Абсолютно верно. Все, кто шел в тыл, уже совершали подвиг. Мы не особо думали, что вернемся живыми. Вот вам такой пример. У нас каждый укладывает парашют сам и на бирке, которую прикрепляли к чехлу указывали свои данные: какой взвод, рота, батальон, фамилия, имя, отчество. А когда перед прыжком начали выдавать парашюты, то оказалось – чужие. И кто и как их укладывал – я не знаю, но принимали как должное, брали и прыгали. Это вот не подвиг разве? Я считаю, что подвиг. Чужой парашют – это кот в мешке. И по правилам, ты должен прыгать только со своим, но никто не роптал. Надо прыгать и все. Получив задачу, мы шли ее выполнять, невзирая ни на что. Офицерам был положен запасной парашют, а нам только основной.

Давайте вернемся в ту ночь, когда вы опустились в овраг за Днепром.

Приземлился я в овраг. Отстегнул подвесную систему, как учили, порезал стропы и купол, что бы парашют нельзя было использовать, замаскировал его и осмотрелся. На некото-

ром расстоянии белел еще один парашют, и я направился к нему. У нас был пароль – 13. К примеру, я говорю восемь, а мне должны ответить пять. Что бы в сумме получилось 13. Вот я подхожу и слышу: «Стой! Кто идет? 10!» Голос брата я сразу узнал: «Какой десять, это я Васька!» Обнялись и расцеловались, чего не случалось за всю нашу восемнадцатилетнюю жизнь. Пошли искать своих, и практически сразу наткнулись на немцев. Завязалась перестрелка. И вдруг – ура! К нам на помощь несутся наши ребята. Немцы не ожидали такого наскока, ударили по дну оврага, а наши начали гнать их по верху. Мы к ним присоединились и стали преследовать бегущих немцев. С братом оторвались метров на 50 и спустились в овраг. Тут я увидел лежащего немца. Уже хотели пройти мимо, как я обратил внимание, что он живой. Затаился гад и, видимо, хотел нас пропустить вперед и ударить в спину. Ах, ты... И давай его колотить прикладом ППШ. Азарт такой меня захлестнул, такая ярость. Остановился только тогда, когда шейка приклада моего ППШ треснула. Смотрю, а от его головы ничего не осталось. Только посреди кровавой каши ухо нетронутое белеет. Автомат я тут же бросил. Винтовку у него забрал. Обыскал и взял патроны. Потом винтовку трофейную я сменил на СВТ и очень жалел. В тех условиях, в которых мы оказались, лучше воевать с немецкой винтовкой, чем с СВТ. СВТ чем хреновая – чуть-чуть попал туда песочек и все. Она любит, что бы за ней ухаживали. А у нас ни ветоши, нет ни смазки. Да и сами помыться не могли, не то что оружие держать в чистоте. Потом, как только представилась возможность, я ее поменял на ППШ. День провели, двигаясь по огромному оврагу. Собралось нас восемь человек, ни одного офицера, все бойцы. Под вечер приняли еще один бой. Тогда Григория и ранили. Когда начался бой, мы с братом были на границе оврага, но потом я сменил позицию. Нужно было рассредоточиться, чтобы поддерживать друг друга огнем. Я спустился несколько ниже.

Брат наверху, а я внизу на склоне. Немцы его окружили. Он из гранаты вытащил чеку и держал. Я хоть и внизу, но мне все видно. Он, значит, в немцев гранату швырнул, и в этот момент кубарем ко мне скатился. И вот, когда он катился по склону, его и ранило в плечо насквозь. А тот немец, что в брата стрелял, высунулся в момент выстрела, и я его застрелил. Он упал на то место, где Григорий Иванович до этого занимал позицию. Он ко мне скатился, а немец на его место. Только Гриша был ранен, а немец мертвый. Постреляли немного, немцы отошли. Вот сидим, я брату руку бинтую и слышим, что по оврагу бегут еще наши десантники. В расстегнутых гимнастерках. У нас ведь помимо плащ-палатки были еще и шинели, но мы их к чертям побросали, оставили только вещмешки. Нам ведь говорили, что дня на три летим. К чему лишнюю тяжесть тягать. Подбежали к нам, мы расцеловались и перешли на другую сторону оврага и вечером наблюдали как немцы стали своих убитых собирать. Хочу сказать, что немцы ни одного своего раненого или убитого не оставляли. У нас этого не было. Мы порой оставляли раненых на произвол судьбы. И дело не в бесчувственности или в том, что на людей нам плевать было. Просто куда их? Некуда. И помочь мы ничем не можем. Особенно раненые в ноги и живот, которые не могли сами передвигаться. У меня был один медпакет, и я его сразу на брата использовал. Я был ему медбратом. Рану эту перематывал все время одним и тем же грязным бинтом. Он две недели его таскал – грязный, пропитанный кровью бинт.

Известно, что в первые дни десанта многие группы были изолированы друг от друга и действовали самостоятельно. Расскажите вашу одиссею до момента встречи с бригадой, которую возглавил командир вашей бригады Сидорчук.

Группа наша ушла из оврага с темнотой. Стали искать где основные силы десанта. Набродили на село. Село было освещено, слышно было гул работающих двигателей, немецкие голоса, лай собак. Мы посоветовались и решили не лезть на рожон, а обойти село. Это было бы безумие идти на сильный гарнизон такой малочисленной группой. Мы обошли это селение и продолжили путь с надеждой выйти к основным силам бригады.

Мы бродили около двух недель. Нас после боя стало человек пятнадцать. Я никогда и никому про это не рассказывал, но сейчас скажу. Сначала у нас был командир – лейтенант незнакомый. Но вскоре, поняв безысходность ситуации, в которой мы оказались, он застрелился на наших глазах. Мы настолько были потрясены, что ушли, даже не забрав его документы и карту с компасом. А может и не было у него ни карты, ни компаса. Черт его сейчас уже знает. Часов у нас не было. Компаса и карты тоже. Так что где мы бродили и сколько, не могу сказать. Мы в такое положение попали. Везде был враг. Ни тыла, ни флангов прикрытых у нас не было. Кого там только не было – власовцы, полицаи, немцы. За любым кустом могла подстерегать смерть.

Мы блуждали, не зная, куда нам идти, на кого выйти. В деревни заходить боялись. Жажда мучила страшная. Пили из лужиц. Оставила лошадь след от копыт, а в этом углублении водичка скопилась – вот и пили. Однажды подошли к дряхлому дому и рядом баня, от которой шел сток в канаву – пили эту непонятную муть. Прятались в скошенной траве. Больше всего попадалась рожь. Стерня была высокая, и мы забирались под нее и там весь день лежали. Трудности с питанием переносили, используя подножный корм – яблоки, шиповник, колоски ржи, проса. Днем прятались в оврагах, выставляя дозорных, под стерней скошенной ржи, проса. Когда брат попал в госпиталь, то там из раны извлекли целую горсть просяных зерен. Только тогда рана начала заживать. Наблюдали, как немцы на машинах проезжали по дороге. Одного десантника, помню, жутко душил кашель. Мы готовы были его убить. А рядом проходит шоссе, по которому было сильное движение. В чистом поле, если нас обнаружат, то это сразу бой и смерть. Было и такое. Вот небольшой лесок и через него дорога. Вот немцы едут и сразу начинают по лесу стрелять. Они страшно боялись леса и страшно боялись ночи. А мы наоборот. День пересидим, ночь смело идем. Идем, бредем, а куда неизвестно. И вот как-то в одну из ночей пересекаем поле, а там копейки небольшие, там нас и встретили партизаны уже под утро. А партизаны имели задание от командования, собирать десантников. Вот мы с ними и встретились. Мы очень обрадовались и пошли туда, куда они нас повели. И вот когда мы шли к партизанам, то услышали звук мотоцикла. Мотоциклист на большой скорости пронесся мимо нас. Мы даже толком не среагировали. Начали стрелять уже вслед и услышали, как он заорал, и стрекот двигателя заглох. Несомненно, задела его, не то убили, не то ранили. Проверять не стали. Мы побыстрей с того места решили ноги уносить. Так мы попали в Таганчанский лес. А партизаны молодцы. Они очень большую помощь нам оказывали в тылу врага.

В группе был старший? Кто принимал решения?

Нет. Старшего у нас не было. Как действовать мы решали на совете, сообща. Сразу договорились, что друг от друга не отставать, никого не бросать, выручать и искать наших десантников.

В Таганчанском лесу в каком батальоне вы были? Ведь в тылу врага все заново формировалось.

Да какое там формирование. Там вообще все непонятно было. Бардак полнейший. Нам казалось, что нами вообще никто не командует. Все как-то стихийно было. Но потом уже, через месяц, кое на что стала походить наша воинская часть. А тут как раз и бой с немцами случился большой, после которого мы переместились в Черкасские леса.

О том бое мне приходилось много слышать, но чем занимались вы после прибытия в лагерь. Не сидели же, сложа руки?

Конечно, нет. Была боевая работа. В основном, диверсионные вылазки. Мы донимали немцев и предателей. Кстати, ни власовцев, ни полицаев местных, мы вообще не щадили. Помню, захватили в тылу обоз. В обозе оказался украинец предатель. Его за шкирку вытащили.

Заставили вырыть яму. Вырыл. Пуля в затылок. Он упал в яму, его закопали и следа не оставили. Вот таким образом расправлялись мы с полицаями и предателями. Без пощады и сантиментов.

Как-то совершили налет на деревню, немцы нас боялись. Старались сразу убежать. Мы подошли к хате. Я из своей СВТ выстрелил в окно, где свет горел. Свет погас.

Потом мы зашли в терраску. Все стоит на столе. Чашки с чаем дымятся, а немцев как ветром сдуло. Уже когда выходили, посмотрел на стекло. А там такая крохотная круглая дырочка от пули из СВТ и стекло целое. Это меня удивило.

Мы донимали немцев, а нас больше всех донимали вши. Когда мы были в Таганчанском лесу, я пальцем расковырял ямку в земле и стал вшей выбирать с себя и их в ту ямку складывать. Насчитал сотню штук вшей, вшат и гнид. Особенно гниды доставали. «Гады Гниды Голову Грызут» – была присказка. Потом плюнул, снял рубашку, вывернул и над костром подержал. Такой треск пошел ужас просто, как будто дрова в костре сухие затрещали. Но это не спасало. Они дня через два снова появлялись. У меня до сих пор на теле от вшей осталась отметина. Я так ногу расчесал, что остался шрам. Они нас грызли нещадно, и все тело чесалось ужас как.

Установив нахождение отряда десантников и партизан, немцы решили провести операцию по их уничтожению. Было это 24 октября. Расскажите подробно о том бое.

Ну обо всем я рассказать не могу. Я ведь солдатом был и видел только то, что видел перед собой. Бой тот шел часов шесть. На разных участках обороны по-разному. Вот что было у меня. Мы занимали оборону на высоте. Два кольца – основные позиции и запасные. Первый ряд на середине спуска, а второй запасной уже на самом верху сопки практически на границе нашего лагеря. Немцы пустили вперед власовцев. Те были пьяные. Мы это видели, так как они шли качаясь. И орали на русском. Мы и начали стрелять. Крепкого огня дали. Потери у них были большие. Они лезли вперед как заведенные. Разрывными пулями стреляли. Так они все время разрывались над нашими головами. Подобраться смогли на критическое расстояние. И мы били друг друга практически в упор. Но они скатились. Мы их до верха не допустили, но лейтенант наш такой боевой, энергичный, крепкий погиб. Он как-то вылез, и его пуля прошла насквозь. Вошла с одной стороны под руку и с другой вышла. Он замертво упал. У него посыльный ординарец был боец, которого, по-моему, звали Саша. Шустрый такой. Он постоянно бегал, докладывал ситуацию командованию. Юркий, как змейка. Казалось, ничего не боялся ни пули, ни осколков, ни самого черта. Он сильно переживал гибель того лейтенанта. Когда его хоронил, он снял с него ремень и оставил себе на память. Сколько солдат нас там погибло, я не знаю. Я же рядовой, откуда мне знать. Это командиры учет вели. Брат тоже участвовал в бою. У нас все раненые находились в строю только тяжелые, кто держать оружие не мог, те не воевали.

После того боя командование бригады решило уйти в Черкасский лес. Бригаду вывели из окружения партизаны. Этот переход, по воспоминаниям участников, был очень тяжелым. Как он прошел для вас?

Когда уходили из Таганчанского леса в Черкасский, то раненых, у кого конечности были оторваны или ранения были тяжелые настолько, что невозможно было нести, оставили. И, как сейчас помню, кто-то из офицеров пообещал, что мы за вами придем. И ни хрена. Никто за ними не пришел. Вот такая она война в тылу врага. Мы ушли, а утром немцы, думая, что десантники на сопке, накрыли ее огнем артиллерии и минометов...

Тех, кого можно было нести, мы, конечно, тащили с собой. Организовывались команды по четыре человека. Тяжело было, аж глаза на лоб лезли, оружие постоянно наготове. Напря-

жение сильное, конечно. Все понимали, что не сейчас, так через полминуты могут немцы оказаться рядом, и мы будем в бою. А вот когда шли, то ротный Телков с группой шел впереди, напоролась на немцев и какова их судьба, я не знаю. Помню, тащили мы с братом старшего сержанта, героически отличившегося в бою, раненого в ноги. Во время привала он пытался застрелиться, но мы не дали. Я его потом встретил в Киржаче. Он со слезами на глазах благодарил, что не бросили, вытащили и спасли. Тяжелый это был переход.

Бригада прибыла в Черкасский лес. Чем вы занимались там?

В Черкасском лесу нас с братом в качестве награды за прошлые заслуги отравили во хоззвод на пару недель. Взвод этот занимался обеспечением десантников продуктами. Но это вовсе не значит, что там был курорт и не было опасно. Опасность в тылу врага везде. Короче говоря, стали мы с братом снабженцами. У нас были подводки, на которых мы ездили добывать продукты в села, которые вокруг леса находятся. А у них так было. Сразу за деревней начинаются колхозные поля. Немцы ведь колхозы не ликвидировали, и нам это было на руку. Вот с полей колхозники картошку выкопали, а куда ее деть. Ее ведь много и надо, что бы не померзла зимой. Значит, крестьяне роют яму, устилают дно соломой и насыпают слой картофеля. Потом опять солома, потом картофель. Вот так слоями ее укладывают и укрывают соломой. А сверху еще и глиной замазывают. К таким колхозным запасам мы и ездили по ночам. Телеги скрипят, а звук хорошо ночью разносится. Идем слева от телег человек и справа. Впереди дозорных пара и сзади. Сил немного. Любая группа немцев из десяти человек расстреляет нас легко. Но идем, грузим эту картошку и везем в отряд. Так что страху мы из-за этого демаскирующего скрипа натерпелись, не дай бог. Страху и злости. Идешь, в ночи колеса скрипят, а со стороны села или хутора песня слышится и смех девичий. А украинские песни мелодичные, красивые. У нас аж мурашки по телу. Вот бляха, мы тут воюем, вас освобождаем, лишения страшные терпим, погибаем, а вы, девки, с немцами гуляете. А то, что с немцами мы не сомневались. В селах наших не было. Вот нам тогда обидно было, до слез обидно.

Кроме картошки привозили кур, свиней, гусей, кроликов, овец и т. д., отданных самими жителями. Еще выкладывали костры для приемки груза, который нам доставляли самолетами. Это тоже входило в обязанности нашего хоззвода. Прилетали ПО-2. Сделает такой самолетик круг, сбросит нам мешок и кричит летчик: «Привет с большой земли». И улетает. И вот как-то раз что получилось. Я был назначен ответственным за прием груза. И вот один ПДМ (парашютный десантный мешок) порвался, и бойцы вмиг расхватали рассыпавшиеся черные сухари. Мешок таял буквально на глазах. Я ничего не мог сделать. Не буду же я стрелять по своим за кусок хлеба. Этот инцидент стал достоянием командования. Вызвали, сделали крепкую накачку, но, учитывая былые боевые заслуги, отпустили с миром, отделавшись внушением. Помню самолет, не просто сбросил груз, а приземлился. Мы погрузили одного старшего лейтенанта с тяжелым ранением в шею, и он взлетел.

А чем еще приходилось вам заниматься?

Мы еще ходили по селам и агитировали население, чтобы переходили к нам. Вот был такой случай. Мы зашли в одну хату. Жители видимо прознали, что пожаловали десантники, и в хате набилось много людей. Начинают задавать вопросы: «Много вас? У вас есть танки?»

Я отвечаю: «Нас много, и танки у нас есть и пушки. И не сегодня – завтра вы будете освобождены. Мы вас готовы принять к себе, только одно условие: если у вас есть оружие. Так что приходите к нам в лес. Мы вас ждем. Пора делать выбор». А сами уже к двери быстрее. Сейчас возьмут да и выдадут полициям. А один раз в одну из хат, где это происходило, вошли два здоровых полиция, но нас не тронули, понимая, что ситуация меняется. Постояли, послушали и ушли. Хотя, конечно, многие приходили к нам с оружием после такой агитации, и, может, и полицаи бывшие.

Десантники были подчинены в ноябре 1943 года 52-й армии и помогли ей захватить плацдарм в районе села Свидовок и расширить его. Как это происходило?

Мне с братом пришлось принимать участие в боях за Свидовок и Дубиевку. Причем, когда были бои за Свидовок, нам с братом пришлось разделиться. Не помню, куда он делся. Бои за села эти были крепкими. И населенные пункты не раз переходили из рук в руки.

Хочу отметить, что мы не просто помогли нашим частям захватить плацдарм. Много там было деревень, за которые десантники сражались. Только мы простые рядовые знали лишь про свой участок и рассказать можем о том, что было вокруг нас. Мы атаковали села на берегу Днепра. Немцы повернули свое оружие против нас, и мы с ними воевали, а под шумок наши линейные части переправились на правый берег Днепра пока немцы и мы долбили друг дружку. Было это в Свидовке, там еще были села: Лозовок и Сокирно. И вот пока мы в этих селах с ними воевали, наши части навели понтонный мост и переправили за один день чуть ли не дивизию.

Те бои в памяти фрагментами всплывают. Цепочку не удается выстроить. Только эпизоды разрозненные, несвязанные между собой. Помню такое, когда бой шел в Свидовке. Из пушки выстрелили немцы, и весь расчет пулемета был ранен. Но мы даже не остановились. Надо идти дальше. Только вперед на сближение с противником. Бой за Свидовок был такой скоростной что ли, резкий. О помощи раненым не думали. Раненые о себе сами позаботятся. Установка только на бой. На уничтожение врага. Ночью, помню, прочесывали какой-то квартал, выискивали немцев. У меня была граната противотанковая, тяжеленная. Я устал ее носить. Как раз мы были около школы, вставил запал и в окошко швырнул. Страшный взрыв. Были ли там немцы или нет, не знаю, да и не важно для меня было, главное, что я отделался от этой тяжести. А других гранат у меня не было. Только вот эта противотанковая.

В Дубиевке захватили караульное помещение. Немцев, что живьем взяли, тут же и расстреляли. Некогда нам с пленными было возиться. Дубиевка несколько раз переходила из рук в руки. Сильно нам там досаждал немецкий бронепоезд. Он то подойдет, то отойдет и ничего с ним мы сделать не могли. Нас выбивали, мы опять лезли. Немцы на нас, а мы на них. Очень ожесточенные бои были там. Немцы, помню, шли цепью уверенно, так, как на параде. Мы отобьем атаку и контратакуем. Запомнились мне солдаты той дивизии, что переправилась и заняла плацдарм. Все у них так лихо получалось. Выглядели они браво. В форме все, в общем, армия. И мы, шантрапа лесная. К слову из-за нашего вида чуть не получился конфуз.

Когда плацдарм хорошо расширили, нас отпустили, и мы пошли через Свидовок на левый берег Днепра. Вид, конечно, у нас после трех месяцев войны в тылу врага был еще тот. У меня на голове была фуражка без козырька, как панамка, сверху местами прожженная. Телогрейка с вырванными кусками ватина, внизу немецкие штаны и немецкие сапоги с широким голенищем и оружие. Не менее колоритно выглядели и другие десантники. Оружие разных систем, наша форма вперемежку с немецкой и частями гражданской одежды. Вот такой отряд переходит понтонный мост для следования в Золотоношу. И вот приближаемся мы к мосту, который охраняла наша воинская часть. Саперы. Пьяные. И вот они подумали, что мы не то власовцы, не то пленные, не то еще какая шарашкина контора. И что-то там начали нехорошее издалека нам кричать. Но потом, увидев оружие попритихли, а мы пошли дальше. Пришли в Золотоношу. И здесь, чудо, мы пошли в баню, в бане кипяток крутой, а мы не чувствуем. Телу так хорошо. Нас переодели. Новое белье, форма. Ух, как это было хорошо. Такое впечатление, будто крылья у нас выросли. Вот до какого состояния мы были доведены.

Какой момент пребывания в немецком тылу был для вас самым тяжелым?

Это, конечно, бой в Таганчанском лесу, 24 октября. Это бесспорно. Было это самое тяжелое испытание, что мне пришлось пройти за все время боевых действий в немецком тылу.

Вы были награждены за действия в тылу врага?

Нас командиры представили с братом к орденам «Славы», но почему-то мы их не получили. А наградили нас медалью «За Отвагу». По наградам вообще отдельная история. У нас, среди солдат, слух ходил, что комбриг Сидорчук должен был получить Звезду Героя, но не получил, потому, что когда мы помогли пехоте расширить плацдарм и уже должны были уходить за Днепр, он решил своими силами взять Черкассы. Одним батальоном. Причем это сделать было не по силам и полнокровному батальону. А наш десантный после всех боев в тылу насчитывал человек сто пятьдесят. Сто пятьдесят человек, которые находились на пределе своих сил. Немцы против этой горстки десантников боевых, отчаянных, добившихся многого своей работой боевой, кинули 19 танков и пехоту. Крепко досталось парням. Они там кое-как окопаться успели, вот их в этих окопах и немецкие танкисты и закопали, а кого и в плен взяли. Далеко не все вернулись. И вот после того боя ему Героя не дали. Вот такой слух ходил. А наградили его орденом английской королевы и нашим орденом, но героя он не получил.

Когда мы стояли в Марьиной Горке, наша бригада вошла в состав корпуса. Его вызвали на совещание в штаб корпуса. Он поехал и по дороге разбился. Но не насмерть. Его перевезли в Москву, где он спустя несколько дней умер в госпитале.

За пребывание в тылу врага полагался отпуск. Вам его дали?

Мне нет. За войну я не имел отпуска, а вот брату после того как мы вернулись в Киржач, отпуск дали по ранению. Десять суток, не считая дороги. Мне было, конечно, обидно. Первый свой отпуск я получил, когда кончилась война. Нам с братом, как отличникам боевой и политической подготовки, дали отпуск. Отец к тому времени уже вернулся домой. Мать, конечно, все время плакала от радости. Все говорила, что счастье ей досталось огромное, потому что у нее три мужика в семье все вернулись живыми и здоровыми. А тогда редко какая женщина могла этим похвастаться.

Бригада не вся десантировалась. Когда вы вернулись из тыла, не было у вас чувства превосходства перед теми, кто остался на большой земле, что вы вот повоевали, а они нет?

Да нет, такого не было. Они ведь не виноваты, что нас успели кинуть, а их нет. Вот, конечно, помню, меня одно сильно удивило. Один десантник отказался прыгнуть. Отказ от боевого десантирования, это преступление. А его вернули на аэродром. Так вот по всему его должны были расстрелять. Но я его увидел в бригаде живым и здоровым. Вот так.

Из Киржача 5-я бригада была переведена в Белоруссию, в Марьину Горку, где и находилась до конца войны. Расскажите, чем запомнился этот период службы?

Прежде всего тем, что там мы встретились с отцом. Отец ведь тоже служил, и шансы на встречу были невелики. А тут его часть проезжала мимо, и ему разрешили навестить сыновей. Отец служил в саперном батальоне, восстанавливал мосты, разрушенные немцами. Вот освободили город, и строительный батальон сразу туда на восстановление. Он работал начальником копра – это машина, которая устанавливает сваи в воде. Узнав, что к нам приехал отец, нас троих комбриг пригласил к себе и сказал, что если мы хотим, то он заберет отца к нам в бригаду. Мол, будете служить в одной части, но отец отказался. Сказал, что вы организация мобильная, вас в любой момент могут послать к черту на рога, а я выше телеги от земли не поднимался. Вот так. На обратном пути он снова заезжал к нам.

Где вы были в День Победы?

В Марьиной горке. Мы, конечно, пилотки свои стали кидали ввысь. Обнимались, целовались. Рядом рынок был. Этот рынок был весь в нашем распоряжении. Торговки все нам так

отдавали. Мы плясали, кувыркались, в общем, дурачились, как могли. Вот сколь сильное эмоционально потрясение было. У нас были склады, которые, естественно, находились под охраной. Так вот часовые начали палить в воздух, невзирая на то, что они на посту стоят. И все это дело было прощено им. В этот же день нам с братом объявили, что подписан приказ о том, что нас посылают в город Звенигород в 7-й учебный воздушно-десантный полк, учиться на младших командиров по специальности связист.

На базе этого полка собирался сводный полк ВДВ для участия в Параде Победы. Вы попали на Парад?

Да. В Звенигород стали съезжаться десантники из частей для участия в Параде Победы. Они представляли ВДВ. У всех наград полна грудь. Ордена, медали, у нас с братом только значки гвардейский, парашютный и медаль «За отвагу». Перед парадом нам с братом вручили медали «За победу над Германией». Для нас, конечно, представлять ВДВ на параде была огромная честь. Тренировались по ночам. Наш сводный полк на параде выступал на открытых машинах. На каждой машине, в кузове, по двадцать парашютистов с парашютами. Машин было в каждом ряду по четыре штуки.

Рано утром 24 июля 1945 года, перед тем как повезти нас на Красную площадь, нас накормили кашей. И вот стали выдавать по сто грамм, а кружек нет. Так нам в котелки, из которых мы только что кашу ели, налили. Выпили – и на парад. Ну описывать парад, кто принимал и так далее смысла нет, все это уже видели много раз по кинохронике. Вооружены мы были, по моему, ППШ, но не с дисковым магазином, а с рожковым, или ППС. Одеты были в десантные комбинезоны. На голове шлем десантный, парашюты. Один за спиной, запасной на коленях. Мы же сидели.

Ехали и по команде «и раз!» повернули головы к мавзолею. И, не договариваясь с братом, а мы рядом сидели, постарались увидеть Сталина на трибуне. Я его не нашел, но увидели Буденного. Его, с его усами, трудно перепутать с кем-нибудь. Вот и все, что успел увидеть. «И два!» – и мы уже выезжаем с площади. Позднее делились впечатлениями, и я узнал, что брат тоже выискивал глазами Сталина, а наткнулся на Буденного. А там генералов на трибуне, разных государственных деятелей. И вот мы оба почему-то увидели только Буденного. После парада мы с Григорием сфотографировались на память.

Вы еще долго служили после войны?

После войны мы с братом оказались на Дальнем востоке. В воздушно-десантной дивизии. В отдельной роте связи. Там все отдельные части были. Отдельный дивизион, отдельный батальон разведки и т. д. Мы с братом служили в отдельной роте связи. Брат был старшиной роты, а я служил на узле связи. Он радист 1-го класса, а я радист 2-го класса.

При штабе дивизии был радиоузел, там был сверхсрочник, у него срок службы закончился, и меня направили ему на замену. И был интересный случай. Заместитель командира дивизии по строевой части был полковник, который отличился еще на Халхин-Голе, за что и получил Героя СССР. Вот увидит он солдата на расстоянии большом и кричит ему: «Ноги, ноги, ноги...». Подзывает к себе. Солдат вытянулся. Десять суток. То ноги, то руки не так держал. И не спрашивает, с какой роты, с какого батальона. Есть десять суток. И вдруг. Приходит проверить на радиоузел ко мне. Свита его окружает. Они стучат, а у меня резинка на трусах лопнула. А я как раз штаны снял и хотел их отремонтировать. Вот так я и встретил полковника и свиту, поддерживая рукой трусы, чтобы не упали. И естественно, получил десять суток. А в этом же здании, где был узел связи находились, и клуб, и столовая. Ну они сразу от меня пошли в столовую. Открывает дверь, а брат мой докладывает: «Товарищ гвардии полковник рота связи на приеме пищи. Старшина роты Шишкин». У полковника глаза на лоб: «Да что за ... мать! Только сейчас без штанов был и вот снова он».

Кто-то из свиты ему говорит, что это два брата-близнеца, один сержант на узле связи, другой старшиной роты. Тот усмехнулся и отменил свое распоряжение о моем аресте. А так десять суток всем раздавал.

И еще что хочу отметить. Не знаю как в других частях, а у нас в десанте на каждый праздник давали по сто грамм водочки. А солдаты у нас находчивые и они заготовили дополнительно. Вот они выпили перед праздничным обедом, потом еще добавили в обед и прямо в столовой получился скандал. Кто-то с кем-то что-то не поделил. Сцепились, а за ними и товарищи, и пошла драка рота на роту. И вот после этого настал запрет. Сами себе жизнь испортили.

Мы с братом мечтали о демобилизации. Устали от службы. Хотели учиться на шоферов, профессия для села нужная, а нас не пустили. Говорят, поступайте в военное училище. Деваться некуда и решили, что один из нас пойдет в училище, а другой уволится и поедет на Родину. Матери и отцу надо было помогать. Вот кинули жребий, и выпала мне карьера военного. Было это в 1953 году на десятом году нашей службы. Брат уволился, а я дослужился до полковника и «Почетного радиста СССР».

Интервью и литературная обработка: А. Опрышко.

Воронин Иван Васильевич

Родился я в крестьянской семье 4 апреля 1925 года в селе Ломакино Гагинского района Горьковской области. Семья у нас была большая: три сестры и мы с братом. Мой брат, Александр, 1923 года, тоже участник Великой Отечественной войны, артиллерийский разведчик. Больше, кроме нас, повоевать не пришлось никому – мы с братом повоевали за всю семью.

Отец наш погиб в возрасте шестидесяти лет на трудовом фронте. Он был призван на рытье окопов под Муром. Тогда еще Муром входил в состав Горьковской области, а не Владимирской. Все это происходило зимой, в декабре. Там он, прямо во время работы, и скончался. Его привезли домой и похоронили мы его в селе Ломакино. К тому времени Саша уже был призван, но в связи с тем что его часть расформировалась, он вернулся домой, и тут как раз привезли отца. Поэтому в последний путь мы провожали отца всей семьей.

Мои родители были очень порядочными людьми: троих сирот воспитали. В трех домах от нас жили Власовы. Там, в Ломакине, Власовых жило много, в том числе оттуда родом и предатель генерал Власов. Я видел его несколько раз, когда он приезжал в гости к родителям. Его отец, несмотря на то, что был церковным старостой, был очень порядочным человеком. Так вот, в том доме других Власовых получилось так, что умер отец, а вслед за ним и мать умерла, и трое детей остались сиротами. Мой отец шел мимо их дома поздно вечером, слышит, дети сидят в доме и рёва дают. Он их забрал к себе, и они вместе с нами жили и учились. В общей сложности было у наших родителей восемь детей – пять своих и трое приемных. Из приемных один парень, Иван, уже после войны служил в Военно-морском флоте и при каких-то обстоятельствах погиб. А две сестры закончили техникумы и разъехались кто куда.

Эти дети были родственниками тех Власовых?

Нет, даже и близко не были.

В мирной жизни мой отец был пчеловодом, у них целое поколение занималось разведением пчел. У моего дедушки Николая было три сына: Александр, Михаил и Василий. Вот Василий – это как раз и есть мой отец. Они, все трое, были ростом под два метра, а мы с бра-

том были всего метр восемьдесят ростом. Когда я в армию уходил, мне сказали, что мы с ним недоноски. И ведь я действительно недоноском был, я родился семимесячным.

Отец в колхозе пчеловодом работал или пасека была в его личном хозяйстве?

У дедушки в свое время была большая личная пасека и он, когда уже себя плохо чувствовал, поделил по семнадцать пчелиных семей каждому из сыновей. Когда вступили в колхоз, отец занимался и своей пасекой и колхозной. Со временем домашняя пасека сократилась и стала очень небольшой, а колхозная, наоборот, выросла в размерах.

Наше село с одной стороны огибало озеро, длиной километра полтора, а в другом месте протекала река

Пьяна, шириной метров пятьдесят, которая, когда разливалось половодье, затопляла все, включая и это озеро. Поэтому наше озеро никогда не цвело и в нем была всегда чистая вода. Да и в колодце у нас была чистейшая вода: если гости приезжали, то мы их этой водой всегда угощали. Она мягкая была очень, чистая, никакой в ней химии не было.

В школу я ходил в Гагино. Вернее, четыре класса начальной школы я сначала окончил у себя в селе, а затем, с пятого по десятый класс, я учился в Гагинской средней школе. Брат мой успел окончить среднюю школу, а я нет. И мы, ученики с пятого класса по десятый, все жители Ломакина, восемьдесят человек нас было, проходили каждый день по шесть километров в школу и столько же обратно. У нас в селе было дворов двести, если не больше, поэтому нас так много школьников и набиралось. Идти было нескучно, то беседы вели, то какую-нибудь песню пели. За все пять лет, что мы ходили в школу, нас всего два раза подвозили туда на конях. Оба раза это случилось, когда была сильная метель, все вокруг занесло большими сугробами и председатель колхоза разрешал нас отвезти в школу на санях-розвальнях.

В километре от деревни было небольшое болотце, оно потом пересохло, а на его месте остались заросли кустарника. Мимо этих зарослей пролегла дорога, по которой мы ходили в школу. Однажды, когда я учился в пятом классе, мы шли по этой дороге, и встретили сидящих у этих кустов шестерых волков. Это был как раз февраль месяц, у них гон начался.

И как вы с ними разошлись?

Ну как... Мы перепугались и стояли, ждали, как дальше все сложится. Бежать нам было нельзя, иначе волки побежали бы за нами. Волки посидели, посмотрели на нас, развернулись и ушли. И только тогда мы пошли дальше. Хочу сказать, что каждодневные многокилометровые походы в школу мне потом помогли в дальнейшем, на фронте – я легко переносил длительные пешие марши.

Во время учебы в средней школе вы проходили какую-нибудь военную подготовку?

Конечно. У нас был военрук, с которым мы изучали винтовку Мосина образца 1931 года и стреляли из «мелкашки». Ну и, разумеется, почти у всех к десятому классу были значки БГТО, противохимической защиты и еще какой-то, уже не помню. Если у парня на груди висели эти три значка – это было что-то! Почти орденосец!

А девушки проходили какую-нибудь подготовку, например медицинскую?

Я сейчас не могу сказать про девчонок. Но в то время у детей был такой патриотизм, дай Бог нам сейчас такой иметь, что наверняка и они в стороне не оставались. Мы ведь победили в той войне потому, что одним из залогов этой Победы стало великолепное воспитание детей и молодежи. Мы все любили своих родителей, свою страну, свою армию и всегда готовы были их защищать. И результатом этого стало то, что Великую Отечественную войну выиграла наша молодежь.

Война началась, когда я еще учился в школе. За все время учебы в десятом классе мы несколько раз с друзьями писали заявления, чтобы нас забрали на фронт. Но военком приходил в школу и говорил нам: «Когда надо будет, мы вас обязательно призовем, а пока – учитесь».

Все ребята в классе писали заявления или были такие, кто не хотел на фронт?

Воронин Иван, ученик 9 класса. 1941 год

Все писали. У нас было две комсомольские организации в деревне: одна деревенская, а другая школьная. Работа школьной комсомольской организации ощущалась постоянно: комсомольцы, те, кто хорошо учился, помогали тем, кто учился плохо. Класс у нас был большой, человек двадцать восемь, а парт всем не хватало, поэтому мы сидели по десять человек за одним большим столом – пять с одной стороны и пять с другой.

Во время учебы в школе вы как-то отслеживали ситуацию на фронтах?

Очень бледно, потому что информации к нам доходило очень мало. Информацию до нас доводил, в основном, наш школьный военрук. Радио было одно на деревню и висело на столбе у клуба, неподалеку от правления колхоза. Но иногда до нас доходили слухи о том, как мы отстаем. Конечно, переживали все очень сильно наши поражения. К тому времени в деревню возвращались с фронта раненые и «похоронки» уже многие получили. Хотя раненые редко рассказывали о боях, все больше отмалчивались.

Когда Вас призвали в армию?

Числа 14 февраля 1943-го года мне почтальон принес повестку из Гагинского райвоенкомата. Дали мне три дня на сборы и 17 февраля я уже поехал. Со мной вместе были призваны и мои односельчане – одноклассники Коля Шаров и Алексей Голубев. А из района вместе с нами призвали сына директора школы Пояркова.

Много народу собралось для отправки на фронт?

Массового сбора не было. Наш колхоз выделил сани, поэтому мы, ломакинские, прибыли на станцию Сергач на своем транспорте.

То есть вас даже в райвоенкомате не собирали?

Нет, сразу на станцию нас отвезли. А там уже – в эшелон и на сборный пункт, где происходило распределение в воинские части. Перед призывом мне выдали маленькую справочку, что я окончил десять классов средней школы, поэтому меня на сборном пункте сразу определили в формируемую 10-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду. И на ближайшие двадцать лет я связал свою жизнь с воздушно-десантными войсками.

Как происходило распределение по частям?

Все делалось как у них было запланировано, по списку: такой-то – сюда, такой-то – сюда. А нашей группе сказали: «Вы идете в воздушно-десантные войска». В то время это были самые отборные войска, которые предназначены действовать в тылу у противника.

Медкомиссию вы проходили перед призывом или уже во время распределения?

Нет, никакой медкомиссии мы не проходили совсем. Первую медкомиссию я знаете, когда прошел? Перед совершением своего первого прыжка с парашютом. И потом еще раз, когда в медпункт попал.

У десантников ведь ничего тяжелого из вооружения не было, они были, по сути, как пехота. Это сейчас воздушно-десантные войска – мобильный род войск, оснащенный всем необходимым. А тогда были не дивизии, как сейчас, а воздушно-десантные бригады, численностью около трех тысяч человек. Бригаду готовили к высадке на вражеской территории на глубине пять-десять километров позади линии фронта с задачей: перед наступлением армии или фронта, но не ниже корпуса, мы должны были уничтожить вражеские коммуникации, да и вообще все, что там есть. На все это нам отводилось три дня. Через три дня мы собираемся вместе и выходим к своим.

Где формировалась бригада?

Город Раменское. Я попал в зенитную батарею 37-миллиметровых автоматических орудий. Но там я пробыл не очень долго. Потом из нас, из 10-й бригады, сделали 5-ю бригаду и перевели под Иваново, в Тейково. Там опять произошли изменения: создали воздушно-десантную дивизию, а в дивизии из бригад сделали полки, и я попал в 322-й гвардейский парашютно-десантный полк 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Но потом из наименования подразделений заменили слова «воздушно-десантные» на «стрелковые» и после этого нас отправили на фронт. Должен сказать, что самые трудности у нашего полка были в Венгрии, в районе озера Балатон.

Чем автоматная рота отличается от стрелковой по своей функциональности?

Чем отличалась? Во-первых, автоматные роты всегда были в резерве у командования. Где было трудное положение у полка, туда эти роты и направлялись. Этими ротами, можно сказать, «затыкали дыры» в обороне. Во-вторых, у нас в роты автоматчиков всегда подбирали ребят рослых, настоящих гвардейцев. А я, вдобавок, был комсоргом своей автоматной роты.

Вас избрали комсоргом?

Нет, тогда не избирали, тогда назначали. Всех комсомольских руководителей, вплоть до комсорга полка, назначали на эти должности, я это знаю точно. А вот уже я, комсорг роты, подбирал для себя комсorghов взводов.

Как проходила процедура подготовки к отправке на фронт?

Хоть мы и были 322-м гвардейским стрелковым полком, но все, кто в него входил, были десанниками. Я попал в первую автоматную роту, а всего в полку было две таких роты.

Все это время, какие бы у нас ни проводились реорганизации, в полку шла усиленная подготовка к боям. Мы совершали парашютные прыжки: на лес, воду, ночью, днем. Мы совершали парашютные прыжки с оружием и без оружия. Мы совершали парашютные прыжки с высоты восемьсот метров, разумеется с принудительным раскрытием парашюта.

Отказники были при первом прыжке?

Был один, Цыганок. Я за него даже поощрение получил. Меня встретил командир полка полковник Гнатьюк, а он у нас был толковый мужик, и говорит Цыганку: «Вот, с Ворониным будешь прыгать». И мы вместе с Цыганком готовились к прыжкам.

Задача мне была поставлена такая: мы укладываем парашют вместе – он укладчик, а я ему помогаю. Уложили его парашют, я ему говорю: «Смотри, уложили. Все нормально. Теперь давай мне уложим так же, как и тебе».

До этого мы прыгали с фалом, который раскрывает парашют, а тут вдруг пришел приказ на ручное раскрытие. Полк полторы тысячи человек. Конечно, надо бы это было делать сначала, с учетом морально-психологического настроения, а потом уже переходить на принудительное раскрытие парашютов, ведь это же проще. На ручное раскрытие парашюта уходит шесть-десять пять метров свободного падения и риск очень большой. С ручным открытием парашюта я сделал всего пару прыжков. Братья Доронины потом изобрели прибор, на котором выставляется время в четыре секунды и, если ты сам не раскроешь парашют, прибор его раскроет автоматически за тебя.

Мы совершали прыжки с самолета ПС-84 или, как его еще по-другому называли, Ли-2. Во время прыжков Цыганок уперся в борт самолета и никаким образом его наружу не выпихнешь. Я сразу понял, как с ним поступить и планировал толкнуть его, дав ему хорошего пинка под зад. Там сначала начинали завывать сирены, которые оказывали сильное влияние на десантников, а потом сделали свет, который мигает. И вот как только начинает мигать лампочка, это значит, что нужно всем подготовиться. Мы все встаем, а Цыганка поставили самым первым. Я говорю: «Ты знаешь, почему ты первым? Потому что тебе нужно встать и перед тем, как выпрыгнуть из самолета, ты должен оттолкнуться от порожка правой ногой. Если ты оттолкнешься левой, то попадешь в поток воздуха и не туда улетишь».

И вот когда мы уже подлетели к месту десантирования и получили сигнал, я ему напомнил, чтобы он не держался за проем люка, а прыгал, потому что летчикам нельзя было делать большой разброс при десантировании, у них строго отведенное для этого расстояние было. Если у каждого десантника будет уходить много времени на прыжок, то последние могут потом приземлиться не в те условия, в которые было нужно, например на деревья или на деревню какую-нибудь. Я решил так, что, если он упрется, то я ему скажу: «Отходи, я буду прыгать». Только он отцепится руками от проема люка, как я его подхватываю, обниму и он полетит вниз вместе со мной. Так и случилось. Он убрал одну руку, чтобы посторониться, пропуская меня и не успел он опомниться, как мы вдвоем вывалились из самолета. Приземлился я в какое-то болотце, весь в грязи испачкался, сижу и жду его. Он тоже рядом приземляется, встает весь чумазый, но довольный. Командир полка увидел, как мы с ним десантировались и потом вместе пришли, и говорит: «Идите к начальнику десантно-парашютной службы, сложите парашюты, затем садитесь на мою машину и езжайте снова на аэродром, совершите еще по одному прыжку».

Второй прыжок прошел нормально?

Второй раз все прошло нормально, он себя уже переборол. Не знаю почему, но считается, что самые трудные прыжки, это первый и третий. Не знаю почему именно третий, ведь переживания есть перед каждым прыжком, независимо от его порядкового номера. Но вот такое вот десантное суеверие.

А еще какие-нибудь суеверия у десантников были?

Суеверия были не у десантников, а у жен офицеров-десантников. Они в день прыжков начинали полы мыть с порога и внутрь квартиры. Они же знали, что мужья на прыжки уезжают, никто от них этого не скрывал. Был у меня в конце войны и свой талисман. Один раз срезало у меня осколком ботинок, я это осколок нашел и носил потом с собой. Нас тогда хорошо накрыло минометным огнем, мина разорвалась неподалеку, но ни меня ни моего соседа даже и не ранило. Почувствовал удар в ботинок, смотрю, куска нет. Говорю своему напарнику: «Ну, где-то тут осколок», – ковырнул лопаткой землю, нашел. Длинный, с большой палец размером. Он горячим еще был, я его сразу выбросил, а потом все-таки подобрал, сказал напарнику: «Это будет мой талисман».

Я всегда очень боялся на лес прыгать: неудачно приземлишься на какой-нибудь голый ствол, так тебя проткнет насквозь. А если к тому же еще и ночью, то совсем жутко, летишь и ждешь чего-нибудь снизу. А вот на воду прыгать было нестрашно, мы перед прыжками надевали специальные костюмы, на которые были нашиты трубочки, которые были надуты воздухом. Если ты попадал в воду, то эти трубочки с воздухом позволяли некоторое время держаться на воде, а не идти на дно.

Перед прыжками на воду оружие укладывается как-то по-особому, герметично, чтобы не допустить попадания воды?

Нет, в герметичных условиях мы его не держали, ведь надо было готовыми быть сразу после приземления вступить в бой, а на подготовку оружия уходили бы драгоценные минуты.

Какие автоматы были у вас в роте на вооружении?

ППС с металлическим откидным прикладом. Я считаю, что это был плохой автомат, он при стрельбе давал большое рассеивание. Если сравнивать его с ППШ, то ППШ гораздо лучше. У ППС только первый патрон идет точно в цель, а потом ствол уводит вправо-вверх и остальные пули веером разбрасывает.

Автоматы ППС вам выдали сразу по прибытию в часть или ими заменили ранее стоявшие на вооружении типы стрелкового оружия?

Наше подразделение сразу вооружили ППС, других автоматов в роте не было.

После перевода вашего полка из воздушно-десантных войск в стрелковые прыжки с парашютом прекратились сразу или вы еще некоторое время продолжали этим заниматься?

Нет, прыжки закончились. Зато в качестве подготовки к боям мы стали гораздо больше совершать маршей. Пройти тридцать километров в день, это мы считали ерунда. Последний марш перед отправкой на фронт мы совершили протяженностью в шестьдесят километров. В два часа ночи нас подняли и в десять часов мы были уже в землянках. А по дороге мы еще успевали отрабатывать действия в обороне и наступлении. Мы должны были уметь ходить по карте и знать, как действовать, если в тылу окажешься один или в составе небольшой группы.

Вернулись наши как-то однажды после одного такого марша, почистили оружие, покушали. Это еще когда бригада у нас была. А в соседней бригаде в это время шел фильм «Кутузов». Располагалась соседняя бригада тут же, в лесу, всего метрах в ста от расположения нашей

бригады, поэтому все решили пойти посмотреть этот фильм. Ну и ушли тайком. А я в тот вечер был дневальным по землянке. Смотрю, идет командир батальона майор Буйновский. Докладываю ему, как положено. Он заглянул в землянку и спрашивает: «А где гвардейцы?», я отвечаю: «Товарищ гвардии майор, все ушли на фильм. Там в третьей бригаде фильм идет, «Кутузов»». Майор встал, задумался и говорит: «Ну, раз они после тяжелого марша еще и фильм пошли смотреть, то с ними теперь можно воевать!»

Аэродром находился далеко от расположения бригады?

В Тейково аэродром располагался недалеко, поэтому на нас возлагалась и обязанность по его охране. Немного еще расскажу про нашу подготовку. Зима, мост, у моста полагается охранение. Нам ставится задача, снять часовых у этого моста. Из нашей группы назначают кого-нибудь и говорят ему: «Ты будешь часовым, будешь охранять мост. А все остальные будут стараться тебя снять». Если тот, кого назначили часовым, прозевает наше к нему приближение, то ждет его работа на всю ночь – пни копать. Буржуйка в нашей землянке не давала хорошего тепла, поэтому таким образом еще и заготовливали топливо для печки.

А если он обнаружит «группу захвата»?

Ну, тогда мы, всей группой, идем заниматься тем же. Или еще посадят где-нибудь в лесу на ветке стрелка-«кукушку». Мы идем по лесу и, после его выстрелов, должны его обнаружить. Как только обнаружишь, так кричишь командиру, что заметил. Хоть и в виде игры нас всему обучали, но это была, как ни крути, боевая подготовка. И мы не считали, что это издевательство какое-то над нами, хотя нагрузку нам давали колоссальную – мы совершали многокилометровые марши каждую неделю. В ходе этих маршей мы делились на две группы, одна занимала оборону, а другая ходила на нее в атаку.

Мы дважды получали команду уложить парашюты и приготовиться к боевому десантированию. А применение десанта означало участие в какой-то крупной операции на уровне Армий или Фронтов. Как правило, в таких случаях забрасывали бригаду в немецкий тыл, чтобы обеспечить прорыв наступающим частям, уничтожить огневые точки, нарушить управление, в общем, навести там переполох. У нас за всю войну было два крупных десанта – Днепровский и Вяземский – и оба они оказались неудачными.

Про Днепровский десант говорить не буду, о его неудачах и так всем известно. А вот Вяземский десант действовал немного успешнее, освободив восемь районов Смоленской области и восстановив там Советскую власть. Говорят, командир той десантной группы просил прислать им больше боеприпасов, но их оставили без обеспечения. В результате их осталось в живых человек четверста, и они соединились с действовавшими в тех краях партизанами.

Каков был возрастной состав в роте?

В большинстве своем была молодежь, но было несколько человек постарше, в районе уже тридцати лет.

Они были уже фронтовиками, опытными бойцами?

Нет, были, как и мы, необстрелянными. Фронтовиков при формировании в нашем составе не было.

Ваша бригада до этого уже участвовала в боевых действиях?

Нет, она была создана с чистого листа. 10-я гвардейская воздушно-десантная бригада звание «гвардейская» получила до боев, можно сказать авансом. Бригада получила гвардейское знамя, а мы, произнеся слова гвардейской клятвы, повесили себе на грудь гвардейские значки. Обычно задание десантником дается из расчета действия двое-трое суток, и запас продоволь-

ствия с боеприпасами обычно выдается перед десантированием именно на такие сроки. Но, к сожалению, не всегда получалось уложиться в отведенные сроки.

Отправка на фронт оказалась для вас неожиданностью?

После того как нашу бригаду переформировали в стрелковый полк, то сначала хотели нас бросить на освобождение Варшавы и для этого передислоцировали на железнодорожную станцию Перемышль. Но, как только мы приехали на границу с Польшей, нас развернули и отправили через Западную Украину в район озера Балатон. Высадили нас километров за восемьдесят от линии фронта, и мы совершили пеший марш к месту нашего расположения. По прибытию командир нас построил и говорит: «Давайте договоримся, что перевязочный пакет у каждого из вас храниться будет в одном месте, чтобы в случае вашего ранения его не пришлось искать вашим товарищам». Решение было правильное, ведь у десантников в рюкзаке много карманов было, попробуй там найди что-нибудь. Посоветовавшись, решили, что пакеты будут у всех в левом брючном кармане. А почему в левом? Потому что в правом кармане почти у всех лежала махорка, у кого-то в кисете, у кого-то россыпью была.

Вы все были обеспечены индивидуальными перевязочными пакетами?

У каждого обязательно было по такому пакету. Наш санинструктор, старший сержант Костя Зубков, прошел вдоль строя и выдал каждому по индивидуальному пакету.

Сколько боекомплекта вы с собой носили?

У меня было десять магазинов для автомата и еще шесть-восемь гранат я таскал с собой.

Куда же Вы столько магазинов девали?

У десантника столько карманов имелось, что там многое можно было положить!

Откуда в красноармейском обмундировании много карманов? Или вы продолжали носить десантное обмундирование?

Карманы были не в обмундировании, а в снаряжении. Мы носили не вещмешки, у нас были десантные рюкзаки. Вот в этих рюкзаках и было штук шесть или семь карманов.

Магазины носили всегда снаряженные?

Только снаряженные! Ну и россыпью в рюкзаке еще патронов восемьсот или тысячу.

Гранаты носили в подсумке или в рюкзаке?

Когда в бой шли, то часть гранат крепили на ремень, а остальные в рюкзаке были.

Те, которые лежали в рюкзаке, были уже с вкрученными запалами?

Ни в коем случае! Вот если в подсумке гранаты лежали, то они были уже с вкрученными запалами, так как их можно было быстро использовать в бою.

Каким гранатам отдавалось предпочтение, оборонительным или наступательным?

У меня обычно было при себе шесть Ф-1 и две РГД-33 с ребристой ручкой. Немецкими гранатами я не пользовался, не нравились они мне.

Будучи разведчиками, использовали ли вы ножи?

Так точно. Ножи были почти у всех. А использовать мне его довелось однажды в Австрии. Шел уличный бой, и мы ворвались в дом. Спрашиваем у женщины, есть ли немцы в доме. Она

сказала, что нет никого. Только мы сделали шаг вперед, как моего товарища – раз! – и немец убил. У меня в тот момент автомат находился за спиной, а спереди на ремне висела финка. Ко мне спиной оказался немец, который только что дал очередь и хотел бежать. В это время я находился в дверном проеме и быстро воспользоваться автоматом я просто не успевал. Я в доли секунды среагировал, достал свою финку и всадил ее в спину этому немцу.

По штату стрелковый полк должен обладать более тяжелым вооружением, чем воздушно-десантная бригада. Вам придали артиллерию?

В нашей десятой гвардейской воздушно-десантной бригаде артиллерии как таковой не было. Я только помню, там была зенитная батарея с 37-миллиметровыми пушками, а насчет артиллерии сказать ничего не могу. А когда нам сменили погоны и перевели нас в гвардейскую стрелковую часть, у нас появился дивизион «сорокапятков». Затем их сменили на 57-миллиметровые орудия, а ближе к 1945 году, появились и 76-миллиметровые орудия.

И вот, значит, на следующий день после прибытия на фронт, мы пошли в наступление. Сначала была проведена артиллерийская подготовка, которая продлилась минут сорок или час. Мы в это время сидели в своих окопах и я, обернувшись, впервые увидел «Катюши», которые били через наши головы. Как они четко сработали, это просто чудо! Конечно на меня, еще не побывавшего в боях, их стрельба произвела неизгладимое впечатление. Но я же был комсоргом роты, мне нужно было «держать лицо».

Вообще я хочу сказать, что мне по долгу моей комсомольской работы приходилось много общаться как с командирами взводов, отделений, так и с простыми солдатами. Все мы были друг для друга словно братья. Перед началом наступления я собрал комсоров взводов и сказал им: «Мужики, мы, комсомольцы, должны быть впереди. Давайте друг другу помогать при всех обстоятельствах и в то же время быть осторожными». Даже могу назвать фамилии комсоров: Шкловер, еврей по национальности, Корзун, украинец, а третьего вот не помню уже. Потом я даже добился у командира роты назначения меня как комсорга, в каждую группу, которая уходила в разведку. Наш разведвзвод, положенный по штату, вышел из строя в первые дни нашего нахождения на фронте: их отравил подаренным вином один мадьяр. И поскольку взвод разведки отсутствовал, то все функции разведки возложили на нашу первую роту автоматчиков. После того первого боя, в который мы вступили, немцев отогнали километров на тридцать. В тот раз артиллерия хорошо поработала, первые траншеи мы почти сразу захватили, а в последующих сопротивление хоть и было, но слабое, мы его сразу преодолели. Говорили, что среди немцев распространяли про нас информацию, что на фронт прибыли «сталинские головорезы» и в плен их не брать.

В первом бою у вас потери большие были?

Мы, разведчики, почти никого не потеряли. Во-первых, мы прибыли со свежими силами, патронов у всех было в достатке, поэтому мы на немцев обрушили просто ливень огня. А во-вторых, мы были полны энтузиазма доказать в бою, на что мы способны.

Доводилось в бою использовать трофейное оружие?

Нет. У меня все время был наш родной автомат ППС, который мне не нравился. Он был складной и очень легкий, а раз легкий, то при стрельбе был сильный разлет пуль. Я перед началом боя как комсомольский секретарь всегда собирал комсомольцев на собрания и каждый раз напоминал им, чтобы в бою стреляли короткими очередями, потому что первый патрон идет в цель, а остальные уходят в сторону и вверх. А попусту разбрасываться боеприпасами в бою нельзя, они нужны. Вот ППШ – тот был более устойчивый при стрельбе, да и работал в любых условиях. А ППС был капризным: попадет песок – и уже все, надо чистить. Но должен отметить, что у немцев автоматическое оружие было хорошим, порой даже превосходило наше.

Довелось вам встретиться в бою с венграми или вы сражались только с немецкими частями?

Венгры? Да, были нашими противниками и венгры. Мы же начали воевать в районе озера Балатон, у города Секешфехервар. И там венгры, вместе с немцами, старались сдержать наш натиск. Только когда мы их уже прижали к австрийской границе, венгры стали массово сдаваться в плен. Окружишь их, а они оттуда нам сразу кричать начинают: «Модьяр! Модьяр!» Если оценивать венгров как противника, то, надо признать, что это они из тех, кто воевал очень здорово. Но немцы все-таки сражались более яростно. Немцы стали плохо воевать в сорок пятом году, когда у них наступил моральный упадок и они видели, что у них уже нет перспектив остановить или хотя бы ослабить наше наступление.

А с местным населением в Венгрии находили взаимопонимание?

К нам в дивизию однажды приезжал генеральный секретарь Коммунистической партии Венгрии Матьяш Ракоши, выступал перед нами, благодарил. А с гражданскими венграми в населенных пунктах мы практически не контактировали. А вот когда мы заканчивали войну в Югославии, в городе Суботица, вот там нас встретили! Там нас не только накормили, но и выдали каждому из нас нижнее белье: майки, трусы, потом они дали нам возможность помыться. Еще чехи нас встречали хорошо. Там, в Чехословакии, в районе населенного пункта Тршебонь у нас были сильные бои за высоту 743, на которую мне пришлось два раза ходить в атаку. Первая наша атака захлебнулась, мы потеряли много людей. Нас положили и просто забили огнем. Второй раз пошли на эту господствующую высоту уже после артиллерийской подготовки и взяли ее. В этот раз высоту взяли сходу, почти легко, никакого сопротивления практически не было. Должен сказать Вам, что это страшное дело – ходить в атаку. После войны я уволился в запас с должности начальника артиллерии корпуса и всегда говорил, что в том сражении я узнал настоящую силу бога войны.

После ряда боев мы остановились в городе Хайлигенкройц в Австрии. Командира роты вызвал командир полка и говорит ему: «Агентурная разведка доложила, что на линии нашего наступления находится сборный пункт немцев. Надо его уничтожить, это во-первых. Во-вторых, третий батальон нашего полка, а это триста пятьдесят человек, попал в окружение. Нужно найти пути выхода батальона из окружения с наименьшими потерями. И третья задача – обязательно найти языка, желательно штабного офицера».

Все эти задачи поставлены были вашей роте?

Да, наш командир роты получил такие задачи, пришел и собрал для их обсуждения всех командиров взводов. Я тоже присутствовал на этом совещании, потому что сказал командиру роты: «Когда Вы будете формировать группу, Вы меня пригласите, потому что я людей знаю лучше, чем иной командир взвода» Я парень боевой был, деревенский. Мне еще мать говорила, что я своей смертью не умру, меня «либо убьют, либо на колу повесят». Деревня есть деревня, там в выражениях не стеснялись. Командиры взводов у нас были молодые младшие лейтенанты и лейтенанты после училища или курсов, отслужившие всего месяц, два, три.

Много офицерского состава выбывало в связи с гибелью или ранениями?

У нас командир взвода лейтенант Неминуций выбыл после первого боя, по какой причине – не знаю, даже не могу сказать. Понятия не имею, ранило ли его или куда-то отозвали.

Так вот, командир роты пришел, собирает командиров взводов и вызывает меня. Вернее, он не называл фамилию Воронин, а говорил так: «Комсомол, ко мне!» Командир роты ставит задачу, а я уже набрасываю, кого можно для этого привлечь. Решили пятнадцать человек во главе с командиром роты включить в эту группу для выполнения особых задач. Ординарец

командира роты Коля Сухоруков тихонько мне говорит: «Иван, ты и меня запиши в эту группу, а то он меня прикрывает постоянно. Командир уже вон на сколько заданий ходил, а я все тут сижу, неудобно как-то». Включил я в список Колю. Себя, конечно, в список включил самого первого, я ж комсомольский секретарь, Колю – вторым, а потом уже и всех остальных.

Почему надо было составлять список? Почему для выполнения поставленной задачи не назначить какой-нибудь взвод?

Взвод брать было нельзя, надо было выбрать людей отчаянных, которые подходили бы для этого по своим морально-психологическим данным. Командир должен был быть уверенным, что этот человек не подведет, что он не оставит задачу невыполненной.

При выполнении поставленной задачи мы должны были перейти линию фронта. А чтобы перейти ее, нужно было пройти по ущелью, где высота с одной стороны восемьсот метров с одной высоты и тысяча двести с другой. На этих скалах немцы в гротах поставили пулеметы и пристреляли всю асфальтированную дорогу, которая проходила по этому ущелью. Ночью они сидят там тихо, потом ракету осветительную выпустят, постреляют немного из пулеметов и снова успокаиваются, засыпают, наверное.

Начали мы готовиться к заданию. Собрал я комсомольцев и говорю им: «Мужики!», – у меня слово «мужики» было самым любимым, поскольку я был из деревни, а там мужики – это самый работающий, очень скромный и трудолюбивый народ, – «Мужики, выполняем задание, как положено. Слушайте, тут есть такое предложение: пройти вот этот пристрелянный участок на велосипедах». Все: «Да, конечно! Давайте!»

Где вы их столько взяли?

Лейтенант Смирнов Сергей Гаврилович, умница, это золотой человек, созданный именно для разведки. Голос у него не крикливый, спокойный, приказания он отдавал в таком доброжелательном тоне. Я к нему подошел и говорю: «Мы вот тут посоветовались и хотим предложить Вам: может велосипеды достанем? Хайлигенцкройц все-таки город, там должны быть». Он отвечает: «Вообще-то дело говорите!», – вызывает старшину: «Пятнадцать велосипедов чтобы были у меня здесь!» К вечеру пятнадцать дамских велосипедов со скошенной рамой были уже готовы для использования. Мы незадолго перед этим освободили одного югослава, так он пристал к нам и с нашей ротой так идет и идет. Подошел он к нам и на ломаном русском кое-как сказал: «Я мастер, я проверю все эти велосипеды, чтобы они у вас были нормальные». Командир отвечает ему: «Конечно, давай». Вот он всех их проверил, подготовил, все хорошо сделал.

Где вы этого югослава освободили?

Как он к нам попал точно не знаю, врать не буду. Где-то в бою его обнаружили. Не знаю, воевал он или нет, но как-то он у немцев оказался. А мы тогда югославов считали почти родными братьями, так нас, солдат, учили, поэтому приютили его. Не знаю, поставили его на довольствие или нет, но он у нас помощником был.

Какую форму он носил?

Нет, он в гражданской одежде ходил.

Подъехали мы ночью на велосипедах к линии фронта, командир роты говорит: «Так, при движении прижимаемся к скале с левой стороны. Всем надеть шинели, а правую полу шинели спустить пониже, прикрыть ею велосипед, чтобы он не блестел. И проскочить это ущелье нам нужно со скоростью звука».

Мы поймали промежуток между дежурными обстрелами немецких пулеметчиков и все сделали так, как приказал командир роты. Немцы, конечно, осветили ракетами нас и обстре-

ляли, но они поздно спохватились, и мы успели проскочить. Из ущелья мы выскочили в лощину, где наша асфальтированная дорога пересекалась с насыпной дорогой. Мы свернули на эту насыпную дорогу, проехали по ней немного и уперлись в стоящий на окраине леса небольшой австрийский домик, огороженный забором. Видимо, это была усадьба какого-то австрийца. Все свои пятнадцать велосипедов мы поставили в ряд у забора и пошутили, что утром австриец проснется, а ему Всевышний послал пятнадцать новых велосипедов.

Дальше мы пешком пошли искать место, где мог бы выйти батальон, чтобы как можно меньше потерять людей при этом. Искали мы место выхода целый день, в тылу у немцев, и все-таки нашли! А потом прошли еще немного и нашли тот самый батальон, который сидел там в окружении. Пришли к ним, командир роты объяснил, какую нам задачу поставили, показал, где и как можно выйти из окружения, и командир батальона гвардии майор Давыдов говорит: «Все ясно. Но мы видели немцев, направляющихся вон в ту сторону».

Командир полка по радиации дал еще какую-то дополнительную задачу нашему командиру роты, тот взял с собой восемь человек и куда-то ушел. А мы, оставшиеся семеро, во главе со старшим сержантом Машенко остались выполнять задачу по уничтожению сборного пункта противника и, по возможности, захвата языка. Нам указали направление движения, и мы всемером отправились уничтожать сборный пункт.

А батальон?

Батальон стал готовиться к выходу через линию фронта к нашему расположению. Кстати, радиста из этого батальона, Куликова Бориса Викторовича, я встретил здесь, в Нижнем Новгороде, уже спустя полвека после окончания войны. На какой-то одной из ветеранских встреч мы с ним познакомились, и он сказал, что служил в 322-м гвардейском стрелковом полку и стал перечислять фамилии своих командиров. Он и рассказал, как мы их выводили из окружения, ведь он в это время, как и положено радисту, находился рядом с командиром батальона.

Мы шли по карте вдоль скалы, пытаясь обнаружить сборный пункт. И только завернули за угол, как тут же наткнулись на немцев. Сошлись мы лоб в лоб: нас семь, а их было человек семнадцать. Но у нас у всех автоматы были на взводе, оставалось только нажать на спусковой крючок, поэтому мы их всех и положили. Машенко говорит: «Давайте мы у них заберем документы». Начали искать. Оказывается, немцы хранили свои документы в кальсонах и в ботинках.

Продвигаемся дальше. Смотрим, в кустарнике, метрах в сорока, идет немец. Видно было, что он шел вразвалку, наслаждался природой. Машенко говорит: «Надо его снять». Мы его отговаривать стали: «Нельзя его снимать, он нас выведет куда нам надо». Машенко согласился, и мы тихонько пошли вслед за ним. Немец нас привел как раз на тот самый сборный пункт, который мы и искали.

Что из себя представлял этот сборный пункт? Значит, мы находились на горе, вниз шел пологий спуск, а внизу, в лощине, были немцы и повозок шесть или семь боеприпасов, сложенных в горки. Машенко принял правильное решение: троих отправил на противоположный склон этой лощины, а мы четверо остаемся здесь. При стрельбе с двух сторон у немцев должно создаться впечатление, будто они окружены.

Эти трое ушли и остались мы четвером: Саша Кобзев, Коля Перевалов, Машенко и я. Перед уходом нашей тройки Машенко им дал команду: «Как только мы откроем огонь, сразу открывайте и вы тоже, будем одновременно немцев обстреливать». Подождали мы немного времени и открыли огонь по немцам, которые находились в лощине. Стреляю, а сам замечаю, что с противоположной стороны не раздалось ни одного выстрела. Что поделать, ведем огонь сами.

Вдруг у Машенко заклинило патрон в патроннике, и он говорит: «Я не могу вести огонь». Я ему отвечаю: «Товарищ старший сержант, у них же там сборный пункт, народу больше чем

у нас, они на этом направлении нас быстро скинут с наших позиций. У нас же есть гранаты, вы укройтесь и, в случае чего, этими гранатами обороняйтесь, а мы втроем будем вести бой». Машенко ушел в укрытие, а мы втроем остались.

Мы с Колей Переваловым укрылись за сосной, которая представляла из себя хорошее укрытие – из-за ствола выглядывает только правый глаз и мушка. А Коля в раж вошел: стреляет уже не лежа, а встал на колени, чтобы вести огонь. Я на него как закричу: «Ты что делаешь? С ума сошел?» И вдруг он кричит мне: «Воронин, я ранен!» Я к нему: «Как ранен? Я же тебе сказал, надо было лечь!» Осмотрел его: у него было сквозное ранение, пуля пробила ему легкое. Я Саше Кобзеву дал указание перевязать Колю Перевалова, а сам решил вести до конца огонь из автомата. У нас было с собой восемь магазинов, а в бою длинными очередями стрелять нельзя, иначе они быстро закончатся, только по два-три патрона. Первый патрон идет всегда туда, куда надо. Это только в фильмах показывают, как они длинными очередями лупят. А немцы подобрались уже к подножию горы, в «мертвую зону», где я их уже не вижу и не могу по ним стрелять. Саша Кобзев кричит: «Иван, давай перевязочный пакет!» Это же ранение в грудь, а нас не учили такие сквозные ранения перевязывать. Я достал свой индивидуальный перевязочный пакет, бросил ему.

Надо же как-то немцев в этой «мертвой зоне» достать. Я приготовил гранаты, бросил одну за другой. Одна упала правее, никого ею не зацепил. Я сам в таком состоянии находился – не удивительно, что промахнулся. Кидаю вторую, третью, четвертую. В этот раз все легли туда, куда надо. И вдруг аж слух резануло – в Альпах такая наступила тишина! Только Коля Перевалов лежит и шумит что-то в раненом забытье. Машенко выходит из укрытия и говорит: «Давайте спустимся сейчас, посмотрим, что там вообще было». А те трое наших так за весь бой и не открывали огня. Не знаем, что с ними случилось и куда они подевались.

Какое количество противника было уничтожено вами в том бою?

Врать не буду, потому что не считали мы их.

Оставляем мы раненого Колю наверху, а сами спускаемся вниз. Когда спустились, картина, конечно, открылась внизу страшная: представляете, что там после взрывов гранат творилось? Подошли мы к повозкам с боеприпасами, взорвали их и вдруг видим, из кустов медленно выходит немецкий капитан с планшетом на боку. «Мужики, это то, что нам надо! Смотрите, он сам пришел, мать твою!» Капитан этот оказался раненым и не мог идти, но бросать его нам было нельзя. Раскрыли планшет – а там все есть!

Поднялись мы обратно наверх и затащили туда с собой этого капитана. Решили мы с Сашей Кобзевым найти тех троих, которые должны были нам оказывать поддержку с противоположной стороны лощины. Говорим: «Товарищ старший сержант, Вы оставайтесь здесь, а мы пойдем их поищем». Мы и кустарник весь прошли и все вокруг облазили – ну нет их, пропали! Так мы их и не нашли: ни мертвых, ни раненых, ни живых. Вот так вот. Так они у нас без вести пропавшими и остались.

Мы все поставленные нам задачи выполнили: нашли дорогу для выхода батальона, сборный пункт уничтожили, да еще и «языка» взяли. Надо было как-то возвращаться обратно. Решили идти той же дорогой, какой шли от найденного батальона. Взяли палки, сняли гимнастерку и сделали подобие носилок, на которые погрузили Колю. Нас было трое, поэтому мы поочередно переносили на носилках то Колю, то раненого немца. Например, остается один из нас с немцем, а двое других берут и тащат на носилках Колю. Затем кто-то остается с Колей, а второй возвращается назад, там грузят на носилки немца и несут туда, где лежит Коля. И так, меняясь каждые двести-триста метров, мы шли километра три. Коля Перевалов все это время, пока мы его несли, шептал: «Пристрелите... пристрелите меня. Со мной вы не выполните задачу, вы погибнете». Но мы его успокаивали: «Прекрати! Мы тебя не бросим!» А у него сквозное ранение, ему больно, он как закричит! Я ему говорю: «Коля, не кричи! Все равно мы

тебя не бросим. Лежи, терпи. Скоро тебе помогут». Я знал, что в батальоне есть один фельдшер, лейтенант, на которого мы все сейчас надеялись. И немец, которого мы тащили, тоже, как и Коля, просил его пристрелить, постоянно повторяя: «Шиссен, шиссен».

Как только мы вышли к местонахождению батальона, сразу принесли нашего товарища этому фельдшеру: «Товарищ лейтенант, Колю спасите, пожалуйста!» Тот говорит: «Как я его спасу, мы же в окружении». – «Ну у вас же наверняка есть что-нибудь, ну помогите ему! Пожалуйста!» Лейтенант пообещал сделать все возможное, и мы оставили ему нашего раненого товарища, напоследок распрощавшись с ним: «Мы с тобой, Коля, не прощаемся. Мы еще обязательно встретимся!» Тут мы вспомнили о своем «языке»: «А у нас еще немец есть, капитан, перевяжите и его».

Тем временем Мащенко доложил командиру батальона Давыдову о том, что поставленная задача выполнена, а тот по радиации сообщил в полк: «Хозяева (это позывной командира полка был), разведчики задачу выполнили. У них капитан немецкий с планшетом и сведениями по всем немецким частям, но он ранен». Командир полка говорит: «Чтобы завтра в двенадцать часов они с этим немцем были у меня!»

А как вам обратно пройти?

Ну мы-то уже знаем путь. Мы же нашли дорогу и обратно по этой дороге пойдем: дойдем до переднего края, подождем, пока немцы ночью отстреляются и быстренько этот промежуток пробежим. Так и сделали. Прибежали к себе в полк, а там нас уже встречают командир полка полковник Гнатюк, начальник штаба майор Гаргула, замполит подполковник Тадеуш и комсомольский секретарь полка лейтенант Дубченко.

Командир полка вызвал старшину роты и говорит: «Командира роты нет, он задание выполняет, поэтому я поставлю задачу. Значит так, старшина: гвардейцев обмыть, накормить, дать по чарке каждому. Когда ротный вернется из-за линии фронта, представить всех к награде».

Чем наградили?

Орденом Славы 3-й степени.

Наградили всю группу?

Всю, за исключением тех троих, которые пропали без вести. Их-то за что награждать?

У вас есть еще один орден – Красной Звезды. А за что Вы получили его?

Я еще одно задание выполнял, коротко о нем расскажу. Нам дали задание взять «языка», желательно офицера. Нас было три человека в группе, я был старшим. Перешли линию фронта мы спокойно, поскольку не первый раз это делали: свою линию мы прошли нормально и проход через немецкую нам тоже подготовили, и мы ее пересекли без особых трудностей.

После того как попали уже на территорию, занятую противником, мы вышли к дороге, по бокам заросшей кустарником и низкорослыми деревьями. Сели справа от дороги в зарослях кустарника чтобы перекусить. Только стали есть, как с другой стороны подъезжает легковой автомобиль типа пикапа с двумя офицерами, охранником и шофером. Я спрашиваю у своих: «Берем?» Они молчат. Ну, раз молчат, значит, берем. Договорились, что, как только подползем к ним, так сразу в морду автоматом. Мы для захвата не готовили ни финки, ни гранаты, а только автоматы, чтобы если что, сразу очередь дать. Напали мы на них, скрутили, связали, соорудили кляп и запихнули каждому в рот. Вот дураки же мы были! Надо было нам оставить двух офицеров, а охранника и шофера уничтожить и машину взорвать. Потому что нам троим двоих пленных через линию фронта протащить было легче. А мы, дураки, решили на машине поехать, решили на скорости проскочить.

Кто вел машину на обратном пути?

Немец, шофер этого пикапа. Немцы настолько были уверены, что у них в тылу никого нет, что вели себя спокойно. Когда неслись к линии фронта я все думал, как сказать шоферу, чтобы тот гнал побыстрее. А у меня из головы вылетело слово «быстрее» по-немецки, которое я хотел сказать водителю. Помню, в школе изучали это слово, а в голову оно не идет. Вспомнил только уже метров за сто и как заору на этого шофера: «Шнель, шнель!» А сам при этом ему в затылок тычу стволом автомата. Перед тем как поехать, мы втроем распределили, кто из нас кого из немцев контролирует: я, значит, держу под прицелом шофера и того немца, который с ним рядом, второй наш разведчик берет под контроль второго офицера, который сидит рядом с охранником, а третий следит за охранником. Расположились в машине мы так: мы легли на пол, в ноги к немцам, а офицера и охранника поставили сзади стоять во весь рост. Так они и ехали стоя с кляпами во рту. Мы приготовили гранаты и держали их в руках на виду у пленных немцев, чтобы те поняли: если нас обнаружат, то сразу взрываемся и гибнем все, у нас у самих иного выхода и не было.

Когда рассказываю эту историю, меня часто спрашивают: «Как же вы проехали? Там же окопы везде должны быть, вы что, через эти ямы перемахнули что ли?» Так вот, никаких окопов там еще не было, потому что линия фронта только недавно переместилась, и никто еще не успел как следует окопаться. Когда мы немецкую территорию проехали, я услышал, как на нашей стороне лейтенант кричит своим солдатам: «Не стреляйте, это свои!», а те ему в ответ: «Товарищ лейтенант, как же не стрелять – там же немцы!» Лейтенант им: «Видите, они же в вас не стреляют!» Подъезжаем к ним, останавливаемся, я из кузова выглядываю и говорю: «Вы уж в своих-то не бейте, пожалуйста».

Приехали в расположение, сдали пленных начальнику штаба полка майору Гаргула, и я доложил о выполнении задания командиру полка. Ротный мне потом говорит: «Орден Славы у тебя уже есть. Может тебе вторую степень его дать? Или орден Красной Звезды?» Орденов Славы в полку много было, а ротный как-то видел, как я расспрашивал одного солдата, награжденного орденом Красной Звезды за что его наградили и рассматривал награду. Поскольку я пользовался у командира роты авторитетом, он мне и предложил выбирать себе орден. Я выбрал Красную Звезду, но, потом, правда, всю жизнь жалел об этом. Когда уже после войны мы встретились с ротным, он ко мне вместе с женой приехал, мы сидели с ним на кухне, и он мне сказал: «Дурак ты, надо было тебе Славу второй степени выбрать». Я ему отвечаю: «Да ладно Вам, товарищ лейтенант, мы же остались живы, и черт с ним, с этим орденом!»

Иван Васильевич, а Вы читали свои наградные листы?

Мне их прочел Жуков Леонид Степанович, наш нижегородский ветеран, он тоже служил в той же дивизии, только в другом полку. В моем наградном листе написано так, что мне там даже нельзя было дать и медаль «За отвагу»: я не согласен с тем, что там написано, там все очень сильно искажено. Это писарь писал в штабе, а откуда ему знать, как там все было на самом деле. Хотя тогда все эти наши действия, за которые нас награждали, считались совершенно обычными и ничего героического в них не было. Я считаю, что восемьдесят пять процентов тех, кто был в кровопролитнейших боях, свои заслуженные награды не получили. Тем, кто остался в живых, дали медали «За победу над Германией» и все.

Вам доводилось сражаться с частями СС?

Нет, с эсэсовцами не приходилось. Вот с молодежью из «гитлерюгенда» приходилось, а потом даже и с пожилыми из «фольксштурма». Это мне они пожилыми казались, а им было лет по сорок – пятьдесят. Но эти части не полностью состояли из пожилых, они обязательно были разбавлены молодежью.

Где вы столкнулись с «гитлерюгендом»?

В Австрии, место уже сейчас не вспомню. Когда мы взяли одного молодого из них в плен, командир полка сказал командиру штаба, чтобы того расстреляли. Этот немец сидел в лесу, привязанный к дереву и, его, может быть, не расстреляли бы, а отправили в тыл. Но он так яростно оборонялся перед тем, как его взяли, даже несколько человек наших убил, что наши все на него озлоблены были. Взять его удалось только после того, как у него закончились патроны. Когда повели этого немца на расстрел, так он показал пальцем, чтобы стреляли ему в голову, такой мощный духом оказался. Вот такие были моменты на фронте.

С работой снайперов сталкивались?

У нас в роте не только снайпера не было, но даже и снайперской винтовки. А немецкие снайпера были на нашем участке, когда мы готовились к наступлению в районе озера Балатон и в Чехословакии. Но в нашей роте от огня снайпера никто не погиб.

Однажды к штабу нашего полка вышла очень большая группа немцев, и завязался бой. Нас, группу из пяти человек, – сразу в цепь. Поскольку у штаба находились запасы боеприпасов, там был просто ливень огня. Наши находились на склоне, на просеке, а немцы внизу. Штаб наш располагался в каком-то купеческом доме: какой-то из местных богатеев построил себе что-то типа дачи.

Во время этого жесточайшего боя встает у нас красноармеец Пуряев, встает в рост при таком ливне огня и из автомата бьет в сторону немцев. Все кричат ему: «Ложись, ложись!», но у него видимо уже стресс был, не знаю. Он до половины склона дошел и свалился. Командир роты, Сергей Гаврилович, дает задание санинструктору старшему сержанту Зубкову и Воронину, то есть мне, вытащить Пуряева. Нихрена себе – вытащить, извините за выражение! Мы с Костей Зубковым даже обнялись перед тем, как лезть в это пекло. Спускаемся, стараясь спрятаться в кустарнике. Зубков такой же знаток этой ситуации, как и я. Говорю ему: «Мы сейчас дойдем до того места, где лежит Пуряев, подползем к нему по-пластунски и ползком его вытащим в кустарник».

Когда мы подошли, то сняли плащ-накидку, развернули ее и поползли к Пуряеву. Подползли, значит, а он увидел нас и кричит: «Воронин, я ранен!» Смотрим, у него кисти обеих рук в крови, он их нам показывает, ягодицы тоже все окровавлены и половина уха оторвана. Мы схватили его за руки, втащили на плащ-накидку и лежа, ползком, мы его вытащили. Затем по кустарнику донесли к своим, доложили командиру роты. Потом переложили Пуряева с плащ-накидкой на носилки и бегом в медпункт полка понесли.

Медпункт располагался в подвале того дома, где был штаб полка. Заносим туда носилки, я смотрю – на столе лежит оголенное тело, не знаю кого, офицера или солдата, а кожа у него от стопы до колена завернута и врач пилит ножовкой ему кость. Мы оба как увидели это, так поскорее захотелось убежать оттуда. Когда вышли оттуда, я шутя говорю Зубкову: «Костя, ты же у нас санинструктор, ты целых десять дней учился на него». Тот вздрогнул и отвечает: «Да, действительно».

Пуряева мы быстренько передали в медпункте, попросили, чтобы ему оказали первую помощь. Попрошались с раненым, сказав ему: «До встречи после войны!» И убежали к своим. И что Вы думаете? Уже после того как война закончилась, наша 103-я дивизия дислоцировалась на аэродроме в городе Сегед на юге Венгрии. К нам уже пришло пополнение с Дальнего Востока, были укомплектованы все роты, наша автоматная и даже разведзвод был сформирован, все как положено. Старшина нас построил на завтрак, а я ему говорю: «Товарищ старшина, вон солдат идет. Может, наш?», тот говорит: «Откуда ты знаешь, что он солдат?» – «Так вещмешок пустой у него, значит нечего ему нести. Это у офицеров что-нибудь из имущества бывает, ну сержант, может быть, чего-нибудь прихватит, а у солдат ничего не бывает». Стар-

шина мне говорит: «Ладно, ты узнай у него, наш он или не наш, и потом прямиком в столовую». И когда я подошел к этому солдату, знаешь кого я встретил? Его, нашего раненого. Мы, два дурака, обнялись и оба на радостях заплакали.

Были в моей военной биографии и другие случаи. Например, командир полка полковник Гнатюк меня матом обругал, когда немцы второй раз обстреляли штаб полка. Мы вернулись только с задания, а немцы в это время шрапнелью били по штабу. Все попрятались, а я остался один и тоже думаю, куда же мне от этой шрапнели спрятаться. Полковник Гнатюк увидел меня и кричит: «Ты что это, мать твою! Немедленно в укрытие!» А я ему, дурак, отвечаю: «А Вы, товарищ полковник, сами-то уходите, а то и Вас зацепит!» Гнатюк мне кулаком погрозил, но сам спрятался в укрытие.

Один боец, Коля его звали, фамилию его уже забыл, говорит мне: «Побежали, у меня окоп есть», я спрашиваю его: «Что за окоп?» А дело происходило в Австрии, на скале, там никакого окопа не вырыть, камень один. Коля мне отвечает: «Там выемка есть небольшая, можно улечься». Подбежали, смотрю, там действительно небольшое углубление имеется, но вдвоем не поместимся. Спрашиваю его: «Как мы тут уляжемся?» – «Как? Да валетом!» Я решил не рисковать, забежал в сарай, стоящий неподалеку и там переждал обстрел.

Когда обстрел закончился, вышел я из сарая, смотрю, а Коля лежит в том углублении, мертвый уже. Его всего, с головы до ног, посеколо шрапнелью: видимо, снаряд разорвался прямо над ним. Коля был из Тбилиси, после его гибели я его родным письмо написал, они меня к себе в гости приглашали, но я каждый раз отказывался – тяжело мне было, говорил, что не перенесу я это дело, не выдержу. Не смог бы я рассказывать его родным, как мы его похоронили, вырыв ямку глубиной примерно пятьдесят сантиметров.

В боях за озеро Балатон немцами использовалась мощная танковая группировка. Доводилось Вам отражать танковые атаки?

Нет, мы не отражали танковые атаки. Вот мой знакомый ветеран Жуков, он там же, на Балатоне воевал в соседнем полку, рассказывал, что им довелось отражать танковые атаки, когда немцы пытались контратаковать на участке их обороны.

Вас обучали способам борьбы с танками?

А как же! Нас еще до боев неоднократно обкатывали ими: делали окоп, укрепляли в нем стенки, чтобы они не осыпались, когда через него танк проходил. Но это же все было учебное.

Показательные расстрелы за трусость были в полку перед строем?

Я такого не помню. Я только помню, что, когда нашу дивизию еще до боев в Венгрии сначала отправили в Польшу, и мы доехали до города Перемышль, то там у нас за изнасилование местной женщины-полячки расстреляли перед строем капитана, командира роты разведки. Дивизию построили, вся дивизия была против того, что сделал этот капитан, все считали его изменником Родины. Даже то, что он пять орденов имел, не спасло его от наказания.

Доводилось в бою сталкиваться с власовцами?

Нет, в бою не доводилось. Но листовками они нас забрасывали, я читал пару таких листовок. Первая листовка была с призывом сдаваться «немецкой армии – освободительнице», писали там, что мы жить станем лучше, что порядки будут другими, что для этого надо помогать немцам. А на другой листовке, помню, была фотография Власова в немецкой форме и в длинном кожаном плаще, рядом с ним лежали в окопе два пулеметчика. В Чехословакии нам потом довелось некоторое время охранять охрану генерала Власова. Они пытались бежать на нескольких автомобилях, но их задержали наши войска. Самого генерала Власова среди них не было, но мне было бы интересно с ним увидеться, ведь я его видел еще до войны, когда

он приезжал в нашу деревню в гости к своим родителям. Когда мы охраняли захваченных власовцев, я переживал, думая, есть ли в их числе кто-нибудь из наших, ломакинских: вдруг кто-то перешел на сторону немцев, а Власов их к себе, как земляков, забрал. Но, к счастью, таких не оказалось.

Во время боев в Венгрии и в Австрии вражеская авиация присутствовала в небе?

Да она нас там на переднем крае утюжила будь здоров! Последний раз, помню, восемь «мессершмитов» пролетели вдоль наших окопов. Я только успел на дно окопа упасть и глаза закрыть, как по брустверу ударила очередь из пулемета. В нескольких сантиметрах от меня прошла, но меня не задела. Кстати, должен сказать, что я за все время участия в боях не был ни разу ранен, ни одной царапины я не получил.

Как Вы узнали об окончании войны?

Мы возвращались с задания. Подходим с группой к штабу полка, чтобы доложить, а там, у штаба, такая стрельба идет! Мы не поймем: в чем причина, из-за чего палят? Навстречу нам идет Коля Зайцев, горьковчанин. Я у него спрашиваю: «Ты скажи, что там случилось? Хоронят кого-то что ли?» У нас на похоронах всегда стреляли: если солдата хоронили или сержанта, то все отделение стреляло, а если взводного офицера – то всем взводом салютовали. А тут палят так, как будто офицера в большом звании хоронят. Коля, улыбаясь, мне отвечает: «Ты знаешь, война-то кончилась!» Мы как услышали это, так все, не сговариваясь, как дали изо всех стволов в небо! Каждый по магазину выпустил. Я всегда заряжал по двадцать семь патронов, потому что когда заряжаешь полный магазин, то последние патроны клинило. И вот все эти двадцать семь патронов у меня ушли в небо. Помню сказал своим ребятам: «Ну, мужики, теперь заживем!»

Интервью и литературная обработка: С. Ковалев.

Бем Юрий Оттович

Расскажите, пожалуйста, о себе, о Вашем пути в армию.

Я родился в 1924 году в Москве. Мой отец родился в Киеве в семье обрусевшего богемского немца. Отец был студентом Киевского университета. В годы Первой мировой войны он сидел в тюрьме за организацию студенческой забастовки. После войны вступил в большевистскую партию. Работал по организации сети образования в городе Вятке. Там он женился на моей матери, русской женщине из семьи позолотчиков икон. Эта семья состояла из тринадцати человек.

Об успехах в создании сети школ в Вятке было хорошо известно в Москве, и вскоре Ленин вызвал отца в Москву. (В собрании сочинений Ленина есть упоминание об отце в письме Ленина). Отец работал в центральных органах Наркомпроса, которым долгие годы руководила Н. К. Крупская, жена Ленина. Отец был начальником управления высшей школы (иначе говоря, он был министром высшего образования).

В нашей семье было двое детей – я и старшая сестра. В 1937 году отца арестовали и, как сейчас мне стало ясно, вскоре расстреляли. Мы с сестрой оказались вдвоем еще совсем маленькие. Но как-то выжили, выкарабкались, оба получили среднее образование. Школу я закончил в 1940 году, в самый канун войны. Занимаясь в школе, я научился вождению автомобиля и получил удостоверение, а в июне 1941 года соорудил себе маленький приемник. И по этому приемнику я слушал речь Молотова о том, что началась война.

Вообще мы предполагали, что так будет. Несмотря на то, что вроде бы был мир с Германией, но на самом деле антифашистские настроения у людей были очень сильные. Никто не думал, что война будет настолько долгой. Думали, месяц-два пройдет, и мы выгоним всех этих немцев и так далее. Примерно через месяц начались уже бомбежки Москвы. Я и еще моих два товарища из дома, мы жили в Петроверигском переулке, на Покровке, дежурили на крыше. Нам дали большие щипцы, ведра. Во время бомбежек мы собирали зажигательные бомбы, клали их в ведра и выбрасывали с крыши. Потом я дежурил у подъезда и так далее. Жили мы с сестрой, сестра-студентка была замужем. Мужа ее быстро отправили куда-то на

окопы. Он тоже учился в институте. Я думаю, что же я буду в стороне от войны, и пошел в райком комсомола проситься, чтобы меня отправили на фронт. Тогда это был общий порыв. Тем более эти бомбежки. Все это настраивало нас против этих захватчиков, немцев, фашистов. Меня, конечно, отправили обратно домой. Было понятно, фамилия немецкая, отец арестован, сын врага народа, куда же меня на фронт. Сестра моя говорит: «Нечего тебе тут оставаться, потому что кончится это плохо». Начали детей репрессированных вывозить по детским домам. Тем более, мне было только семнадцать лет. Началась эвакуация Москвы. Я с эшелонам эвакуированных уехал в Пензенскую область, Кемишкерский район, в деревню. Там тоже пошел в район, и меня направили в Камиш-керскую школу учителем русского языка и литературы, поскольку у меня было среднее образования. Кроме этого, я работал в этой же школе пионервожатым. Год я в этой школе работал. В начале 1943 года моя сестра эвакуировалась вместе с полиграфическим институтом в город Шадринск, Курганской области. Вызвала меня туда. Сказала, что можно и там учиться. Меня, конечно, с трудом отпустили, но я выехал. Ехал очень долго, сложно. Вокзалы были набиты людьми, поезда не ходили, голод был страшный. Кое-как удавалось на подножке уехать. Со многими пересадками добрался до Шадринска и поступил в Московский полиграфический институт на редакционно-издательское отделение. Два года я учился в институте. И в 1943 году меня взяли в армию.

С чего началась Ваша служба?

Я попал в воинскую часть, где готовили младший командный состав. Учили нас там меньше года, меня готовили по специальности стрелок ПТР. ПТР это противотанковое ружьё, длинное такое. Когда закончили учёбу, мне присвоили звание младшего сержанта. В это время к нам стали приезжать представители воинских частей, один из танковых войск, один из авиационных, один из пехоты. Они отбирали людей. Тут приехал один офицер, и говорит: «Кто пойдет в воздушно-десантные войска?» А я был маленький, худенький, очень невзрачный. Мы, говорит, расположены под Москвой, в городе Киржаче. Я же из Москвы. Сестра уже к тому времени из Шадринска вернулась, это был конец 1943 года, начало 1944. Мне так захотелось побывать дома. Думаю, уж как-нибудь я оттуда вырвусь. Я говорю: «Ладно, я поеду». Думаю, прыгать с парашютом я вряд ли буду. Буду где-нибудь на подсобных работах. Или пошлют на фронт. Хотя не очень был уверен, что меня пошлют. Говорит, стрелок ПТР? Нам нужно. И он меня взял.

И попал я в Киржач. Только вышли мы на перрон, женщины, бабы нас окружили и говорят: «Ой, миленькие, куда вы приехали. Вы знаете, здесь люди все время погибают, парашюты не раскрываются». Что же делать, ладно. Стали нас там учить. Никто не посмотрел на меня, что я маленький, что я то, другое, третье, четвертое. Первую неделю нас учили только как складывать парашюты. Каждый складывает свой сам. Сложили парашюты, потащили на аэродром. Я помню такой тяжеленный парашют, тут основной, тут запасной, шли очень долго, километров восемь. Я так замучился, это было зимой, шли по снегу. Думаю, скорее бы нас куда-нибудь выкинули. Дойти бы. Добрались до аэродрома под Киржачом, там посадили в самолет. Это был «дуглас». Большая cabina и по бортам стоят скамейки, диваны. Мы сели. Каждый парашют надо зацепить за трос, потому что он автоматически вытягивался при выбросе. Минут пять мы летели, потом загорелся такой красный сигнал, огонек. Все встали вдоль кабины, справа и слева. Открыли дверь и начали оттуда прыгать. У меня было такое чувство, я очень боялся, что не выпрыгну, откажусь. К отказчикам относились очень и очень плохо. Считалось, что если человек струсил, то он вообще никуда негодный десантник. Такое общее презрение товарищей было, что лучше было вообще... потом отчисляли. Меня очень смущало, что там такая дверь полукруглая и там порожек. Как перешагнуть через этот порожек, это самое страшное. Подошел я, впереди меня парень прыгнул. Он когда прыгает, у него трос вытягивает мешок парашюта, трос обратно с мешком в кабину. И когда трос вернулся с мешком в кабину, он

ударил меня по лицу. Я машинально отпрянул назад, тут инструктор схватил меня одной рукой за шкуру и потом как коленкой поддаст под зад. Я выпрыгнул. Сначала я ничего не почувствовал, потом меня как-то закрутило, потом хлопок, парашют открылся, и здесь я уже почувствовал какое-то блаженство. Немножко страшно было приземляться, но снег был глубокий. Нас немножко научили, что нужно обязательно развернуть парашют так, чтобы земля шла под ноги, потому что она идет быстро. Так я благополучно прыгнул с парашютом. И начал там учебу. Меня зачислили в артиллерию. Во взводе было четыре пушки. Пушки были 76-мм орудия, совершенно особые, таких нигде еще не было, их делали специально. У 76-мм пушки длинный ствол. У этих пушек стволы обрезают. Они были короткие. Дело в том, что эти пушки сбрасывали с парашютом, поэтому они были облегченные. Под них были особые снаряды. С этими пушками мы должны были прыгать за линию фронта. Поскольку у меня были шоферские права, меня зачислили в шоферы при этом орудии. Никаких машин здесь не было, все пушки были на конной тяге. Но в лагере под Киржачем не было и лошадей. Поэтому моя обязанность заключалась в том, что я должен был держать эту пушку за конец лафета и тащить ее. А сзади мой расчет толкал ее за колеса. Здесь случилось довольно забавных эпизодов, которые для меня были не совсем веселые. Когда шел уклон вниз, под горку, ребята бросали ее сзади и разбегались, пушка неслась всюду. А я впереди, отпустить лафет я не мог, потому что надо было направлять пушку туда и сюда. Но я никогда так не бегал, потому что я боялся, что меня разнесет в клочья.

Нас довольно долго продержали. Дело в том, что там была такая система. Под Киржачом стояло несколько дивизий, я в 12-й воздушно-десантной дивизии служил, в 345-м артиллерийском полку. Их выбрасывали в то время все время в тыл врага. В то время еще наши войска не перешли границ, была дана соответствующая инструкция, ребят бросали. Они должны были либо бросить парашют, либо его собрать, найти свои орудия. Там бросали и орудия, бросали и тяжелую технику, машины и так далее. Все это надо было найти. Нас специально учили, были такие позывные, ставились датчики, по которым эти предметы надо было находить. И после этого выполнять заданную боевую задачу. Кстати, у нас у всех тогда были автоматы. Хотя автоматов в то время было в армии мало. У нас были особые автоматы, с рогадиками, коротенькие, со складным прикладом.

После десантирования и выполнения задачи предписывалось следующее: каждый по мере возможности должен в одиночку пробираться через линию фронта и возвращаться в Киржач. Те, кому удавалось вынести еще и парашют, получали дополнительное вознаграждение. Но никто не возвращался. По слухам, практически все солдаты из нашей дивизии, которые раньше отправлялись на десантирование, погибли.

Это объясняли тем, что у немцев была хорошая разведка. Они прекрасно знали, когда и где будет десантироваться такая здоровая армада – целая дивизия, огромное количество народу. Естественно, что они, как правило, расстреливали всех в воздухе. Если бы я попал в то время, конечно, меня бы не было на свете. Говорили, что позже поступил приказ: дивизии не бросать. Тем более, что это был конец 1944 начало 1945 года. Наши войска начали переходить через границу и бросать на территорию тех стран, которые мы освобождали и которые ждали нас, было бессмысленно. Поэтому считалось, что эти воздушно-десантные дивизии были резервом Сталина. В них были ребята действительно подготовленные. Когда я туда попал, там были дай бог парни. Мы ждали отправки и продолжали жить в Киржаче. Тут меня заметил один старший лейтенант, командир нашего взвода, потому что я был из культурной семьи, достаточно образованный. Он меня спросил, не умею ли я печатать на машинке. У отца была машинка еще со старой клавиатурой, я неплохо печатал на машинке. Комвзвода знал, что я хотел попасть в Москву и говорит: «Нам в штаб полка нужна машинка. Мы пошлем вас в Москву, дадим денег, вы купите машинку и привезете ее сюда». Так я попал в Москву. Москва была фронтовая. Наша квартира, поскольку там жила моя сестра с мужем, она осталась

за нами. Муж сестры не попал в армию, потому что он учился на механическом факультете полиграфического института, в то время этот факультет преобразовали в военный, и студенты этого факультета считались военными специалистами. А сестра училась на технологическом факультете. Я побывал в Москве. Как сейчас помню, ходил в кинотеатр, который был на месте теперешнего «Современника», кинотеатр «Колизей». Там шел фильм про артиллеристов, сейчас его часто показывают. Купил я машинку, привез ее в часть, и меня перевели в штаб полка. На должности старшего разведчика стал работать.

Несмотря на то что я работал в штабе полка, меня бросали с парашютом вместе с пишущей машинкой. «Знаете, – говорю я командирам, – я такой худенький, я могу вообще улететь». Они говорят: «Мы дадим тебе машинку, с ней не улетишь». Прыгал с аэростата. С аэростата, кстати, прыгать гораздо страшнее, чем с самолета. Там ничего не видно. Там сигнал – и тебя выталкивают. А здесь четыре человека сидят в этой кабине, все хорошо видно, земля видна. Поднимают его метров на четыреста, и потом инструктор всех оттуда выбрасывает. Ну ничего, как-то я уже к этому делу привык. И с машинкой действительно прыгал.

Работал я в штабе, одновременно меня оставили при оружии. Вызывали в штаб только тогда, когда нужно было что-то напечатать или написать какую-нибудь директиву и так далее. А вообще, я жил по-прежнему в землянке. Военная учеба продолжалась. Мы должны были быть и наборщиками и подносчиками снарядов. Я был подносчиком снарядов. Знал, как вести набор, всякие пирамидки, все это я изучал.

В один прекрасный день пришел наш командир полка, говорит: «Ну, ребята, настало ваше время, вас отправляют на фронт». Действительно нас очень быстро погрузили, и мы приехали в Белоруссии, в Марьяну Горку, так называлась эта деревня, где недавно прошли очень серьезные бои. Когда мы туда приехали, увидели совершенно страшное зрелище. Там стояли наши изуродованные танки, перевернутые. Немцы уничтожили там целую нашу танковую группу, и в этих танках еще сидели мертвые танкисты. Мы туда вошли буквально через неделю после того, как наши прогнали оттуда немцев, но картина последствий боя была вся на месте. Там была речка, по которой плыли трупы. Для нас, молодых, это было очень страшным зрелищем.

Когда вашу дивизию перебросили в зону боёв?

Мы пробывали в Марьяной Горке недолго. В начале февраля 1945 года, нас погрузили в эшелон и отправили под Будапешт. В это время под Будапештом были очень сильные бои. Это юго-западнее Будапешта на озере Балатон, где наши войска потерпели довольно крупное поражение от немцев. Там были очень сильные танковые бои. Наши две дивизии, располагавшиеся под Киржачом, были так называемым резервом Сталина. Их долго не выпускали на фронт, и это было, честно говоря, на мое счастье, иначе вряд ли я вернулся бы обратно. Вот так получилось, то я попал на фронт только в 1945 году, когда дивизию отправили на помощь нашим войскам, которые воевали на Балатоне.

Наш 345-й стрелковый полк вместе с полковой артиллерией расположился в небольшом городишке Сальнок, недалеко от Будапешта. В это время я уже служил в штабе полка: чертил карты, составлял всякие диспозиции и прочее, то есть занимался штабной работой. Мы там стояли около месяца. Венгрия была союзницей Германии, и, надо сказать, жители относились к нам довольно плохо. Ходили разговоры, что они убивали наших бойцов. Но в этом городишке обстановка была довольно мирная. Я помню, что там вечерами собирались девушки на танцы, и мы туда ходили, танцевали. Интересная была картина, матери сидели сбоку и внимательно следили за своими дочерьми, которые в таких шикарных, белых юбочках танцевали.

Из Сальнока нас перебросили к озерам примерно в двенадцати километрах от Будапешта. На этих озерах шли очень мощные бои. По пути мы расположились на обед в небольшой рожице (работала походная кухня). И тут вдруг раздался какой-то страшный гром, он всё

нарастал. Все бросились врассыпную, я нашел какой-то маленький окопчик, туда спрятался. Над нами что-то гремело и сверкало, кругом начали взрываться снаряды, было очень страшно. Потом полетели самолеты. Разрыва все время и так далее. Ни я, ни все другие наши бойцы, впервые попавшие в такую обстановку, не сообразили, что это была наша артподготовка. Очень трудно было понять, кто и откуда стреляет и где разрываются снаряды: над нами или за нами. Потом все стихло. Я когда вылез из этого окопчика, вижу, что артиллеристы уже начали готовить пушки. Я побежал в свой штаб. И мы пешим порядком вслед за артподготовкой двинулись за линию фронта. Наши орудия вышли немножко вперед. Штаб разместился в каком-то лесочке. Так прошел наш первый бой.

Надо сказать, что к тому времени мощь нашей артиллерии была огромной, орудия стояли почти вплотную друг к другу, да еще «катюши». Они совершали очень мощные артиллерийские налеты. Немцы очень быстро оставили эти озера. И отошли дальше, к Будапешту. Нас быстро построили в колонны. Пушки были тогда на конной тяге, так как мы много набрали местных лошадей. Меня посадили помню на орудие. И мы пошли в направлении к Будапешту. Вот так начались бои за освобождение юго-западной части Будапешта. Город мы обходили. Здесь я в боях не участвовал, хотя время от времени происходили стычки. Но, к сожалению, вскоре запас снарядов к нашим орудиям кончился. И никакие другие снаряды к нашим пушечкам не подходили. И никто об этом даже не подумал. Ну, бросить их, естественно, мы не могли, мы их таскали за собой. Пока какой-то умелец не обнаружил, что немецкие снаряды подходят к ним. Тогда нас послали собирать снаряды, и я в этом участвовал. Мы ходили по освобожденным полям, искали снарядные склады, и искали эти снаряды. И действительно, какое-то количество снарядов мы собрали.

Будапешт уже был в основном освобождён. Правая низменная сторона города, Пешт, была освобождена. А в Буде еще шли бои. Но в этой нижней части, в Пеште, только что закончились бои. Кстати сказать, в одном фильме я это видел. Там десантные самолеты снабжали немцев продовольствием и орудиями. Он были уже окружены. Подбитый самолёт вонзился в верхний этаж какого-то здания и из руин торчал его хвост.

После освобождения Будапешта мы походным порядком двинулись дальше в направлении на Вену. Причем это мы шли по одну сторону Дуная, а немцы шли по другую сторону реки. Мы шли как бы параллельно с ними все время. Они отступали к Вене, и мы их вроде бы преследовали по другому берегу. Время от времени наши батареи открывали огонь по немцам. Но наша задача была иная: мы вышли к городу Секешфехервару, который был занят немцами. И там впервые я вступил в настоящие бои. Надо честно сказать, что я не был в эти дни на передовой, потому что был прикомандирован к штабу и там составлял планы, составлял карты. Мы чертили карты того участка, где находились. Намечали цели, показывали линии наступления, рубежи обороны.

Выбив немцев из Секешфехервара, полк вошёл в город. Здесь я увидел много валявшихся трупов, страшное зрелище. Позиции полк занял на дальней окраине, там подразделения рыли окопы и артиллерийские огневые позиции. Штаб наш недалеко расположился.

Вскоре входит начальник штаба и говорит: «Ну, ребята, настало время и вам непосредственно принять участие в боевых действиях. Немцы прорвали наши позиции. Сейчас наш полк ведет бои, но они отступают, и наш штаб находится в непосредственной опасности, поэтому вы выходите на позиции, здесь есть небольшие окопчики. И помните, что у нас здесь знамя полка, которое мы должны всеми силами отстаивать, ни в коем случае не сдать его врагу».

Нас вывели на позицию, мы залегли в окопах. И через наши окопы пошли отступающие наши ребята. Здесь наш комиссар и командир полка начали останавливать бегущих солдат, и они тоже залегли вместе с нами. А наступали не немцы. Это была власовская часть, которая прекрасно понимала, что пощады ей не будет никакой. Власовцев в плен не брали. Начался

бой. Сзади подоспела наша артиллерийская часть, началась стрельба через наши головы. Мы как-то отстояли. Здесь было страшновато. Первый бой, пули летели. Власовцы все были одеты в немецкую форму.

Почему вы решили, что это власовцы?

Нас предупредили, что это власовские части. Так или иначе мы отстояли город. Подошли наши свежие части, и власовцы бежали. Их много здесь расстреляли. За эти бои меня представили к ордену «Красной звезды». Но «Красную звезду» я почему-то не получил, наверное потому, что работал в штабе, считался штабным работником. Я получил медаль «За отвагу» за эти бои.

Потом мы прошли через город Секешфехервар и маршем пошли дальше вдоль берега Дуная на Вену. Причем был очень мощный марш-бросок. До этого мы шли пешком, потом нас посадили на что только возможно. Я ехал либо по-прежнему на лафете, либо на грузовике. Километров по пятьдесят – шестьдесят был марш. Потом остановка в каком-то городе и дальше. Видимо, задача была в том, чтобы клещами Вену охватить. Здесь были отдельные бои, скорее с венгерскими частями, которые оставались в каких-то городках, а так мы не встречали особого сопротивления. По обе стороны шоссе, по которой мы шли, стояли вплотную одна к другой разбитые немецкие автомобили, танки, бронетранспортеры. Эту мощную технику расколотили наши авиация и артиллерия. Я был уверен, что среди автомобилей были исправные. Говорю, давайте, я вытаску машину, я могу водить. Но вытаскать ее было практически невозможно. Я пытался, но ничего у меня не вышло.

Вскоре навстречу нам пошли потоком наши пленные, освобожденные из концлагерей. Еще в полосатой форме. И те узники, которые работали на будапештских заводах на немцев. Они возвращались обратно домой. Это был тоже целый поток людей, которые шли пешком. Рядом по шоссе шла наша техника. Такого количества техники я никогда еще не видел. Это были «катюши», мощнейшая, крупная артиллерия. Она шла весь день и всю ночь. Когда мы останавливались на ночлег, мимо нас грохотала и шла эта техника.

В конце апреля – начале мая мы вышли ближе к Вене, через Дунай мы не переходили. Там был дальше мост. И около этого моста начались отдельные боевые действия.

Помню, что меня послали с каким-то донесением в штаб дивизии, располагавшийся в городке Веспрем. Я отправился туда, у меня был маршрут по карте, знал, куда мне идти. Шел по какому-то полю, скоро должен был появиться Веспрем. Иду себе спокойно. И тут вдруг слышу – жужжит самолет. Немецких самолетов было в то время мало, но этот небольшой самолетик, типа нашего У-2, с немецкими крестами на крыльях неожиданно нависает надо мной, и из него что-то летит, он бросает маленькие бомбочки, которые рвутся рядом со мной. Он летел так низко, что я даже летчика вижу. Я там один, никого больше нет. Летит надо мной и опять бросает бомбочку. Я, как заяц, бросился бежать, причем бежать некуда – поле. Но там дорога, смотрю вдоль дороги, на обочине дороги, в канаве труба. Такие широкие большие трубы, вернее обрезок трубы. Я в эту трубу забрался. И это было моим спасением, потому что он полетал, полетал и отправился обратно. Это был случай, когда за мной гонялся немец. Долго пролежал в этой трубе, потом вылез, смотрю – небо чистое, пошел дальше. Доставил донесение.

С небольшими боями мы вышли к Вене. На окраинах Вены мы соединились с другими нашими частями, Вена была освобождена. Я получил медаль «За освобождение Вены».

Знаю любопытную историю, связанную с освобождением Вены. Там действовала группа наших разведчиков и австрийских патриотов. Их фамилии известны. Они разминировали мосты в Вене, когда немцы отходили из города, так что отступающим взорвать мосты не удалось. И наша армия быстро вошла по этим мостам. Благодаря этим венгерским патриотам и наши разведчикам Вена была, по сути, спасена. Вена практически не пострадала, и все ее прелестные дворцы, все ее памятники, все ее знаменитые кирхи и так далее – все это уце-

лело. По взаимной договорённости ни американцы, ни наши Вены не бомбили. Но вскоре мы вышли из Вены и вошли в город Винернейштатт, рядом с которым был немецкий аэродром. Мы вошли в город вскоре после того, как его разбомбили американские «летающие крепости». Это было что-то страшное. Город горел. Узкая улица Винернейштатта – сплошной пожар. Огненная полоса с левой стороны улицы, огненная полоса с правой стороны улицы. Мы идем посередине среди сполохов огня. Держимся буквально гуськом, потому что жар страшный идет от домов. Это был сплошь выжженный город. Тогда я первый раз понял, что такое бомбежка американскими «летающими крепостями». От этого города действительно ничего не осталось. Он выгорел насквозь. Потом я узнал, что большинство мирных жителей Винернейштатта было эвакуировано, они ушли в Вену.

Мы вышли на окраины Вены и прошли по городу. Надо сказать, что там во всех домах из окон были выброшены белые простыни, белые флаги. Все дома были в белых простынях. Мы прошли мимо знаменитого Венского дворца, в 19-м квартале. Мы остановились около одного из жилых домов. Там нас разместили, и там мы жили недели две, не меньше. Надо сказать, что жители Вены очень боялись наступления Красной армии. Потому что немцы вели пропаганду. Кругом были листовки, что всех уничтожат, всех расстреляют, никого в живых не оставят. Поэтому большинство венцев из Вены ушло вместе с немецкими войсками, осталось не так уж много. Поскольку я довольно прилично знал немецкий язык, мне часто приходилось переводить, когда в штаб доставляли «языка». Я был единственным, кто вообще-то знал немецкий язык.

Остановившись в большом шестизэтажном доме, мы проходили по всем комнатам. Было всякое. И стреляли в нас из подвалов, еще какие-то немцы оставались. Все это было небезопасно.

Расскажу один эпизод. Я вошел в одну из комнат. Там сидит семья австрийцев. Старик, пожилая женщина, девушка. Мужчин вообще не было. И посередине комнаты стоит гроб, кое-как сколоченный, и в гробу лежит мужчина. Когда я вошел в эту комнату, они все бросились ко мне, и начали что-то быстро лепетать. Я им сказал, давайте, спокойнее, говорите помедленнее. Я говорю по-немецки, но не так хорошо вас понимаю. Тем более, австрийский акцент. Расскажите, что с вами случилось, и дайте мне сначала возможность, осмотреть все ваши комнаты. Я прошел по комнатам, посмотрел, там никого не было. Тут они начали рассказывать. Когда немцы уходили из Вены, когда здесь были небольшие уличные бои, недалеко от дома был убит муж этой девушки. И, когда немцы ушли из города, а наши еще не успели войти, она нашла его труп и перенесла домой. Он гражданский, не воевал, но, кто его знает. Теперь они сидят плачут, не знают, где его похоронить, не могут его вынести, не могут ходить по городу, все занято вашими войсками. Труп лежит уже неделю, уже начался запах. Что им делать? Я говорю, успокойтесь. Пришлю солдат, чтобы вынесли хотя бы куда-то за дом. А там вы уже решайте. Попробуйте захоронить на пустыре за домом. Тут они ко мне все кинулись, чуть ли не на колени встали, стали меня благодарить. Я говорю, да бросьте вы. Я попросил ребят, они вытащили гроб на пустырь.

Тут я немножко отвлекусь и расскажу вот что. Поскольку мы все время шли по венгерским деревням, очень много последнее время ходит разговоров о том, что были люди, которые насиловали женщин и немецких, и венгерских. Что грабили вовсю. Что были мародеры и прочее. Надо вам сказать, конечно, такие явления в принципе были. Но за это карали очень жестоко. Расстреливали на месте. Я сам был свидетелем таких случаев. Были, конечно, жестокие ребята, особенно те, у которых погибли родственники или были сожжены деревни. Они действовали жестоко, бесчинствовали. Желание отомстить, оно, конечно, было. И сказать, что не было таких случаев, я не могу, такие случаи были. Но наказывалось это очень жестоко.

А теперь расскажу о том, что было повсеместно. Выбивают немцев из какого – то села наши передовые части, располагают их в этом селе по домам. Людей, как правило, никого нет,

все убежали, дома пустые. Солдаты брали кое-что. Как правило, это часы. Кроме того, наша армия была вся в обмотках и в ботинках. Все быстро переоделись в сапоги. Но каких-то ценных вещей особенно не брали. Это не возбранялось. Тем более что армия действительно там одевалась. Я не говорю о том, что продовольствие было полностью немецким. У них были подвалы, забитые колбасами, вином, консервами. Все что угодно было. Но в рюкзаке, да еще марш по пятьдесят – шестьдесят километров – с полным вооружением трофеев много не унесешь. А когда мы уже вторым эшелоном приходили, ничего мы такого не брали, да уже нечего там было брать. Зашел я в один дом. Такой старинный замок. Всякое барахло выбрасывали из шкафов, искали, может быть, там есть что-нибудь ценное. Все завалено материей, бельем, одеждой на полметра от пола все завалено. В подвале были старинные вина. Мы же не останавливались, как правило, мы шли маршем. На ходу забегаем в этот подвал, чтобы взять какое-то продовольствие. Ребята быстро в рюкзак эти бутылки с вином. Я был непьющим и некурящим и ничего меня не интересовало. Смотрю, в этом подвале лежит повидло, они были в кубах, завернутых бумагой. Я этот куб на плечо подхватил и побежал догонять свою телегу, на которой я ехал. Было жарко, и весь этот куб потек.

Когда мы едем по этой дороге, время от времени стояли заградотряды, эти отряды, когда проверяли все машины и все, что было награблено, все это выбрасывалось на обочину. И только после этого машина пропусклась. Никого не задерживали. Главным образом это были машины с офицерами. У них были машины, было на чем везти. Я видел какой-то полковник вез, все у него выкинули. Ему ничего не сделали, езжай дальше. Но такие заградотряды я видел собственными глазами. Поэтому разговоры о том, что было такое повсеместное явление, что наши войска так себя вели, это полная ерунда и чепуха. Все это пресекалось. Тем более, это было в 1945 году, тогда уже специально по этому поводу были листовки, которые раздавались и висели на домах, где строго это дело воспрещалось.

Что еще? Наша почта шла вслед за наступающими войсками, и мы могли отправить родным небольшие посылочки. Одежку, продовольствие, но немного. Я думаю, мне что-то надо послать своим, какие-то вещички, рубашку, ерунду какую-то. Собрал посылку. Ее надо было как-то упаковать. Я забежал в один дом, там остались венгры и был один итальянец. Венгры говорили по-немецки. Я попросил их зашить мою посылку в рубашку. Пока они выполняли мою просьбу, я поговорил с итальянцем, который тоже говорил по-немецки. Он был антифашистом, был в итальянском концлагере и сейчас он возвращался домой. И потом, когда мы уже выходили из этого городка, смотрю, идет целая колонна наших и за ней идет Владик, вот на фотографии он рядом со мной парень, он был очень крутой парень. Так вот, Владик тащит моего итальянца. Тащит его расстреливать, насколько я понял. Я подошел к нему и говорю: «Ты что делаешь? Он антифашист». Владик говорит: «Они такие-сякие итальяшки их всех надо расстрелять». Тот бледный, лицо белое. Я говорю Владике: «Ты брось, я точно знаю, что это свой человек». Мой друг очень недовольный, неохотно его отпустил. Надо сказать, что я очень рисковал. Дело в том, что, во-первых, я со своей фамилией немецкой тоже рисковал. Владик мог запросто и меня застрелить, ему ничего не стоило. Кругом мертвых трупов валялось полным полно. Хорошо, что мы были с ним в дружеских отношениях, он отстал от этого итальянца. Я считаю, что я здесь спас человека. Может быть, он потом за меня молился.

В Вене мы слышали, что идут большие бои под Прагой, в Чехословакии. Одновременно из Берлина туда направили Четвертую танковую армию. Мы шли параллельно с танкистами. Раньше мы шли в основном в пешем строю. А теперь нас посадили на что возможно. Кого на велосипеды, много тогда забрали велосипедов. Кто на телегах, кто на лошадях верхом, кто на броне бронетранспортеров и танков. Был приказ, как можно скорее ворваться в Прагу. В Праге началось восстание. Я сам слышал, как по радио они призывали на помощь. Действовали подпольные радиостанции. И они призывали на помощь наши части. Вторым украинским командовал Малиновский, который потом стал министром обороны. А нашим Третьим украинским

командовал Федор Иванович Толбухин. Он умер раньше всех командующих. (Теперь наша дивизия уже называлась Гвардейская Венская. 12-я Гвардейская венская воздушно-десантная дивизия).

Но мы не дошли до Праги. Мы дошли до города Брно. И участвовали в боях за город Брно. Я там тоже принимал непосредственное участие. Там был дважды награжден медалями «За боевые заслуги». Бои были не очень сложные. Немцев мы очень быстро выбили из города. И остановились. Потом нас вывели на австро-чешскую границу. Так что Прагу освободили уже без нас танковые части. Это было уже 9 мая. Этой ночью вдруг началась какая-то стрельба, все начали стрелять. Я выскочил из палатки и увидел, что все небо осветилось ракетами, стреляли кто из чего мог, из орудий, из автоматов. Что такое? Объявили, что окончилась война. Это было такое ликование, такая радость, что мы живы. Буквально на следующий день нас всех выстроили. И срочно направили опять на Прагу. Дело в том, что там одна немецкая дивизия из группы армии Шернера продолжала воевать, несмотря на то, что им был дан приказ сложить оружие. И нас, поскольку мы были ближе всех к этой группе, нас направили срочно туда. Я, помню, ехал, сидя на облучке. Наша колонна туда очень быстро ехала. И вдруг началась страшная орудийная стрельба. Буквально в километре впереди нас эти немцы засели с правой и с левой стороны дороги и начали из орудий и стрелкового оружия всю эту, достаточно беззащитную колонну, поливать из оружия. Там погибло очень много и моих друзей. Потому что мы как раз попали в эту засаду. Мы рассыпались все в стороны. Стали заходить по обе стороны этих группировок. Это произошло уже после окончания войны. Нас выстроили, подобрали раненых, кое-как привели в порядок, и мы вошли в Прагу.

Прага встретила нас весной и безудержным ликованием. Там только что прошло восстание. Ничего подобного я, конечно, в Венгрии не видел. По обочине дорог стояли одетые во все лучшее пражане с цветами. Они бросались к танкам, к повозкам, они забрасывали нас цветами. Они кричали: «Вы наши освободители! Наши родные!»

После Праги нас посадили в поезд и оправили обратно в Будапешт. Расположили нас под Будапештом, в городке Гидер. Небольшой городок, мы жили в палаточках [показывает фотографии]. Я сам фотографировал. Там я был до демобилизации. Потом, в июле или в августе меня демобилизовали как студента второго курса института. А те ребята, которые там остались, еще жили там какое-то время, а потом воевали против японцев. Всю эту воздушно-десантную армию отправили на Дальний Восток. Они потом мне оттуда письма слали.

В течение месяца мы, демобилизованные, ехали через всю разрушенную нашу страну, до Москвы. В Москве я снова поступил в полиграфический институт, на редакционно-издательское отделение. Окончил этот институт в 1949 году. В 1947 женился. Жена умерла два года назад. Затем работал в «Большой советской энциклопедии» младшим редактором. Потом я пять лет работал ученым секретарем отделения исторических наук Академии наук СССР. Потом был главным редактором издательства «Восточной литературы» Академии наук. И последнее мое место работы – заведующей книжной редакции издательства «Правда». Мы выпускали тогда уйму литературы, миллионными тиражами, фактически я ведал всех этой редакционной работой. Оттуда ушел на пенсию. Потом уже служил в разных издательствах. Сейчас в основном занимаюсь редактированием и переводами.

А история с фотографиями палаточного городка была такая. Мы уже после войны с женой приехали в Будапешт. Я сказал жене, давай мы съездим в Гидер, это недалеко. Приехали мы в этот городишко. Конечно, того места, где стояли палатки, я не нашел. Но нашел дворец, в который ездил император Франц Иосиф, сейчас там какой-то дом приемов. Я говорю жене, этот дворец мы видели тогда, когда были в палатках. Посмотрели, посмотрели, ничего не нашли, пошли. Навстречу нам идет какой-то пожилой венгр с женой. Мы стали его спрашивать, как пройти к железной дороге. Он услышал, что мы говорим по-русски. Он говорит, что знает русский, спросил откуда мы. И тут я ему рассказал всю эту историю. Он говорит, как интересно. Я

член муниципалитета города Гидера, это очень интересно по истории нашего города. Вы нам все это расскажите, пришлите фотографии. Я дал свой адрес. Очень любезно мы с ним расстались. Я действительно все ему послал. Через некоторое время в Москве я получаю газету, где он рассказывает всю эту историю, увеличил фотографию и мне прислал ее обратно.

Это все, что я могу вам рассказать о себе и о войне.

Как воспринималось летнее отступление 1941 года?

Это был какой-то ужас. Мы не верили, что немцы дойдут до Москвы. В это мало, кто верил. Начали верить только 16 октября, когда вся Москва побежала. Нас учили и в школе, и фильмы мы смотрели, что враг никогда не будет на нашей территории. Уверенность в это всеялась и нашей пропагандой, и литературой, и газетами и так далее. Мы не ожидали, конечно, что Гитлер на нас нападет, именно в июне 1941 года. Потому что был этот договор. Но, несмотря на договор, была уверенность, что воевать мы будем именно с фашистами, с немцами. Как раз пропаганда против фашизма велась до лета 1939 года очень большая всеми нашими средствами массовой информации. Мы зачитывались Фейтвангером с его романами «Еврей Зус», «Семья Оппенгейм». Мы смотрели фильм по этому роману. Мы к войне готовились, знали, что в принципе она возможна, но, конечно, все просто пришли в ужас, когда немцы начали такое наступление. Мы сдавали один город за другим. Все прислушивались к сводкам, и каждый раз один город за другим мы сдавали. Но паники не было. Был какой-то патриотический, сильный порыв. Все действительно сами шли в военкоматы. Те люди, которых не призвали в армию. Очень многие люди имели бронь, но это считалось не очень приличным. Тех, которые работали на военных заводах, еще понимали. А вот к артистам было похуже отношение. Многие из них тоже уходили на фронт. В это время я был в деревне. Мы со страхом всё это воспринимали. Уже начали готовиться к тому, что войска войдут в Пензенскую область. Начали там формировать ополчение. Уже практически никого из мужчин не было. Кое-какие калекки остались. Я тоже записался. Говорили, что нам будут выдавать оружие. Воспринимали это так, что надо защищаться, как угодно, чем угодно. Наступила битва под Москвой. Все вздохнули. Уверенность была в том, что немцы нас не смогут завоевать. Это была твердая уверенность. И этим мы жили. В этом мы были уверены. Была вера в Сталина.

Действительно все шли в бой за Сталина, кричали за Сталина. Комиссары были и так далее. Когда я воевал, никаких заградотрядов не было. О штрафных батальонах мы понятия не имели, что такие существуют. О власовской армии нам рассказывали, поскольку мы имели с ней дело. И мы их ненавидели всеми силами души, считали предателем каждого, кто переходил на сторону врага. Отношение к военнопленным в нашей армейской среде было нормальным, потому что мы сами понимали, что можем в любое время попасть в такое положение, мы знали, что люди попадали в окружение и так далее. Мы знали, что был приказ Сталина «Ни шагу назад», 227-й приказ. Но мы не восприняли его как приказ, который ведет к гибели массы людей. Мы понимали его так, что действительно надо что-то делать, особенно под Сталинградом. Конечно, победа под Сталинградом была воспринята нами как великое торжество. Сталинградская битва она была, конечно, воспринята как план Сталина и Жукова. Жукова все обожали. Считали, что это тот человек, который нас спас. Вы могли спросить любого бойца, он бы вам сказал, что Жуков – это да! Хотя говорили, что он жестокий человек и так далее, и так далее. Мне здесь пришлось редактировать книжку о Жукове, уже современного характера, в которой Жуков изображался таким вот, что он из Германии притащил массу трофеев и так далее, и тому подобное. Я отказался. Я им сказал, что изображать так Жукова я не буду. Не знаю, вышла эта книга или нет. Так что отношение было такое к этим двум личностям. Для меня лично Сталин расстрелял отца. И в то же время я не мог его воспринимать сугубо отрицательно. Разговоры были такие, что Сталин ничего не знал, что это действовало его окружение. Мы не знали, конечно, всей правды. И поэтому эта фигура была для нас значительная. И сейчас

я не скажу, что я бы его воспринимал так, как особенно в начале перестройки его начали показывать. Да, он, конечно, погубил массу людей, отправил их в лагеря и прочее. Но в то же время страна была сплочена в единое целое, если бы у нас был такой разнобой, то шатание, которые у нас идут сейчас, и такое разнообразие взглядов и так далее, то, конечно, победить немцев мы бы не смогли. А эта фигура, она хоть и диктаторская, но она держала страну. Заставляла ее, настраивала ее на такой патриотизм и так далее. Еще приведу один пример. Я когда-то отдыхал в доме отдыха Союза журналистов, и там я познакомился с одним немцем, который воевал под Сталинградом, его звали Рольф Биркехт. Мы с ним одного возраста. Когда его взяли в плен, он проникся огромным уважением к русским, потому что его спасли наши медицинские сестры. Они отдавали последний кусок хлеба пленным. Он мне это рассказывал. Хотя был страшный голод, тиф и тому подобное. Потом он попал в Красногорск. Он был офицером. В 1943 году вступил в Комитет национального спасения. Он самостоятельно выучил русский язык. Через какое-то время вернулся обратно в Германию. В Германии он стал занимать довольно большие посты, при Хоннекере он был директором издательской фирмы, которая занималась публикацией всей политической литературы ГДР. Мы потом часто бывали у него, в Германии. Он до сих пор жив. Он по-прежнему патриот ГДР, по-прежнему член партии. Он много рассказывал о Сталинграде, о русских, о том, как он жил. Мы с ним поддерживаем хорошие отношения.

Когда вас взяли в училище, у вас какой был ПТР, однозарядный или пятизарядный?

Однозарядный, но с разными патронами. Были патроны бронебойные и зажигательные. Мы стреляли по макетам танков. На фронте мне не пришлось стрелять из ПТР. Его недостаток с моей точки зрения был один – очень сильная отдача. Синяки были на плечах. Но фронтовой опыт показывает, что они сыграли большую роль при уничтожении танков. И в воздушно-десантных войсках они применялись. Кстати сказать, сбрасывание танков, танкеток, орудий себя не оправдал. Частично они разбивались, а очень часто их не находили. Вскоре от этого отказались. Собственно говоря, все эти воздушно-десантные дивизии потом преобразовали в пехотные, оставив за ними право называться Гвардейскими воздушно-десантными.

Как кормили в училище?

Очень плохо, был страшный город. Под Курганом были такие лагеря, где есть было нечего. Давали нам форму 6-й категории, мы ходили в жутком рванье. Поэтому все стремились как можно скорее на фронт. После окончания учебы меня оставили там секретарем комсомольской организации и инструктором обучения вновь поступающего пополнения. Но я почти год всеми силами умолял, чтобы меня отправили на фронт, куда угодно, только бы не оставили там.

Сначала я завербовался в стрелково-снайперское училище, но я там пробыл буквально три недели, потому что у меня плохое зрение. Оттуда я попал на распределительный пункт и далее – в воздушно-десантные войска. Там кормили уже как следует.

Это были элитные войска. Правда, когда мы были в Марьяной Горке, там было голодно-вато.

А сто грамм давали?

На фронте, да. На фронте мы официально получали сто грамм фронтовых. Правда, во время наступлений подвоз был неважный. Очень быстро шла армия, и полевые кухни не успевали. Но мы полностью перешли на подножный немецкий корм. Мы там питались хорошо, заодно и обмундирование поправили. Я даже достал себе даже сапоги, правда, парусиновые. Я их выкрасил черной ваксой, в них я приехал в Москву и в них я ходил в институт.

У вас в части были женщины?

Да. У нас были санитарки, а кроме того, была отдельная ремонтная военно-техническая часть. Я, в основном, сталкивался с женщинами, которые обслуживали технику.

Я бы сказал, что женщины в армии в основном сожительствовали с офицерским составом. Мы, рядовые, это прекрасно знали. Поэтому надо сказать, что у нас к женщинам в армии, относились очень отрицательно. И вот, когда идет воинская часть куда-то и навстречу шагает подразделение женщин, то дикий свист раздается. Такое отношение, к сожалению, было. Во всяком случае, я такое видел. Может быть, в других частях было не так.

А как относились после войны?

Положение изменилось, тем более что было очень много действительно героических женщин. Моя жена преподавала в полиграфической институте, с ней вместе преподавала женщина, которая во время войны служила в знаменитом героическом женском авиаполку.

Вы считаете, что женщина в армии нужна?

Наверное, санитарки должны были быть. Еще были части, которые занимались стиркой белья. Но армия есть армия. Эти знаменитые ППЖ, полковые жены, к ним отношение у рядового состава было резко отрицательным.

Может быть, в силу того, что вам не доставалось?

Во-первых, конечно, из-за того, что нам не доставалось. Но было еще одно обстоятельство. У всех были жены, дети, и когда мы узнавали, что у них здесь еще пара баб, наше отношение к покинутым женам было очень трепетное. И каждый думал: может быть, моя тоже завела кого-то. Среди ребят такие разговоры шли очень широко.

Письма домой писали?

Конечно. Письма домой писали и ждали писем. В таких треугольничках, со штампом военной цензуры, поэтому писать, где мы, было нельзя. Мои получали письма, и что-то там было вымарано черными чернилами. Мы все время ждали почту, потому что письмо из дома это была большая радость. Посылки мы посылали.

Что писали с фронта?

Писали в основном о боях, о том, что мы делаем, что мы видим. Я впервые попал за границу. Рассказывал о Венгрии, о Будапеште, о городе Сальнове в котором мы довольно долго жили, очень интересно там было. Делился своими воспоминаниями о встречах, о ребятах, с которыми познакомился. И больше это были просьбы. У меня было довольно сложное положение, при котором у меня был старый студенческий билет. Был приказ о демобилизации из армии, в этом приказе было сказано, что демобилизуются в первую очередь студенты, поэтому мне нужен был какой-то документ, что я студент. Потому что кроме студенческого билета у меня ничего не было. Я все время писал сестре, чтобы она мне как можно скорее выслала этот документ, и с нетерпением ждал писем, в которых она мне сообщила бы об отправке этого документа. И, конечно, интересовался в моих письмах, как они там живут.

В минуты отдыха на войне что делали?

Во-первых, были случаи, в основном в Будапеште, когда к нам приезжали бригады артистов. Это был, конечно, большой праздник. Обычно сценой был грузовик с откинутыми бортами. Знаменитых артистов мы там не видели, выступали отдельные певицы, певцы. Потом стали привозить кинофильмы. Там я посмотрел «Два бойца». А «В шесть часов вечера после войны» смотрел уже в Москве. Конечно, читали друг друга письма из дома. В то время, когда

мы уже были за границей, там появилось очень много аккордеонов. Тогда были очень модны аккордеоны. У нас были ребята, которые умели играть. Собираемся, на аккордеоне играют, поем наши песни. Песен было много хороших, и фронтовых и других.

Рассказываем друг другу о том, как мы жили дома, что у нас было. О своих женах, детях. Показывали друг другу фотографии. Доставали самогон в деревнях, конечно. И это было. Приезжала полевая кухня, все бежали с котелками к полевой кухне, садились в кружочек.

Так старались проводить время. В основном много пели песен. Гармошки у некоторых были, с собой возили.

Я много рассказывал, потому что я до войны много читал. Я пересказывал «Войну и мир», рассказывал о наших знаменитых полководцах Ушакове, Суворове. Поэтому в армии меня любили, ребята ко мне хорошо относились, хотя я не курил. Обычно менял табак на сахар. Так и не научился курить.

Было очень модно меняться сувенирами. Вот у меня часы, давай махнем, не глядя. Ты не знаешь, какие у меня часы, я не знаю, какие у тебя. Глаза закрой, одни часы в одну руку, другие в другую. Тебе дадут какую-то штамповку, а ты можешь отдать хорошие, швейцарские. Были какие-то медальончики, еще что-то такое. Но я не помню, чтобы их называли сувенирами.

Вам пришлось присутствовать при расстреле?

Да. Случайно я это увидел. Был поздний вечер, уже стемнело. Я вышел из домика и увидел, что невдалеке собирается какая-то группа людей с автоматами, выстроились в одну линию, и какой-то человек там. Со мной рядом был знакомый парень не из нашей части, я ему говорю, что это такое, кого это. Тут раздались выстрелы, тот человек упал. Мой знакомый говорит, у них в части говорили, что тот человек насиловал венгерских женщин, причем не одну. Они пожаловались в комендатуру и его нашли. И вот сегодня вечером должны были его расстрелять. И мы с тобой случайно это увидели.

Как Вы считаете, выискивали ли таких специально или расстреливали зарвавшихся?

Я думаю, что зарвавшихся, специально не выясняли. Надо сказать, что сами эти женщины, особенно это было в Венгрии и частично в Австрии, очень охотно шли на такие сближения. Совершенно добровольно. Более того, когда мы были в палаточном лагере Гедере, мой капитан, татарин и еще группа офицеров ездили в Будапешт, к каким-то своим знакомым женщинам, я их сопровождал. Мы садились на лошадей. Приходили в какой-то дом. Меня клали спать поблизости, а сами они с этими дамами забавлялись, причем дамы эти были очень и очень довольны.

Это были офицеры?

Да. Вот такие типы вроде того Владика. Как он мне объяснял всегда, говорил, я мщу за своих. У него погибла семья в Белоруссии. Он многих насиловал. А если заподозрит, что это переодетый немец, то расстреливал. Он покалечил много людей. Мы о нем не докладывали. Особо ничего дикого в этом мы не видели. Потому что почти у каждого бойца были убитые. У кого отец, у кого мать, у кого дом сожгли, полстраны было занято. Немцы очень зверствовали на нашей территории. Я сам видел, когда мы ехали обратно, эти выжженные села, где торчат одни трубы.

Война снилась после возвращения?

Да. Довольно часто. Мне долгое время снилось, что меня опять взяли в армию, я опять там служу и в институте не учусь. На войне самое страшное – это то, что тебя убьют. Конечно, я испытал настоящий страх, когда за мной гнался тот самолет. Но еще страшнее и жутко, что вот

мы с приятелем сегодня едим кашу, вместе поем, а завтра он убит. Когда мы воевали с власовцами под Балатоном, таких случаев было много. Тогда, когда было наступление, особенно в частях, с ребятами, с которыми я был при орудиях, в артиллеристских полках, я их многих знал хорошо лично, а вскоре видел их уже погибшими. Психологически это действует ужасно. Я считаю, что во время войны это было тяжелее всего. Сегодня он жив, с тобой разговаривает, рассказывает о своей семье, я о нем все знаю, и вот его уже нет. Нет человека, и все.

В вашей части взаимоотношения между офицерами и рядовым составом какие были?

Хорошие отношения. Понимаете в чем дело, я много разного слышал, но в нашей части отношения были хорошие. Никаких у нас эксцессов не было. Но были ребята, с которыми я общался, из других частей, которые перед тем, как их направить на фронт, служили, как и я, в учебных пунктах, или просто их готовили к этому. Были такие, особенно старшины и младший комсостав, например, ко мне отношение сначала было очень плохое, потому что они терпеть не могли москвичей. Да еще образованных. Для них это были самые последние люди. Вот он выстроит свой взвод и начинает его гонять. Запевай. Гоняет, гоняет, гоняет, уже невозможно. Есть хочется, уже темно. А он продолжает: «Запевай!» А мы молчим. Никто не поет. Он опять: «Запевай! Бегом, ложись», и так далее. До тех пор пока не споешь, ужина не видать. Таких людей было много в армии. Таких, которые измывались над бойцами, и перед тем, как отправиться на фронт, я слышал разговоры о том, что вот там-то, когда он нам попадет, мы его там прикончим. Потому что там никто не разберет. И когда мы попали действительно на фронт, весь этот старшинско-офицерский состав был тише воды, ниже травы. Никаких различий между солдатами, сержантским составом и офицерским составом, по сути дела, не было. То есть они старались не выделяться среди общей массы, потому что все понимали, что там это не пройдет.

Каким был уровень образования наших офицеров, по крайней мере до командира полка, как Вы его оцениваете?

Это, как правило, офицерские курсы. Их учили полгода не больше. Это, как правило, восемь – десять классов образования. Но было очень много офицеров, звания которым повышали практически после каждого боя. Больше всего погибало командиров взводов, потому что они шли, как правило, в атаку первыми. Бросались на штурм дотов, огневых точек и погибали. И сразу же после этого старшине или старшему сержанту быстро присваивали звание младшего лейтенанта, и он становился командиром взвода. У этих, конечно, образование было достаточно низкое, но у них был хороший боевой опыт. О командирах полков. У нас был полковник Картенко. Он был командиром нашего артиллерийского дивизиона, артдивизиона. Он тоже вырос из капитанов, но он, правда, окончил училище артиллерийское. Был достаточно опытный и грамотный.

Какое было отношение к пленным солдатам. Не власовцам?

Дважды или трижды я участвовал в допросах пленных. Это происходило достаточно вежливо, никаких избиений не было. Если они не желали называть свою часть, то их и не заставляли это делать. Но это уже был 1945 год, так что они все выкладывали наружу. Что касается того, что я вообще знаю, то, по рассказам Рольфа, я знал, что под Сталинградом иногда недоедали наши, а пленных кормили. Он мне говорил, что у них был лучший паек, чем у наших солдат, не говоря уже о том, что их лечили иногда теми лекарствами, которые даже нашим не доставались. Поэтому я считаю, что особенно в 1945 году отношение к пленным было другое, наверное, чем это было в начале войны.

Как переходили от относительной вольницы к мирной жизни?

Эта вольница была, и была, к сожалению, очень сильной. Мы возвращались обратно, демобилизовались, мы ехали в теплушках, почти полтора месяца, через Румынию. Пропускали, естественно, все санитарные, воинские эшелоны, они шли вперед. А нас все время задерживали на каждой станции. Люди, которые прошли фронт, особенно те, которые воевали на самых ответственных участках, таких было много в наших эшелонах. Сопровождали эшелоны офицеры, которые либо демобилизовались, либо раненые, либо совсем молодые. Уже на этих людей никто особенно внимания не обращал. Пьянка была страшная, на станциях голодные румынки, они за что угодно, за хлеб давали самогон. Драки шли. Я старался держаться в уголке. Все время были какие-то разборки, дрались между собой, выпивали. Один залез на крышу вагона, ему мостом голову снесло. Я не чаял, как доеду до Москвы. Люди как бы вышли из каких-то тисков, в которых они были зажаты в армии. Хотя, я повторяю, на фронте уже было более свободно, но все равно там дисциплина была. Я почему-то всегда, будучи в армии, на фронте, побаивался, когда привозили вино. Офицеры набирали много вина, напивались. Я очень боялся этой пьянки, потому что это могло привести к очень плохим результатам. Немцы время от времени прорывались, они действовали отдельными группами. Даже под Веной, даже в самом городе были все время перестрелки. И когда офицерство пьянствовало, это было страшновато, нас могли уничтожить всех. Поэтому я старался их удерживать, как мог от этого дела. Говорил, осторожно, мы же не знаем обстановки, мы практически на передовой.

А когда уже были в Москве? Студенчество, вокруг свои ребята, и начинаешь от войны отвыкать. В моей группе было трое фронтовиков, один был без ноги. И ещё был один парень, он в армии не служил. Остальные были девчонки. Армейская жизнь постепенно отступала, наступала совершенно новая жизнь, пришли новые заботы: надо было доставать какую-то еду, как-то жить.

Не казалось ли Вам, что на фронте было проще? Здесь свои, там чужие, все понятно.

С точки зрения питания, безусловно, было легче на фронте. Но, естественно, мы стремились домой. Потому что армейская среда это не то, что дома.

Как-то мылись, стирались на фронте?

Мы стирали сами все свое. Я еще помню, в Киржаче все время ходили на речку стирать. Время от времени нижнее белье нам меняли, давали кальсоны, рубашки, гимнастерки. Правда, это все было не новое. Но на фронте достаточно прилично нас одевали, были такие бушлатики. В таком бушлате я и приехал. Уже в Будапеште и в Вене нас водили в баню, были походные бани. Очень строго следили, не дай бог, чтобы завелись вши. Каждое утро мы выстраивались, раздевались, и врач осматривал всех. И если есть у кого, то сразу же санобработка. В этом отношении там был порядок. Во всяком случае, в эти годы был порядок.

Интервью и литературная обработка: А. Драбкин